ЛИТЕРАТУРА
родного края

хрестоматия
1–4 класс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В хрестоматию вошли произведения детских поэтов и писателей Южного Урала. Книга поможет учителю познакомить учащихся с творчеством писателей родного края, воспитать их патриотами малой родины, обогатить содержание уроков литературного чтения. Материал, представленный в хрестоматии, позволяет полностью реализовать региональный компонент областного базисного учебного плана.

-
- От составителей
- 1 КЛАСС
- Аркадий Борченко
- Басыр Рафиков
- Рамазан Шагалеев
- Самуил Гершуни
- Геннадий Комаров
- Ася Горская
- Нина Пикулева
- Марк Гроссман
- Олег Юлдашев
- Лев Рахлис
- Николай Шилов
- Василий Кузнецов
- Лидия Преображенская
- Татьяна Большакова
- Георгий Трейлиб
- Ефим Ховив
- Людмила Татьяничева
- Юрий Подкорытов
- Нэлли Ваторопина
- Павел Бажов
- 2 КЛАСС
- Аркадий Борченко
- Басыр Рафиков
- Рамазан Шагалеев
- Самуил Гершуни
- Северина Школьникова
- Николай Шилов
- Лев Рахлис
- Олег Юлдашев
- Ася Горская

- Ефим Ховив
- Марк Гроссман
- Лидия Преображенская
- Юрий Подкорытов
- Нэлли Ваторопина
- Людмила Татьяничева
- Георгий Трейлиб
- Нина Цуприк
- Николай Глебов
- Павел Бажов
- 3 КЛАСС
- Николай Шилов
- Лев Рахлис
- Ефим Ховив
- Константин Рубинский
- Северина Школьникова
- Людмила Татьяничева
- Ася Горская
- Рамазан Шагалеев
- Нэлли Ваторопина
- Камиль Мустафин
- Михаил Львов
- Лидия Преображенская
- Анатолий Дементьев
- Виктор Савин
- Нина Цуприк
- Марк Гроссман
- Александр Гольдберг
- Юрий Подкорытов
- Сергей Черепанов
- Серафима Власова
- Павел Бажов
- 4 КЛАСС
- Ася Горская
- Олег Юлдашев
- Александр Гольдберг
- Камиль Мустафин
- Катиба Киньябулатова
- Нина Кондратковская
- Нэлли Ваторопина
- Михаил Львов
- Людмила Татьяничева
- Михаил Чучелов
- Лидия Преображенская

- Виль Андреев
- Леонид Конторович
- Анатолий Дементьев
- Виктор Савин
- Нина Цуприк
- Марк Гроссман
- Сергей Черепанов
- Павел Бажов
- Биографии
- ИСТОЧНИКИ:
-
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32

Литература родного края
Хрестоматия для учащихся 1—4 классов
5-е издание, стереотипное

Рекомендовано Министерством образования и науки Челябинской области

Челябинск
«Взгляд»
2010

УДК 882(082)
ББК 83.3(2Рос)я71
Л64

Идея проекта — А.Б. Горская
Составители: А.Б. Горская, Н.А. Капитонова, Т.Н. Крохалева , Л.Н. Чипышева
Рецензенты: С.Г. Молчанов, профессор, доктор пед. наук, Т.В. Абрамова, кандидат пед. наук
Художник: О.В. Данилова

Литература родного края : хрестоматия для учащихся Л64 1—4 кл. / Сост. А.Б. Горская [и др.]. — 5-е изд., стереотип. —
Челябинск : Взгляд, 2010. 351 с.: ил.
ISBN 978-5-93946-169-6

В хрестоматию вошли произведения детских поэтов и писателей Южного Урала. Книга поможет учителю познакомить учащихся с творчеством писателей родного края, воспитать их патриотами малой родины, обогатить содержание уроков литературного чтения.

Материал, представленный в хрестоматии, позволяет полностью реализовать региональный компонент областного базисного учебного плана.

УДК 882(082)
ББК 83.3(2Рос)я71
ISBN 978—5—93946—169—6
© ООО «Издательский центр “Взгляд"», 2005

От составителей

Уважаемые коллеги!

Вы держите в руках хрестоматию, которая включает в себя произведения детских поэтов и писателей Южного Урала и может быть использована вами и как пособие для учителя, и как учебник.

Материал, представленный в хрестоматии, позволит вам не только полностью реализовать региональный компонент областного базисного учебного плана, но и познакомить учеников с творчеством писателей родного края, расширить их знания по истории и географии Южного Урала, воспитать их патриотами своей малой родины.

Наряду с этим хрестоматия позволит учителю совершенствовать навыки восприятия литературного произведения, эстетического переживания прочитанного, речевого развития -все это обогатит содержание уроков литературного чтения, реализующих федеральный компонент.

Книга структурирована по классам и темам, что позволит вам осуществить свободный выбор произведения для урока независимо от того, по какому учебнику вы работаете. При этом работа с произведением будет осуществляться в рамках концепции, составляющей основу федерального комплекта. Изучению произведения вы можете посвятить один из этапов урока или весь урок, возможен также вариант изучения одного произведения на протяжении нескольких уроков; это зависит от возможностей вашего класса. Количество изученных произведений и их выбор также зависят от вас.

Хрестоматия может быть использована в качестве пособия для учителя. В этом случае урок строится как урок литературного слушания (методика Л.А.Ефросининой), то есть включает два обязательных этапа: чтение произведения учителем и работа с произведением. Для организации второго этапа после текста даются примерные вопросы для организации беседы, которые вы будете использовать по своему усмотрению.

В том случае, если хрестоматия есть у каждого вашего ученика, работа с литературным произведением включается в урок как дополнительная. Книга может быть использована на уроках внеклассного чтения.

Творчество писателя изучается, как правило, на протяжении нескольких лет, поэтому полные биографии помещены в конце

книги, и вы можете к каждому уроку подобрать такой материал, который будет интересен вашим ученикам.

Искренне надеемся, что хрестоматия поможет вам в работе.

1 КЛАСС

Аркадий Борченко

(1937-2004)

РАЗБЕЖАЛИСЬ БУКВЫ

У меня несчастный вид?
Вид кислее клюквы:
Растерялся алфавит?
Разбежались буквы.
Жэ —
На пятом этаже,
Не достать её уже.
Бэ — полезла по трубе.
И не совестно тебе?
О —
Запряталась в очки,
А —
В амбаре... А-а-пчхи!..
В глубине шалаша
Ша притихла не дыша.
Буква У —
У ворот,
Букву Вэ
В гости ждёт.
С пешеходом буква Пэ
Ходит-бродит
По тропе.
Буква эР
Не в букваре,
А в собачьей конуре.
Буква эС
Сбежала в лес —
Сколько всё-таки чудес!
Дэ —
Купается в воде.
Ой, утонет, быть беде!
Оседлав петуха,
Ха хохочет:
— Ха, ха, ха!
Буква Ка —
Вверх рука —

Мне сказала:
— Ну, пока!
Фу, какая буква эФ!
Ты б сидела присмирев.
В лодку села буква эЛь —
Села лодка с ней
На мель.
Тэ —
На самой высоте,
Как антенна на шесте.
Е — на ель,
А Ё —
На ёлку.
Упадёте...
В зубы волку!
Мягкий знак
Под дверь подлез,
Твёрдый — спрятался в подъезд.
Цэ
С усмешкой на лице
Растянулась на крыльце.
В щель укрылась
Буква Ща,
Виден хвостик от плаща.
Букву И
Утащили воробьи.
В старом рваном картузе
Схоронилась буква Зэ.
На дорожке буква Гэ
На одной стоит ноге.
Ну а где же буква эН?
Протянулась между стен.
А друзья Э, Ю, Я
Распевают:
«Э-лю-ля».
Мне беда — не беда!
Не сбежите никуда!
У меня счастливый вид:
Я запомнил алфавит!

Вопросы:
1. Какие буквы автор забыл упомянуть в стихотворении?

2. Знаешь ли ты, сколько букв в русском алфавите?

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ

Арбуз

У арбуза-
Карапуза
Разлинованное
Пузо —
Всё в полоску,
Всё в полоску,
Будто он
Надел матроску.

Лук

Сколько слёз,
Сколько мук
Причиняет людям
Лук!
А почему?
Да потому,
Что не нравится ему,
Когда ножом бедняжке
Портим мы рубашки.

Редиска

Плачет маленький Дениска —
Подвела его редиска:
Думал, если красная,
Значит, не опасная,
Думал, если с грядки,
Значит, всё в порядке.
А она, наоборот,
Обожгла Дениске рот.

Вопросы и задания:

1. Какие это стихи — смешные, грустные, добрые, злые,

весёлые?

2. Знаешь ли ты пословицы или загадки про овощи? Расскажи.

БОЛЬШОЙ Я ИЛИ МАЛЕНЬКИЙ?

Мне ровно шесть. Я перерос
Сестру-двойняшку Валеньку.
Но кто ответит на вопрос:
Большой я или маленький?

Катал я как-то снежный ком,
И вдруг бежит Трезор.
Бежит и лает. Я бегом
Пустился через двор.

А мама видела в окно
И целый день стыдила:
— Ведь ты уже большой давно,
Смотри, какой верзила!

Я маленьким и не кажусь,
Хоть у кого спросите.
Я даже знаю наизусть
Все буквы в алфавите.

И в школу мне пора давно,
Купить портфель и книжки...
А мама снова:
— Ой, смешно!
Да ты ещё малышка!..

Мне шесть. Седьмой.
Я перерос
Сестру-двойняшку Валеньку.
Но кто ответит мне всерьёз:
Большой я или маленький?

Вопросы:

1. Как бы ты ответил на вопрос, поставленный в заголовке?
2. Как ты думаешь, что значит быть большим? А маленьким?

СКОРОГОВОРКИ

Стоят Серёжкины берёзки,
Висят берёзкины серёжки.

Слёзы катятся у пса —
Покусала пса оса.

Задание:
Прочитай скороговорки быстро.

Басыр Рафиков

(1921)

В ЛЕСУ

Если в лес пришёл балбес —
Беды начинаются:
Вспыхнет пламя до небес,
Птицы разлетаются,
От деревьев пни да сучья
На пути валяются.
Шепчут ели, стонет лес:
— Пусть не ходит в лес балбес!
(перевод Л.Хрипко)

Вопросы и задания:

1. Проверь, правильно ли ты понимаешь значение слова «балбес»: балбес — бестолковый, грубый человек.
2. Почему героя стихотворения автор назвал балбесом?
3. Объясни, как нужно вести себя в лесу.

Рамазан Шагалеев

(1935)

БЫСТРЫЕ ЛЫЖИ

— Эй, Ильдар, — кричат ребята, —
Эти лыжи брать не надо.
Поезжай-ка на своих.
Лыжи брата длинноваты,
Ты запутаешься в них.
— Нет, мои плетутся тихо,
А у брата мчатся лихо,
И на них, куда хочу,
Я как птица полечу!
(перевод И.Кручининой)

Вопрос:
Сможет ли Ильдар «лихо мчаться», как брат? Почему?

ГОРЕ-МОРЯК

У Аюпа брат — матрос,
У Аюпа — кверху нос.

— Подарил мне брат тельняшку,
Поплыву на корабле!
Я — моряк. А вы, бедняжки,
Оставайтесь на земле.

Мы купаемся в реке.
Стал Аюп невдалеке.

— К нам плыви, смелее!
— Плавать не умею...
(перевод И.Кручининой)

Вопрос:

Почему стихотворение называется «Горе-моряк»?

Самуил Гершуни

(1920-2003)

СЕРЁЖА

Наш Серёжа так богат —
У него в кармане клад:
Синяя стекляшка,
Конфетная бумажка,
Катушка без ниток,
Пять цветных открыток,
Старая монета...
Чего там только нету!
Даже чёрствый бутерброд.
Вот!
Не хватает пустяка —
Носового платка...
Я хочу задать вопрос,
Чем он вытирает нос,
Если рукава Серёжи
На сапожный крем похожи?

Вопрос:
Хотелось бы тебе иметь Серёжин клад в кармане? Почему?

КОВЁР-САМОЛЁТ

Дедушкину сказку
Слушал паренёк:
...Город Берендея
Очень был далёк,
Но Иван-царевич
Расстелил ковёр
И на нём поднялся
Выше синих гор,
Облетел полмира
Он за полчаса...
Внук прервал:
— Да это

Разве чудеса?
Далеко и скоро
Улетел ковёр?
Значит — реактивный
У него мотор!

Вопрос:

А какие ещё волшебные вещи из сказок пришли в нашу жизнь?

Геннадий Комаров

(1933)

КОТ НЕ ЗНАЛ

Только я
Раскрыла книжку,
Прыгнул кот
И лапой — хвать!..

Он увидел в книжке
Мышку
И хотел её поймать.

Кот не знал,
Что в этой книжке —
Нарисованные мышки.

Вопросы и задания:

1. Улыбнулся ли ты, читая стихотворение, или тебе стало жалко кота? Почему?

2. Расскажи, какие смешные случаи происходили с твоими домашними животными.

В ПАПИН ВЫХОДНОЙ

Рано встать не поленилась
Катя в папин выходной.
С папой рядышком трудилась,
И кормушка получилась
Из коробки обувной.

Катя клеила, а папа
Рейки ножичком стругал.
Кот, испачкав клеем лапы,
Голубой картон царапал —
Тоже Кате помогал.

ПОД СОСНОЙ — ЖИВАЯ КОЧКА

— Папа, папа! Посмотри!
Под сосной — живая кочка!
— Ты её не трогай, дочка.
— А у кочки что внутри?

— Это очень славный дом,
А вернее — даже город.
Муравьи в жару и холод
Беспокоятся о нём.

Входы сторожат в жилище
И, конечно, вкусной пищей
Сытно кормят муравьят —
Рыжих кочкожителей,
Будущих строителей.

Вопросы и задания:

1. Как называется «живая кочка»?
2. Приходилось ли тебе наблюдать за жизнью таких «живых кочек»? Расскажи.

Ася Горская

(1937-2003)

ДВА ПОРТФЕЛЯ

После школы два портфеля
Расходиться не хотели.
Потолкались,
Повалялись
И в снегу покувыркались.
Прокатились с горки вниз —
И до завтра разошлись.

Вопрос:
Действительно ли герои этого стихотворения — портфели?

ДЕВОЧКА И ЩЕНОК

Недавно счастливым
Был он щенком.
Хозяйку любил он
И собственный дом.
И радостным лаем
Встречал детвору,
Когда на прогулку
Бежал поутру.

Чего же сейчас
Под дождём одинок?
Больше не нужен
Хозяйке щенок?
Может быть, девочка
Просто больна?
Срочная помощь
Хозяйке нужна?

Добрый, доверчивый,
Ласковый пёс
Не понимает,

Что брошен всерьёз...
Девочка, выйди
Из дома скорей!
Друга впусти,
Обсуши, обогрей.

Вопросы и задания:

1. Какое настроение у этого стихотворения — весёлое, радостное, грустное, печальное, доброе, злое?
2. Как поступила хозяйка с щенком?
3. Расскажи, почему нельзя бросать домашних животных.

ЗАГАДКИ

В замке он
Обычный,
А в нотах —
Скрипичный.

Она живёт,
Не зная
Скуки:
Ей ручки
Пожимают руки.

Задание:

Отгадай загадки.

Нина Пикулева

(1952)

ЗАГАДКИ

Отгадай, какое СЛОВО
Есть у каждого портного?
Вместо шубы ЭТО СЛОВО
Ёжик носит на спине,
ЭТО СЛОВО вместе с ёлкой
В Новый год придёт ко мне!

Буквы делали зарядку,
А потом — не по порядку,
Ну совсем не по порядку
В новый выстроились ряд.
И теперь нам эти буквы,
Посмотри, какие буквы:
БЕЛЯНЧИКС—
Никому такие буквы
Ни о чём не говорят!
Поломали буквы слово,
Потеряли буквы слово.
Умирает, может, слово?
Надо слово выручать!
Очень просим: помогите,
Имя городу верните.

В Москве со мной был
И в Германии был,
В дороге не ел ничего
И не пил,
За ручку я всюду
Держала его.
А больше я вам

Не скажу ничего!

Ты подумай над вопросом:
Кто совсем не дышит носом?
Ни на суше, ни в воде —
Нигде!

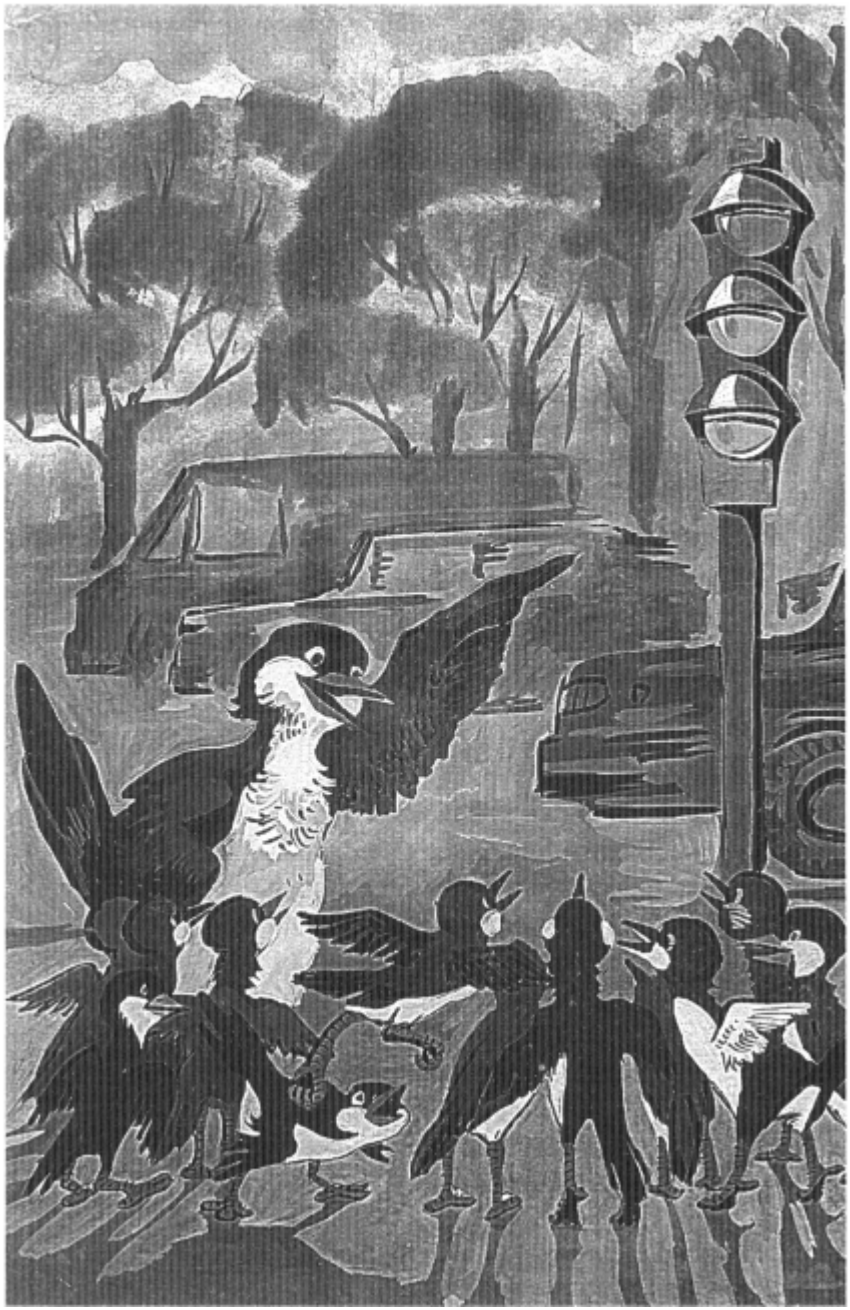
Может снять с кастрюли крышку,
Может — превратиться в пышку
И ватрушкой может стать,
Если бабушку позвать.

Задание:
Прочитай и отгадай загадки.

СОРОКИНЫ УРОКИ

В гости к бабушке Сороке
Шли двенадцать сорочат,
Не сердились светофоры
На Сорокиных внучат.
Научила их Сорока:
Загорится
КРАСНЫЙ ГЛАЗ —
Значит, занята дорога,
Стоп! Дорога не для вас!
Вот проехали машины,
Загорелся
ЖЁЛТЫЙ ГЛАЗ —
Погодите, не спешите,
Будьте бдительны сейчас!
Дождались: горит
ЗЕЛЁНЫЙ,
Самый добрый ГЛАЗ
горит!
Это значит, светофор вам
«Проходите!» — говорит.

В гости к бабушке Сороке
Шли двенадцать сорочат,
Не сердились светофоры
На Сорокиных внучат.



Вопросы и задания:
1. Чему Сорока научила внучат?
2. Выучи стихотворение «Сорокины уроки» наизусть.

СКОРОГОВОРКИ

У Тамары-тараторки
Тридцать три скороговорки.
Самая простая
Знаете какая?
Да вот она:
Собака Шарик
Несла сухарик.
А ну попробуй повтори,
Да не один разок, а ТРИ!

Кукушка купила ушат,
Купать собралась кукушат.

У кролика Гришки
Четыре братишки:
Кролик Тришка,
Кролик Трошка,
Кролик Прошка,
Кролик Лёшка.

Валя варежки вязала,
Валя валенки валяла.

Хвастал храбрый краб три дня:
«Краба нет храбрей меня!».

Вопросы и задания:

1. Прочитай скороговорки быстро.
2. Знаешь ли ты ещё скороговорки? Расскажи.

Марк Гроссман

(1917-1986)

БЫЛ ВОВА ДО ЭТОГО ПРОСТО ПРОКАЗНИК

Был Вова до этого просто проказник,
А с этого часа он стал первоклассник.
Не только у папы — у Вовы работа:
Уроки за Вову не сделает кто-то.
Ему, а не папе задали задачу,
Её не решишь наугад, наудачу.
И Вова сидит и пыхтит над тетрадкой,
Пыхтит и глядит на Алёнку украдкой.
И мама вздохнула: — Мне жалко ребёнка...
— Давай помогу, — предложила Алёнка.
Но папа сказал, покачав головою:
— Сынок, не живи за чужою спиною.
Ведь в жизни задачи трудней, чем в тетрадке,
Их надо уметь положить на лопатки.

Сидит и пыхтит над листком непоседа.
Хороший мальчишка растёт у соседа!

Вопросы и задания:
1. Почему папа не разрешил помогать Вове?
2. Расскажи, как ты делаешь уроки.

Олег Юлдашев

(1957-1992)

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Снежные шапки деревья надели,
Встретить спешат Новый год.
Ёлочки-дочки вокруг мамы-ели
Водят лесной хоровод.

В праздник весёлый сияют иголки
Под новогодней луной.
Пусть у вас добрых друзей будет столько,
Сколько снежинок зимой.

Вопросы:
1. Почему автор желает всем иметь много друзей?
2. Хотел бы ты встретить Новый год в лесу? Почему?

Лев Рахлис

(1936)

СВЕРЧОК

Под диваном у меня
Жил сверчок четыре дня.
Днём он спал, а среди ночи
Стрекотал, что было мочи.
Разумеется, мой сон
Улетучивался вон.
Лишь на пятый день сверчок
Затаился — и молчок.
А когда его не стало,
В доме тихо-тихо стало.
Можно спать без задних ног.
Только я уснуть не мог.
Не хватало пустячка —
Кто подумал бы?
Сверчка.

Вопрос:

Почему герой стихотворения не смог уснуть? А с тобой такое случалось?

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ ПАУК

Муравей услышал топот,
Цокот, грохот, перестук.
Это шёл
По переулку
Вперевалочку
Паук.
Лапотищи у него —
Во!
Животище у него —
Во!
И глазища у него —
Во!

А головка у него —
Во!
Муравей тащил соломку,
Стебелёчек от овса,
А паук прошёл сторонкой
И не
Поздо-ро-вал-ся!
В сапожищах длинных-длинных,
Чтобы ног не замарать,
Он вышагивал на рынок
Паутиной торговать.

Вопрос:

Кто из героев стихотворения тебе понравился больше других? Почему?

БОЖЬЯ КОРОВКА

Вот божья коровка —
Сказать-то неловко —
Букашка,
Ну, спичечная головка,
Козявка какая-то,
Как говорится,
А вот ведь
Нисколько меня
Не боится.
Ладонь подставляю —
Спокойно ползёт:
То влево,
То вправо,
То полный вперёд.
Видать, понимает:
На этой ладони
Никто
Не обидит её
И не тронет.

ЗАГАДКА

Стоят — вместе,

Ходят — врозь.

Задание:
Отгадай загадку.

Николай Шилов

(1947)

НА КОГО Я ПОХОЖ

Я совсем не похож
На кота —
У меня
Ни усов, ни хвоста.
Я совсем не похож
На пингвина —
У меня от купанья ангина.
Я совсем не похож
На коня —
Нет подков
На ногах у меня.
Я, наверное,
Родственник
Льву,
Потому что частенько реву.

Вопрос:
На кого бы ты хотел быть похожим? Почему?

БЕЗУСЫЙ САМСУСАМ

Сам катает — самокат,
Сам летает — самолёт,
Самосвал — сам валит,
Самовар — сам варит.
А безусый САМСУСАМ
Всё-превсё умеет сам.
Этот шустрый человек —
Самопрыг и самобег,
Самобряк и самотоп,
Самосвист и самохлоп,
Самосброс и самохват,
Самолёт и самокат!

МУХИ

Хвостом корова
Потому
Всё машет,
Машет,
Машет,
Что говорит лишь
«Му» да «му»,
А «хи»
Никак не скажет.

Вопрос:

Что забавного ты видишь в стихотворениях «Безусый самсусам» и «Мухи»?

РАНЕЦ

Мне купили
Новый ранец,
Этот ранец —
Иностранец
Фиолетово-
Зелёно-
Жёлто-
Красно-
Голубой.
До свиданья,
Старый дранец,
Мой терянец
И швырянец,
Мой катанец
Дорогой!

Вопросы и задания:

1. Почему автор называет ранец иностранцем, терянцем, катанцем?

2. Расскажи, как нужно обращаться со своими вещами.

ДВЕ КАШКИ

В чистом поле
Кашка
И цветёт,
И пахнет.
Кто увидит
Кашку,
Подойдёт
И ахнет.
А на кухне
Кашка
И пыхтит,
И бухнет,
Кто упустит
Кашку,
Прибежит
И ухнет.
Над цветущей
Кашкой
Всё шмели
Да пчёлки.
Над пыхтящей
Кашкой
Всё носы
Да чёлки.

Вопросы и задания:

1. Почему стихотворение называется «Две кашки»?

2. Приведи ещё примеры омонимов (слов, одинаковых по звучанию и написанию, но разных по смыслу).

Василий Кузнецов

(1893-1953)

БАЗАР

Утром однажды,
В день выходной,
Кот Федот
Со своей женой —
Кошкой Матрёшкой —
На базар собрались
За фруктами,
За продуктами,
За картошкой.
Кот Федот —
Корзинку на руку,
Кошку Матрёшку —
Под руку —
Пошли.
Шли полями,
Садами,
Дорожками.
Федот в сапогах
С застёжками,
У кошки Матрёшки
На маленьких ножках —
Тапочки.
Шли, шли, шли —
На базар пришли.
Увидали на базаре
Много лавок и возов.
Услыхали на базаре
Много разных голосов.

Под навесом
За прилавком
Увидали петуха.
А петух разинул рот,
Шею вытянул вперёд
И орёт:
— Луку, репы!

Брюквы нету!
Луку, ре-е-пы!
Кука-ре-е-ку!

Тут же рядом
На телеге
Красноносый,
Жирный,
Пегий —
Поднял голову гусак
И гогочет
Громко так:
— Га-га-га!
На телеге курага —
Га-га-га-га!
Курага недорога —
Га-га-га-га!
Предлага-га-га-га-гаю!
Га-га-га!

Тут свинка Аринка,
Гладкая спинка.
Нос у свинки
Пятачком,
В пятачке две дырки,
Над глазами
Козырьком
Уши-растопырки,
Никого не слушает
И всё время хрюкает:
— Хрен! Брюква!
Урюк!
Ор-рехи! Вар-ренье!
Хр-рюк!
Брюква, ур-рюк!
Хрюк!

Рядом с ней
Приятель-друг,
Расфуфыренный
Индюк.
Хвост —
Не меньше колеса,
Нос — не нос,

А колбаса.
И глаза —
Как светлячки,
На носу
Торчат очки.
Он кричит
На весь базар,
Предлагает свой товар:
— Полтора куля крупы!
Дешёвая, перловая,
Крупа без скорлупы!
Яблоки волынские,
Мичуринские,
Крымские,
Арлым-барлым-па-пы!

А тут же
Невдалеке
Коза на грузовике,
Что-то рубит на чурбане,
Машет острым топором,
Бородой трясёт
И тянет
Тонко-звонко
Тенорком:
— Мя-я-са! Мя-я-са!

Жук стоит на возу,
Смотрит косо
На козу
И стучит по арбузу,
И стучит,

И кричит:
— Брынз-за!
— Арбуз-зы!
Полвоз-за кукуруз-зы!
Груз-зди,
Из-зюм!
Дз-зум, дз-зум-м!

Воробей
С двумя грачами
Торговали калачами,
Плюшками,
Ватрушками,
Баранками.
Говорят воробью
Грачи:
— Ты, вор-робей.
Не робей.
Гр-ромче кр-ричи!
Закричал воробей:
— Плюшечки!
Чирик-чирик!
Ватрушечки!
Чирик-чирик!
Бараночки!
Чик-чирик!
Калачи!
Чик-чи-чи!

Сидит кукушка
У мешка
Тут же,
Возле петушка.
— Лу-ку! Лу-ку!
Ку-ку! Лу-ку!
Лу-ку! Ку-ку!

А кот Федот:
— Ах ты, кукунья-лгунья!
Гнезда не вьёшь,
Не сеешь,
Не жнёшь,
А чей же ты лук
Продаёшь?

Ха-ха-ха!
А кошка Матрёшка:
— Ха-ха-ха!
Купили мы луку
У петуха.
Ха-ха!
Сказала Матрёшка
Федоту-коту:
— Я была бы
Очень рада
Выпить морсу,
Лимонаду —
Пересохло во рту.

А в киоске торговала
Старая лягушка,
Квас холодный разливала
По стеклянным кружкам.
Разливала
И кричала:
— Квас! Квас!
Кружку квасу
Для вас?
Вам не нравится
Квас?
Ладно, хватит
Покупателей
На квас
Без вас!
Квас! Квас! Квас!
А кот Федот:
— Значит, нету лимонаду?
Квасу лей
Живей!
С покупателями надо
Быть повежливей!

Кот Федот
И кошка Матрёшка
Целый час
По базару ходили.
А сколько всего
Накупили!..
Потом

Поблагодарили:
За курагу —
Гусака,
За яблоки —
Индюка,
За хрен, за варенье —
Свинку.
Всё уложили
В корзинку.
Кот Федот
Корзинку —
На руку.
Кошку Матрёшку —
Под руку.
Дорогой прямой
Пошли домой.

Задание:

Прочитайте стихотворение по ролям или разыграйте в классе сценку «Базар».

Лидия Преображенская

(1908-1991)

КОШКИ-МЫШКИ

Вышел, важный и степенный,
На прогулку старый кот.
Видит: в школе перемена,
Во дворе игра идёт.
И девчонки, и мальчишки —
Все кричат: — Скорее, мышки,
Убегайте! В хоровод
Кошка страшная идёт.
Кот испуган и смущён.
Всем, что видит, удивлён:
Кошек он встречал с хвостами
И с предлинными усами.
Ну а тут, судите сами,
Без хвоста выходит кошка
И на двух высоких ножках.
На затылке — две косы.
Где же у неё усы?
К удивлению кота,
Мышка тоже без хвоста.
И похожа эта мышка
На знакомого мальчишку.
Потеряв степенный вид,
Кот, испуганный, бежит:
— Ой беда, ой беда!
Разбегайтесь кто куда!
Мышь такая нападёт —
Кошку в клочья разорвёт.

Вопросы и задания:
1. Почему кот испугался?
2. Расскажите, как вы играете на перемене.

БАБУШКИН ВНУК

Слаб, беспомощен и мил,
Как любой ребёнок,
Мальчик Саша жил да был —
Бабушкин внучонок.
В нём старушка, говорят,
И души не знала.
Летом ветры налетят —
Дунуть не давала.
Не жалея рук и сил,
Мыла днём пелёнки.
Шла к нему, если будил
Ночью криком звонким.
Терпеливо для него
Кашу, суп варила...
Краше внука — никого!
Лучше всех ей был он.
Год... второй... шестой прошёл...
Вдаль года бежали.
Рос мальчишка крепышом,
Преотличным малым.
Крепок, строен, как дубок,
Вырос внучек Саша.
Знать, пошла мальчишке впрок
Бабушкина каша.
Выжать гирю может он.
И нырять, и плавать.
И недаром окружён
Он спортивной славой.
У старушки с каждым днём
Всё слабеют силы...
— По водичку бы с ведром
Ты сходил бы, милый, —
Просит внука.
Что же он?
Не моргнувши глазом,
Отвечает, возмущён:
— Я вам не обязан!
Ей слеза туманит взор:
«Этакое скажет!».
Слушать дальше разговор
Не могла я даже...
Ясен, думаю, вопрос
(Грустная картина!):
Как дубок, мальчишка рос —

Выросла дубина.

Вопросы и задания:

1. Как ты понимаешь слова: «...как дубок, мальчишка рос — выросла дубина»?

2. Охарактеризуй героя стихотворения. Какой он: жестокий, неблагодарный, воспитанный, ленивый, трудолюбивый?

3. Расскажи, как ты помогаешь своей бабушке.

СУРОК

Пусть мороз трещит суровый —
Тёмной ночью, ясным днём
Спит сурок в норе глубокой
Зимним, долгим, крепким сном.
Потому и говорится,
Коль мальчишке крепко спится:
«Спит сегодня мой сынок
Крепко-крепко, как сурок».

Вопрос:

Почему появилось выражение «спит как сурок»?

САМЫЙ КРАСИВЫЙ

Было это летним утром. Солнце только что поднялось над землёй. Умытое, чистое, оно радостно улыбнулось каждому листочку, каждой травинке. И навстречу ему птицы, весело отряхнувшись от сна, запели в лесу. На лугу ромашки раскрыли белые ресницы и посмотрели вокруг озорными золотистыми глазами. А на лесной полянке, под белоногой берёзкой, осторожно раздвинул прелую листву гриб-боровик. Он потихоньку выглянул из-под шляпки и восхищённо вздохнул:

— Ой, как хорошо! И какой же красивый мой сосед!

Действительно, сосед его был красив. Стройный, высокий, с оборочкой на ножке, он нарядился в это утро в ярко-красный остроконечный колпачок, усыпанный белыми хлопьями. Это было так красиво, особенно здесь, на зелёной, освещённой солнцем полянке.

Боровику стало стыдно за свою скромную коричневую шапочку, за неуклюжую крепкую ножку. От смущения он даже готов был снова спрятаться под листья, но этого нельзя уже было сделать, и он только прошептал:

— Извините, пожалуйста, я, кажется, слишком близко к вам поселился.

Сосед даже не заметил его и не обратил внимания на извинение. Он по-прежнему горделиво щурился на солнце.

Пробегавший мимо муравей остановился и недовольно пошевелил усами:

— Нашёл перед кем извиняться! Перед таким задавакой. Лучше бы уж обабку поклонился или маслятам.

— Где же они? — спросил боровик.

— А ты оглянись, может, и увидишь, — посоветовал муравей, ухватил большую сосновую иголку и скрылся в траве.

Боровик смущённо осмотрелся. Недалеко, под сосной, дружной семейкой расположились грибочки в жёлтых скользких шапочках. Под осинкой стоял высокий тонконогий гриб. Ростом своим и стройностью он, пожалуй, не уступал красивому соседу, но шляпа его была толстая, рыхлая и такого же коричневого некрасивого цвета, как у боровика, а ножка в серых грязных крапинках.

— Фу, какой некрасивый! — прошептал боровик и отвернулся. — Нет уж, никому не сравниться с красавцем соседом.

Вдруг откуда-то выпорхнула трясогузка. Она испуганно повертела головкой во все стороны, помахала хвостиком и, тревожно крикнув:

— Ци-ри! Ци-ри! Берегитесь, грибы! — так же быстро исчезла, как и появилась.

«Что с ней?» — подумал боровик. Но тут он увидел девочку с корзинкой в руках. Девочка перебегала от куста к кусту и заглядывала под них.

Вот она совсем близко подошла к боровику. Сейчас он даже рассмотрел её голубые глаза, светлые волосы и пёстрый, как лесная лужайка, сарафанчик.

— Ой, грибочки! — радостно засмеялась девочка. Она сорвала гриб и тут же бросила его. Это был маслёнок, один из братьев под сосной.

— Какой противный, скользкий!

Девочка брезгливо сморщила нос и вытерла руку о траву.

— Вот вам! — сердито крикнула она и начала топтать грибы.

— А это ещё что за грязнуля? Ну как есть по лужам бродил и весь забрызгался, — склонилась она к подберёзовику и, не

раздумывая долго, так пнула его, что пухлая шляпка далеко отлетела от ножки и разломилась на две части.

Боровику стало страшно. «Неужели и меня так же?» — подумал он. Но девочка не замечала его. Вдруг она увидела его соседа-красавца и звонко крикнула:

— Бабушка! Бабушка! Иди скорее сюда! Посмотри, какой я красивый гриб нашла!

На полянку, опираясь на палочку, вышла старушка. Она зорко посмотрела на девочку, на гриб, который горделиво красовался перед нею, и покачала головой:

— Эх, Танюша, Танюша! Ничего ты у меня ещё не понимаешь. Вот маслят, я вижу, ты потоптала, а почему? Только потому, что они вида такого не имеют, как этот франт, а того и не знаешь, что его есть нельзя. Ведь это — настоящая мушиная смерть.

— Как мушиная смерть? — удивилась Таня. Бабушка засмеялась и опустилась на пенёк.

— Садись, Танюша, послушай, что скажу. Мухомор это. Красивый он, правда твоя. Так и красуется, так и лезет в глаза своей нарядной шляпкой: возьми, мол, сорви поскорей. Поверит ему такая глупышка, как ты, сорвёт, попробует и отравится. Только и годится он для того, чтобы мух травить. А вот маслят жаль — зря загубила. Хороши они, жаренные в сметане.

Тут бабушка вздохнула и вновь окинула поляну взглядом.

— Э-э! — сказала она. — Самого-то красивого ты и не заметила.

«О ком она говорит?» — удивился боровик. В этот момент над ним склонилась бабушка, приговаривая:

— Вот он, красавец-то настоящий! Скромный, никому в глаза не лезет — недаром ты его и не заметила. Только не смотри, Танюша, что он такой незаметный, неуклюжий. Зато нет вкуснее гриба, чем белый гриб.

Она бережно подрезала его ножичком, полюбовалась и положила в корзину, где было много других грибов. Отсюда, сверху, боровик отчётливо видел пёструю от ромашек полянку, берёзку, под которой стоял минуту назад, и красавца мухомора. Ветер качнул над корзинкой высокую травинку, и тут боровик заметил знакомого муравья. Тот раскачивался на травинке, пошевеливая усами.

— Ну как, приятель, видно, недаром ты завидовал гордецу мухомору? Ведь он невредимый будет долго стоять здесь, а тебя сегодня же съедят, — сказал муравей.

— Что же, лучше пусть съедят, чем стоять и гнить бесполезно или даже принести кому-нибудь вред, — прошептал боровик.

Муравей с восхищением посмотрел на него.

— Вот теперь и я вижу, что ты самый красивый. Побегу расскажу о тебе братьям, — сказал он и проворно спустился на землю.

Вопросы и задания:

1. Какая красота важнее?
2. Составь план рассказа. Перескажи.

Татьяна Большакова

(1945)

ЭХО

Много лет назад в горах поселилось Эхо. Оно привыкло к простору и одиночеству. За долгие годы в горах Эхо разучилось разговаривать и стало прозрачное, как воздух.

Случалось, в горы приходили люди. Больше всего Эху нравилось слушать их. Эхо представляло, как давным-давно разговаривало тоже. А теперь, как ни старалось поговорить с людьми — не получалось. Эхо поняло, что может только повторять слова, которые слышит.

Люди уходили... Эху делалось скучно и грустно. Но однажды...

— Пора возвращаться! — услышало Эхо.

— Пора возвращаться! — воскликнуло в ответ Эхо.

— Какое прекрасное эхо! — произнёс человек.

Эху было неловко хвалить себя, но ему так хотелось поговорить.

— Какое прекрасное Эхо! — повторило оно.

Люди ушли. Эхо не успело наговориться, затосковало...

— Мама! Папа! — послышался однажды крик в горах.

Эхо встрепенулось, обрадовалось и прокричало:

— Мама! Папа!

— Эй! Кто-то тоже зовёт маму и папу, — удивился Митя. — Где ты?! — крикнул Митя и стал оглядываться по сторонам.

— Где ты? — тоже крикнуло Эхо.

— Я здесь... Вот я... А ты где? — и Митя заплакал.

— Я здесь. Вот я. А ты где? — тихо отозвалось Эхо. Плакать ему не хотелось, но пришлось плакать...

— Ты... ты тоже заблудился? Где же ты? — забеспокоился Митя.

— Ты тоже заблудился? Где же ты? — снова откликнулось Эхо.

«Да ну, кто-то просто дразнится», — подумал обиженно Митя и замолчал. Эхо тоже замолчало и с любопытством разглядывало мальчика. «Какой маленький! С таким и поиграть можно. А главное — один, и я одно. Теперь будем вместе!» — обрадовалось Эхо.

А Митя закричал:

— Я за-блу-удил-ся-я!

— Я за-а-блу-уди-и-ил-ся-я! — прокричало Эхо.

— Да кто ты? Кто? — рассердился Митя.

— Я — эхо! — неожиданно сказало громко Эхо и само удивилось: «Как это у меня получилось?».

— Эхо? — обрадовался Митя и подумал: «И правда... Это же эхо. Я вспомнил. Просто я никогда не слышал...».

— Эхо! Я заблудился. Помоги мне! Пожалуйста, прокричи громче. Тебя услышат — и меня найдут. Домой пойдём вместе... Будешь жить у нас, где захочешь: в комнате или в саду, на веранде или во дворе. Покричи, пожалуйста, — попросил Митя и сел на камень.

— За-а-аблу-уди-ился-я-я... э-эй-эй... а-а-а-у-у-у...— покатилось по горам и долам. «Нет, я привыкло жить на просторе, в горах...» — думало Эхо.

— Слышишь! — сказал Митин папа. — Надо идти туда! — он показал Митиной маме рукой в сторону ущелья.

— Быстрей! — торопилась Митина мама. А Эхо, указывая путь, звало их вперёд: «Ту-уут... я-я-я...»

— Митя! Сынок! — ласково обняла Митю мама.

— Ну и голос у тебя, — радовался встрече папа, — на десять вёрст слышно.

— До свидания! Эхо! Спасибо! — крикнул, уходя, Митя.

— До свидания! Митя! Спасибо! — ходило вокруг Эхо. Ему было грустно и снова одиноко. Люди уходили...

Вопросы:

1. Каким эхо показано в сказке?
2. Как эхо помогло Мите?

Георгий Трейлиб

(1920-1992)

УКУРУШИ

Подходит ко мне знакомый мальчик, лукаво повёл глазами, спрашивает:

— Укуруши есть?

— Что-что?

— Укуруши есть?

— Ты говори, как следует!

— Я и так, как следует:

У

Кур

Уши

Есть?

— Конечно, есть! — отвечаю.

А сам думаю: в кружок юннатов парнишка записался.

А он, вроде бы очень довольный ответом, — вновь ко мне:

— Вышелбауши у кого?

— Что опять за «вышелбауши»?

— Не что, а у кого! — откровенно торжествовал и смеялся мальчуган:

Выше

Лба

Уши

У

Кого?

— У осла, у большинства животных, — пустился было я в рассуждения, но догадался, что малец разыгрывает меня.

Теперь нам обоим весело — встречаем друг друга укурушами.

Вопросы:

Зачем мальчик задавал вопросы?

ЗАГАДКИ

Крашеное коромысло

Красная девушка
По небу ходит.

Сивые бараны
Под небом плавают.

Летит огненная стрела.
Никто её не поймает:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица.

Рёвнул вол
За сто сёл,
За сто речек.

Шёл долговяз,
В сыру землю увяз.

Крашеное коромысло
Над рекой повисло.

Задание:
Прочитай и отгадай загадки.

Ефим Ховив

(1928-2003)

ВОРОБЬИНЫЙ ЯЗЫК

Я отлично, друзья,
Понимаю щенка,
Хоть щенячьего я
Не учил языка.
Я щенка понимаю,
Если он не молчит,
Если весело лает
Или просто рычит.
Понимаю котёнка
Не совсем, но слегка.
Замяукает тонко —
Значит, дай молока!
Понимаю телёнка,
Если скажет:
— Му-у! Му-у! —
Пожалейте ребёнка,
Стало скучно ему.
Понимаю наседку,
Что ворчит:
— Ко-ко-ко!
Ей цыплят-непосед
Собирать нелегко.
Лишь воробушка серого
Я никак не пойму.
— Чик-чирик!
Чик-чирик!
Что же нужно ему?
Эй, послушайте, люди:
— Чик-чирик!
Чик-чирик!
До чего же он труден —
Воробьиный язык!

Вопросы:

1. Почему воробьиный язык кажется герою самым трудным?
2. Как бы ты перевёл «чик-чирик»?

БЛИЗНЕЦЫ

Был Серёжка очень рад.
Думал он — родился брат.
А потом ходил расстроен:
Родилось-то сразу двое.
Брат с сестрёнкою вдвоём
Прикатили с мамой в дом.
Вот несчастье!
Ведь с пелёнок
Не терпел Сергей
Девчонок.
Он играет с новым братцем,
А с сестрёнкой как же быть?
Маловата, чтоб подраться,
Уж придётся полюбить.

Вопросы:
1. Почему Серёжа расстроен?
2. Каким должен быть старший брат?

КАКОГО ЦВЕТА ЛЕТО?

Встречает нас опушка
Берёзками и клёнами.
Какого цвета лето?
Зелёное-зелёное.

Над нами облака
Плывут издалека.
Какое лето?
Синее,
Как небо, как река.

В лесу тропинка вьётся.
Идётся — как поётся.
Среди травы — взгляни-ка,
Краснеет земляника.

Звенит-шагает лето,

Всё в солнечных лучах,
И бронзовым загаром
Сверкает на плечах.

Играет ветерок
С берёзками и клёнами.
Какого цвета лето?
Зелёное-зелёное.

Вопросы:
1. Как ты думаешь, любит ли автор лето?
2. Какие ещё краски у лета?

Людмила Татьяничева

(1915-1980)

СНЕГИРИ

Зарумянились кустарники
Не от утренней зари.
Это красные фонарики
Засветили снегири.
Чистят пёрышки пунцовые,
Воду пьют из родника.
Переливы бубенцовые
Мне слышны издалека.

Вопрос:

Каких птиц, кроме снегирей, ты встречал зимой в своём городе? Опиши их.

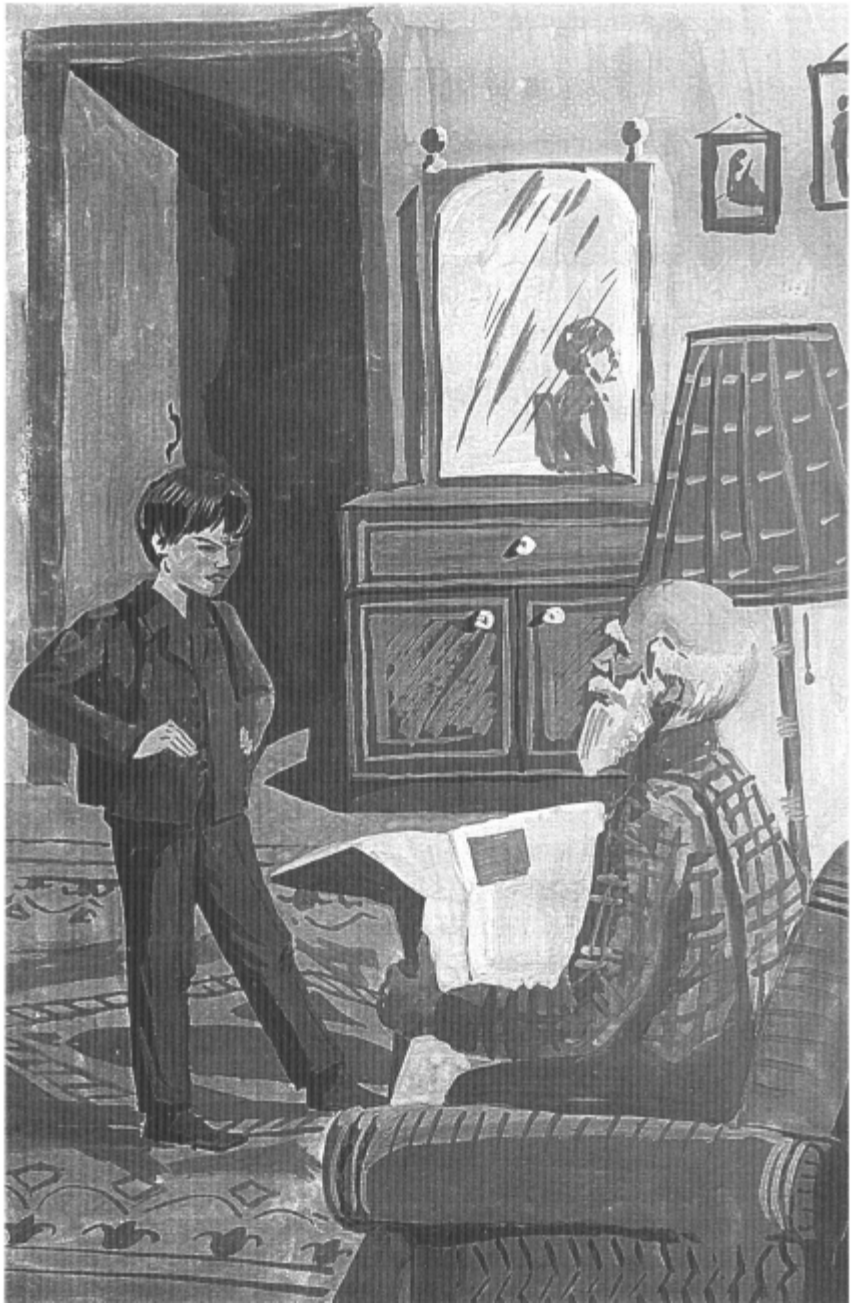
ЧЕМУ ВАС УЧИЛИ?

Хмурым вернулся из школы Гера.
Гера на деда зол.
Решил ему дед четыре примера,
И вот полюбуйтесь —
Кол!
Гере сегодня не до обеда:
Обида его горька...
— Чему вас учили? —
Ворчит он на деда. —
Не мог решить пустяка!

Вопросы и задания:

1. Сравни со стихотворением М.Гроссмана «Был Вова до этого просто проказник» (стр. 22).

2. Кто из героев этих стихотворений тебе нравится больше? Почему?



АППЕТИТ

В обед он ничего не ел:
Ни суп, ни отбивные.
— Должно быть, Вова заболел? —
Встревожились родные. —

У мальчика печальный вид —
Его покинул аппетит!..
— В постель немедленно, малыш!
Дадим тебе таблетки.
А между тем весёлый чиж
Хитро смотрел из клетки.
Покуда Вова старших ждал
Из школы и с работы,
Пирог из шкафа он достал
И целый литр компота.
Сгущёнку ложкой черпал он
И заедал вареньем.
Был чиж немало удивлён
К еде подобным рвеньем.
Он рассказал бы,
Если б мог,
Что с Вовою случилось.
— А где с капустою пирог? —
Вдруг мама спохватилась.
Лгать маме Вова не хотел.
Сказал ей тоном грустным:
— Его нечаянно я съел,
Пирог был очень вкусным!

Вопросы и задания:

1. Охарактеризуй героя стихотворения. Какой он: грустный, больной, жадный, глупый, честный, счастливый?

2. Какой бы совет ты дал Вове?

СОЛНЦЕ И Я

Летом солнце будит меня —
Оно просыпается рано.
Жарких лучей его ждёт земля,
Влажная от тумана.
Забот у него — непочатый край.
Всё обогрей поди-ка!
Мне бы поспать, а оно:
— Вставай!
Поспела в лугах клубника.
...Зимой получается наоборот.
Меняемся мы местами.
Солнце долго зимой не встаёт,

Его я бужу утрами.
Тёмного леса светлеет край.
Ранец закинув за плечи,
Я солнце прошу:
— Поскорей вставай!
И солнце спешит навстречу...

Вопросы:
1. А тебе приходилось разговаривать с солнцем?
2. Когда дни длиннее — зимой или летом?

Юрий Подкорытов

(1934-1989)

ПРО ВОРОБЬЯ ЧИВИКА

Когда с берёзы слетел последний жёлтый листок и дикие гуси построились в треугольник, воробей Чивик сказал:

— Полечу и я на этот самый юг!

Его друзья засмеялись:

— Чивик, Чивик, куда тебе! Жил бы дома. Вот скоро зима придёт, весело будет в городе.

Не послушался Чивик. Улетел.

Год прошёл, другой. А Чивик не возвращался из жарких стран.

— Наверное, понравилось ему там, — решили воробьи.

— А может, погиб он, бедняга, — горевали другие. — Жалко Чивика, такой весёлый, такой забияка был...

Только сказали это, слышат, на соседнем дворе шум, драка.

Два воробья из-за жучка пыль столбом подняли, дерутся.

Разняли воробьи драчунов и видят: Чивик!

Порадовались все, зачирикали:

— Здравствуй, Чивик! Сколько лет, сколько зим тебя не видели! Ну как там, на юге-то?

Чивик пёрышки пригладил и рассказал:

— В заморских краях нашему брату, серому воробью, житьё ничего. Тепло, мошкары много. А только, братцы мои, как вспомню я свой город, да снег на улицах, да вас — сразу слёзы на глаза навёртываются. Вот я и вернулся обратно.

Удивились воробьишки словам Чивика. А старый воробей сказал:

— Знаешь, Чивик, я тоже много полетал по свету, но лучше нашего края нигде нет.

Вопрос:

Почему Чивик вернулся обратно?

ДЕД КУДЕЛЬКА И ОГОНЬ ВЕЛИКАН

(в сокращении)

Давно это было или совсем недавно — кто знает? Слушай...

У грозной Молнии трое сыновей было, и каждого Огнём Великаном величали. Старшие к делу приставлены были: печи топили, железо варили, машины паровые обслуживали — да мало ли огневой работы?

Трудились братья честно. Хорошими помощниками людям были.

Старший Огонь по железу мастером был: плуги, топоры, грабли мастерил. Средний Огонь Великан по чугуну искусен: посуду для домашнего обихода делал, фигурки разные чугунные отливал отменно. Для радости людской. Почёт и уважение за работу свою братья имели.

А младший Огонь непутёвым был. Озорник, задира. И принарядиться любил. Носил он одежды красные с голубой и дымчатой отделкой. Дружка-приятеля себе заимел — Красного Петуха, бездельника и забияку. Красный Петух тоже весёлую жизнь любил: только бы на гармони с колокольчиками играть да лихие песни горланить.

Ох и проказничали они! Пустит, бывало, Огонь своего дружка Красного Петуха по крышам крестьянских дворов — через час от хозяйства кучка золы да головёшки тлеют.

А то и на Заповедный лес накинутся. Огонь Великан горячими ручищами деревья вековые валит, сосны с корнями выворачивает, зверьё из нор да берлог выгоняет. А Красный Петух искры рассыпает, мелкую живность огненным клювом клюёт, жаркими шпорами бьёт. Посевы пшеницы золотой не раз выжигали. Им-то забава, а людям разоренье. Боялись люди младшего Огня Великана, рыжим разбойником звали.

Старшие братья всё время младшего Огня совестили, на работу звали. Да куда там! У братьев фартуки рабочие, прокопчённые, и руки горелым железом пахнут. Сморщится младший Огонь, отвернётся, лихо тряхнёт кудрями — и опять пошло-поехало...

...Узнала грозная Молния о безобразиях этих, разгневалась очень и приказала: Красного Петуха в омуте глубоком утопить, а младшего Огня Великана в камень малый запрятать да и закинуть подальше. В наказание.

Сказано — сделано. Потащили Красного Петуха к омуту глубокому. Упирается Петух, дурным голосом кричит, прощенья в слезах просит. Да не тут-то было.

А Огня рыжего бедового в камень малый запрятали да и закинули подальше. Летел, летел камень и где-то в Стране Голубых Озёр в болото шлёпнулся...

...Жил в те времена в Стране Голубых Озёр дед Куделька. Смолоду ходил-бродил он по горам, по лесам, все земные кладовые изучил, в травах лекарственных не худо разбирался.

Глаз у Кудельки приметливый, на работу весёлый. Всё у него спорилось, любое дело в руках горело. Да и в мастерстве огневом не в последних числился. Под началом у большого и умного человека был. У него и тайну булата перенял.

Построил он себе на старости лет неказистую избушку в глухой лесной деревушке. К самой горе прицепился. Хоть и мала горница в избёнке, да светла. На стенах пучки трав душистых висят от болезней всяких. Чистота, порядок во всём — каждая вещь своё место знает.

В одно оконце глянешь — раскинулась в мареве зелёном уральская тайга, в которой зверей и птиц несчитано. В другое посмотришь — голубая жемчужина озера глаза слепит. На крылечко выйдешь — слышно, как щука хвостом воду бьёт да рыбью мелочь по камышам гоняет.

А вокруг деревушки — синие горы, заросшие щетиной сосен. Яркими свечками ели горят, качают белыми шапками цветов тоненькие рябины. Прыгая с камешка на камень, падают с гор звонкие речки. Вербы роняют в студёные воды лёгкий пух, а по берегам — непроходимые заросли черёмухи...

...Уважали деда Куделькуу в деревне за мудрость и старость, за советом не раз приходили. А дед Куделька мужикам молодым как бы невзначай подсказывал: такая-то, мол, гора малахитом богата, а в таком-то вот месте золотая жилка пробежала.

Слушай дальше. Скоро сказка сказывается, а время ещё быстрее на ковре-самолёте летит.

Посеребрили годы деда Кудельку, к земле пригибать стали. И сила уже не та, и глаз туманиться стал. Внуки и правнуки ему и дровец на зиму привезут, и еды всякой довольно принесут. Сиди, мол, дедка, на крылечке да на жарком солнышке грейся — ты своё честно отработал. Рыбалкой побалуйся.

А рыболовной снасти у деда много! И жерлицы[1] на щуку чубастую, и на карпа — своя ловушка, и на ерша закидушка.

Старику много ли надо? Почти весь улов соседке-вдове отдавал. Пусть с мальчишкой своим, Пострелом по прозванию, на здоровье едят.

А мальчишка таким непоседливым был — то там, то сям его видят. И всё-то ему любопытно, всё узнать хочется.

Только дед Куделька удочки разложит, Пострел тут как тут. И начинается...

— А на какую насадку чебак берёт? Как кружки на воду ставить? Да как...

— Тише ты, Пострел. Эдак всю рыбу распугаешь...

Удивляется Пострел:

— Да разве рыба слышит?

— А то как же. И разговаривает.

— По-рыбьи?!

— Ага. Вот сейчас карпу ёрш про тебя сказал: вон, мол, Пострел-Семидел к нам на озеро пожаловал.

Мальчишка обиделся было:

— Никакой я не Семидел. Павлушка я.

А дед Куделька хитро щурится:

— А ты посчитай, посчитай, сколько ты дел с утра переделал? Козла Ваську из огорода прогнал — раз, сестрицу Алёнушку умыл — два, коту Яшке молока в плошку налил — три, гусей хворостиной на луг выгнал — четыре...

— ...Мамкину чашку разбил — пять, в избе подмёл — шесть да в пятнашки поиграл — семь! Ой! И в самом деле — семь! И как это ты узнал, дедка? Ты волшебник, да?

Посмеивается дед Куделька:

— Никакой я не волшебник. Старик обыкновенный. Долго небо коптил — вот и ума накопил.

Не верит Пострел:

— Нет, чудной ты какой-то! И одёжка у тебя непонятно из чего сделана.

— Одежду я себе из горного льна мастерю. В работе удобна и Огня не боится. Стой! Никак щука попалась? Так и есть. Отвоевалась, зубастая! Ну, Пострел-Семидел, бери улов за жабры да тащи домой. Только смотри, не кричи громко, соседа разбудишь. Он поспать ой как любит!

И верно. Соседом деда Кудельки никудышный мужичонка был. С рыжеватинкой в волосе да со ржавчинкой в голосе. Верхушкой его прозвали. За десяток дел сразу брался, да ни одного до конца не доводил. Всё верхоглядом. А на язык был подковыристый, занозистый.

Бежит Пострел домой, а сам песенку напевает:

Вот какая рыбина!
Чудо-юдо рыбина...

Проснулся Верхушка. Потягивается, охает, нечёсаной башкой крутит. Ругается:

— Лихоманка вас затряси! Поспать не дадут. То петухи орут, то мальчишки песни поют. Ишь, какая рыбина-то! Откуда волокёшь?

— А мне дед Куделька дал, — и похвастался: — Я уже с утра

целых семь дел переделал!

— Хы, — зевнул Верхушка. — Семь! Да я сразу десять делаю. Вот только не везёт мне... Хоть бы камешек какой дорогой найти — я б тогда...

— Куда тебе! Матушка говорит про тебя — и простого камня не заметишь, пока не запнёшься.

Рассвирепел Верхушка:

— Цыц! Я тебе!

Прогнал Пострела, рассуждает сам с собой:

— Нет, не везёт мне. Десять дел сразу делаю — ни одного не видно. И куда деваются? Эх, разбогатеть бы мне!.. Сегодня опять тот же самый сон видел: иду я будто, а камни дорогие кругом валяются. Играют, переливаются. Однако, что дальше-то было?.. Досмотреть бы надо...

И Верхушка снова завалился спать.

Спит Верхушка и не знает, что к нему Варнак Разбойничек подкрадывается. Усищи у Варнака, что у таракана, — длиннющие, серьга в ухе. Одет в кафтан атласный, шёлковым поясом подпоясан...

...Варнак Разбойничек подсмотрел, как шлёпнулся возле озера камень, в котором Огонь Великан запрятан. Умишко-то у Варнака Разбойничка неповоротливый был, однако смекнул, что к чему. Неспроста, думает, камешек-то с неба свалился. Хоть красоты в нём мало, а сила — большая. Гудит в нём рассерженный Огонь, грозится, выпустить требует. Положил Варнак Разбойничек камень в карман и пошёл в деревушку — поживу искать.

Время для разбоя Варнак удобное выбрал: взрослые мужики при деле были, а бабы с ребятишками в лес ушли. Одни старики в деревне остались, да Верхушка сны богатые смотрел.

Разбудил Варнак Разбойничек Верхушку:

— Гони золотишко! А не то сей момент поганой жизни решу!

Завертелся Верхушка юлой, упал Варнаку в ноги, сапоги слезами уливает:

— Кормилец! Не погуби! Да откуда у меня золотишко? Гроша ломаного за душой нет. Гол как сокол.

— Добром не отдашь, сам заберу. Камешек у меня такой есть. В нём Огонь Великан находится. Вот он сейчас тебе бороду маленько подпалит, сразу добро передо мной выложишь.

— А нельзя ли, господин Варнак, деду Кудельке бороду подпалить? Богатющий старик! Чертознай, с Водяным дружбу водит, вон он с рыбалки идёт.

Пнул Варнак Верхушку — брысь! Заверещал Верхушка зайцем и бежать бросился.

А Варнак к деду Куделькe:

— А ну-ка, дед, бросай свои удочки да признавайся, где золотишко да меха дорогие запрятал? Гони богатства!

— Ишь ты, быстрый какой, — отвечает дед Куделька, — богатства своими руками добывают. Вот наши мужики из горы вернутся — научат. У них руки крепкие.

— Да ты что, старый! Я же Варнак Разбойничек, мне и полагается чужими руками жар загребать. Эй, Огонь Великан! Потешь меня забавой молодецкою, узнай у старика, где и что лежит.

Ударил он камнем по камню. Выскользнул искрой Огонь Великан, задышал жаркой пастью:

— Этого, что ли, прижечь? Да мне раз дохнуть! Старикашка-то махонький, сгорбленный, сухонький, бородёнка на мочало смахивает. Дохну — он, как высохшая берёза, запылает.

Стал Огонь Великан пламенем прижигать, а одёжка у деда из горного льна сделана — не горит, только ещё белее становится. Огонь Великан вспотел даже:

— Нет, не могу этого зловредного старика осилить. Давай, хозяин, уберёмся отсюда подобру-поздорову...

...В это время Пострел из дома вышел. А с ним кот Яшка. Ростом Яшка был, не соврать бы, с телёнка. Шерсть чёрная, на хвосте белое пятнышко.

— Ах вы, бессовестные! Двое на одного старика! А ну, Яшка, вцепись этому усатому в толстую рожу да все глаза ему выцарапай!

А сам на Огня водой из ковша плеснул. Зашипел Огонь, белым паром укутался и незаметно в камень запрятался. Улёгся в пыли и лежит себе потихоньку.

Кот Яшка вцепился в разбойника, когтями кафтан рвёт, а дед Куделька толстым концом удилища Варнака угощает. Так и прогнали...

...Побрёл и Верхушка к себе домой. Идёт, лаптями пылит, сам с собой рассуждает:

— Прав ведь старый Чертознай! Господи! Богатства-то, богатства-то сколько в земле лежит! А может, где и сверху валяется?

Задумался Верхушка да и запнулся за камень, в котором Огонь Великан прятался.

— Эй, ты! Выпусти меня из камня! — заговорил Огонь. — Одарю несметно!

— А много ли дашь?

— Сколько захочешь — золото, рубины, топазы, хризолиты как жар горят. Хозяина настоящего ждут.

...Ударь камень о камень! — приказал Огонь Великан.

Ударил Верхушка камень о камень. Выскользнул Огонь из камня малой искрой, упал на сухую траву и стал сил набираться.

Слизнул огненным языком солому с крыши Верхушкиной избушки.

А Верхушка стоит, кланяется:

— Кушайте, ваша светлость, на доброе здоровье!

Сам-то думает: подарит Огонь Великан богатства несметные — новые хоромы построю, из мрамора. А Огню Верхушкина избёнка — на один зубок.

— Отощал я! — ревёт. — А ты чего стал, рот разинул? Еду мне подавай!

— А как же моё золото, камешки дорогие?

Рассмеялся грозный Великан:

— Твоё золото? Ха-ха-ха! Нет твоего золота! Здесь всё моё! Повинуйся! Еду подавай!

— Да у самого со вчерашнего дня во рту маковой росинки не бывало...

Дохнул Огонь Великан на Верхушку горячо — от Верхушки только кучка золы и осталась.

Налетел Огонь горячим ураганом на леса. Грозно косил он огненным глазом на зверей и птиц, пугал их, потрескивая ветками и разбрасывая искры во все стороны.

Растопырил Огонь горячие ручищи и ревёт:

— Всё сокрушу!

Выбежали из избушки дед Куделька, Пострел и кот Яшка. Батюшки мои! Леса и горы чёрным дымом затянуло, в озёрах вода закипела, паром к небу пошла.

— Бессовестный ты, Огонь Великан, — укоряет дед Куделька, — какую красоту губишь!

— Все моё! — рычит Огонь. — Я здесь хозяин!

— Ладно, — отвечает Куделька, — это мы посмотрим.

Одежду свою из горного льна надел, лопату на плечо и пошёл навстречу грозному Великану. Закричал Огонь:

— Эй, ты! На колени перед хозяином! Бойтесь меня!

— Бояться-то тебя нечего! А вот работать на себя заставлю, приручу. Силища-то у тебя непомерная. Ну, ничего. Не хозяином грозным будешь — работником послушным.

Взревел Огонь Великан яростно:

— Вот я сейчас лес проглочу, потом и за тебя, козявка, возьмусь.

— Рука не выдаст — Огонь не съест, — отвечает дед. Стал Куделька лопатой канаву глубокую копать, преграждать путь великану.

А Огонь бушует, жаркой пастью дышит. Ну, а деду Куделке в одёжке из горного льна жар нипочём. Работает, Огню ловушку готовит.

Затрещал Великан, искрами сыпанул, хотел канаву смаху перепрыгнуть, да силёнок не хватило. Упал в ловушку, мельчать стал, а потом и вовсе сизым дымком задышал. Упал перед дедом на колени:

— Не губи, хозяин!

— Губить тебя расчёта нет. Из тебя ещё мастер огневой может получиться. Конечно, за старшими братьями тебе в ремесле не угнаться. Однако малым делом начнёшь — большим кончишь... Определю тебя к работе горячей — присматривайся, что к чему. Может, и в мастера, как братья, выйдешь.

...Отвели Огню Великану хоромы из особого камня огнеупорного. Ну, дом не дом, больше на печь смахивает, только громадную. Поэтому и называется — доменная. Стал Огонь Великан огневому мастерству учиться. Конечно, и промашки были, без этого не научишься.

Павлушка Пострел тоже к огневой работе тянется, про секреты огненного мастерства у деда Кудельки выспрашивает.

— Всё расскажу, ничего не утаю. Жизнь моя на закат пошла, а тебе, молодому, дела огромные предстоят. Слушай, научу я тебя сталь особенную варить, дорогую — булатную. Из неё саблю сделать — любого врага осилишь.

— А у меня, дедка, совсем другая думка: машины из этой стали хочу сделать, чтобы землю пахали, хлеба убирали да прямо к амбарам привозили.

— Хорошо говоришь, по-хозяйски, — отвечает дед, — мир-то хлебом силён.

Взялись за дело...

...И вот — поди ж ты — получилось! Словно молния сверкающая, побежал по жёлобу металл, голубым огнём вспыхнул, птицей в небеса рвётся. Огня Великана даже испарина прошибла. А Пострел от восхищения слова вымолвить не может. Говорит ему дед Куделька:

— Ну, мастер, по-твоему вышло. Внукам и правнукам своим накажи — такого-то, мол, дня Павлушка Амосов булатную сталь выплавил в огромнейшем числе. Для пользы людской.

И стал Пострел с тех пор сталь особенную варить. Подходит к печи, в огненный глазок заглядывает и — как доктор:

— На что жалуетесь, Огонь? Покажите язык!

А Огонь Великан красным глазом подмигивает и гудит весело:

— Всё в порядке, Хозяин!

Вопросы и задания:

1. Почему люди боялись младшего Огня Великана, звали его рыжим разбойником?

2. За что люди уважали деда Куделькy?

3. Расскажи, как дед Куделька приручил Огня Великана.

Нэлли Ваторопина

(1938)

ПИРОЖКИ С ЧЕРЁМУХОЙ

— Держись крепче! — предупреждает дядя. Его сильные руки берут меня под мышки, поднимают вверх и сажают на толстую ветку черёмухи. — Работай.

Я сижу выше всех. Здесь — только я и птицы, распевающие на все голоса. Я кажусь себе доброй волшебницей, которая может всё. В руках у меня корзинка. Идет сбор черёмухи.

Я осторожно отрываю веточки чёрных пахучих ягод, кладу их в корзинку. И в рот. Чёрные пальчики, чёрные губы, язык... И запах! Постепенно я перебираюсь с ветки на ветку, пока на верхних веточках не остаётся ни ягодки. Внизу собирают взрослые.

К черёмухе у меня отношение особое: она и зимой дарила нам праздники.

Накануне замешивалось тесто, и всю ночь стучали ступки: толкли сушёную ягоду для начинки. Рано-рано утром разжигалась печь и ставилась большая сковорода. И снова в доме властвовал запах черёмухи.

Мне, как самой маленькой, доставался первый пирожок, да ещё с приговорами: «Расти большая да счастливая, добрая да красивая». Днём праздник продолжался в школе. Сначала дети пели, танцевали, ставили сценки, читали стихи, играли. Взрослые готовили для нас сюрпризы, играли и пели с нами. Дядя переодевался волшебником и показывал всякие фокусы. А потом вносили самовар и вплывало блюдо с горкой румяных, хрустящих пирожков. Пахло черёмухой.

Неповторимый запах детства...

Вопросы и задания:

1. Почему девочка относилась к черёмухе по-особенному?
2. Есть ли у тебя любимая ягода? Расскажи о ней.

Павел Бажов

(1879-1950)

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

(в сокращении)

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Кокована не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей, не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы ростить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда, — отвечает Кокованя, — уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит, полна изба народу, больших и маленьких. На голбчике[2], у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да

ещё корми её!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну, как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.

— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю да всё увидеть не могу.

— Застрелишь его?

— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

— Тебе на что это?

— А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу, — ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

— Пойду. Только ты эту кошку Мурёнку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Такую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радёхонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет:

— Пр-равильно придумал. Пр-равильно.

Вот и повёл Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарёнка да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил. Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать, Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет:

— Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Дарёнка напомнит:

— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

— Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем — там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору, что об этом козле.

— Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая. А Дарёнка опять спрашивает:

— Дедо, а рожки у него есть?

— Рожки-то, — отвечает, — у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.

— Дедо, а он кого ест?

— Никого, — отвечает, — не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

— Дедо, а шёрстка у него какая?

— Летом, — отвечает, — буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

— Дедо, а он душной?

Кокованя даже рассердился:

— Какой же душной! Это домашние козлы такие бывают, а лесной козёл — он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

— Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот — дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот, Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушёл.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

— Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и

пойду зимой.

— А как же, — спрашивает Дарёнка, — зимой-то в лесу ночевать станешь?

— Там, — отвечает, — у меня зимний балаган у покосных ложков[3] поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Дарёнка опять спрашивает:

— Серебряное копытце в той же стороне пасётся?

— Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

— Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдет, я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

— Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

— Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя: «Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится».

Вот он и говорит:

— Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарён-ка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку.

«Нельзя ли, — думает, — этой верёвкой Серебряное копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

— Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

— Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

— Из ума выжился старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат — собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись — а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к

той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят — Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

— Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

— Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили — на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадью сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

— Дедо, сходил бы ты в завод за лошадью. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

— Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна. Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

— Чего, — отвечает, — бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушел Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась.

Только глядит — Мурёнка лежит спокойнёхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела: это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Воротилась да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось.

Муренка мурлычет:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Легла Дарёнка рядом с кошкой да и уснула до утра.

Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

— Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом где дверка, а там и сверху запостукивало. Не громко, будто кто лёгонький да быстрый ходит. Дарёнка и думает: «Не козёл ли тот вчерашний прибежал?». И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козёл — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся. Повернулся и побежал. Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

— Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Мурёнка, знай, свою песенку поёт:

— Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошёл, а всё Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слёзки запокапывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нету. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козёл стоит — и все бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Мурёнка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного копытца не

стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил раз — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали. Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

Вопросы:

1. Понравилась ли тебе Дарёнка? Почему?

2. Какую сказку про Серебряное копытце рассказал дед Кокованя?

3. Как и чем одарил Дарёнушку Серебряное копытце?

2 КЛАСС

Аркадий Борченко

(1937-2004)

ОБНОВКА

Купила мама Анночке
Новенькие саночки —
Синие,
Зелёные,
Оранжевые планочки
И дугою спинка —
Не саночки — картинка!

У ребят во дворе
Радостные лица:
По горе, по горе
Живой поезд мчится.
Вышла Анночка во двор,
Крикнула:
— Ребята!
Посмотрите, посмотрите,
Что у меня-то!..
— Ух! — воскликнула Светланка, —
Это санки, так уж санки!
— Да, — сказал Семёнов Вовка, —
Вот обновка, так обновка!
Становитесь быстро кругом —
Друг за другом,
Друг за другом —
Все покатимся с горы.
Чур, я первым! Кто вторым?
А ребята:
— Ну, катись!
И торопят Вовку:
— Обнови обновку!

Испугалась Анночка:
«Ой, сломают саночки,
Синие,
Зелёные,
Оранжевые планочки

И дугою спинка —
Не саночки — картинка...»
— Нетушки, нетушки!
Спросите-ка у дедушки:
Вещи мы беречь должны!
Спрячем санки до весны.
Покричите Верку —
Пусть вынесет фанерку.

Вопрос:
Как ты думаешь, правильно ли поступает Анночка? Почему?

Басыр Рафиков

(1921)

ВЕТЕР

Ветерок чуть свет проснулся
И волос моих коснулся,
Их погладил, будто мама,
Предрассветный, нежный самый...
Он, пока все дома спали,
Облетел степные дали,
Аромат цветов собрал
И шепнул, чтоб я вставал!
(перевод Л.Хрипко)

Вопросы и задания:

1. Как поэту удалось «оживить» ветерок? Чтобы ответить на вопрос, найди, что в стихотворении делает ветер.

2. Вспомни, какие ещё стихотворения ты читал о ветре.

СВЕТА И ЦВЕТЫ

Света видит разные цветы,
Но не ценит нежной красоты.
Их она охапками бросает,
А в садах, на клумбах рвёт, ломает!
Топчет в грязь, бросает, будто сор,
В сердце не почувствовав укор.
И лежат поникшие цветы,
Словно стонут:
— Света! Что же ты?
Бабочки порхают и кружат,
Но находят разорённый сад.
Вот летит за взяткою пчела:
— Где цветы? — искала, не нашла
Тот с нектаром сладостный бутон.
И жужжит над Светой:
— Где же он?
За разбой девчонку жалит в глаз:

Глаз распух, вопит Светлана, плачет.
Свете очень больно в первый раз,
И домой она летит, как мячик...
А за что ужалила пчела,
Света до сих пор не поняла!
(перевод Л.Хрипко)

Вопросы:
1. Жалко ли тебе обиженную пчелой девочку?
2. А как к ней относится автор? Докажи.

Рамазан Шагалеев

(1935)

В ШКОЛУ ВНОВЬ ПРОСПАЛ ИЛЬДАР

Дружно в школу на рассвете
Из подъездов вышли дети,
Все за парты сесть успели,
А Ильдар ещё в постели.
Стыдно даже вслух сказать:
Опоздал, проспал опять!

Он проснулся, потянулся,
Неспеша глаза протёр.
На будильник оглянулся,
Проворчав: «Какой позор!
Вновь будильник не звонил
И меня не разбудил»...

Встал Ильдар, но не умылся,
А портфель искать пустился.
Он кровати не заправил.
И впридачу ко всему
Не учил стихов и правил,
В школе заданных ему.

— Что ж, пора за дело браться, —
Стал ко всем он придираться. —
Кто помял мою рубашку?
Кто запрятал промокашку?
Нету ластика в пенале...
Вы линейку не видали?

Мы погладили рубашку,
Отыскали промокашку,
Отыскали даже шапку.
Шапку он схватил в охапку
И сказал с порога строго:
— Провозились пол-урока!
— Ну а где мой ластик, где?
Не видать его нигде...

Но пока нашли мы ластик,
У пальто порвался хлястик,
Сзади, словно хвост, повис —
Наш Ильдар совсем раскис.

Подкосились разом ноги,
Растянулся на пороге:
— Это надо ж так случиться —
В школу все пошли учиться,
А меня моя родня
Собирает в класс полдня!
(перевод В.Аушева)

Вопросы:
1. Кто виноват в том, что Ильдар опоздал?
2. Как автор относится к герою стихотворения? Докажи.

Самуил Гершуни

(1920-2003)

КУЦЫЙ

До рассвета дождь по крышам
Барабанил без конца.
Рано утром я услышал:
Кто-то плачет у крыльца.
Приоткрыл я двери в сени.
Кто бы это плакать мог?
Вышел, вижу: у ступеней
Маленький скулит щенок.
Было холодно бедняге —
Уши свесил, хвост поджал,
Весь он съёжился от влаги,
На ветру щенок дрожал.
Как он утром очутился
Возле дома моего?
Может, ночью заблудился
Или выгнали его?
Я ему сказал:
— Малышка,
Хватит плакать, ну, пойдём...
В старом ящике без крышки
Я ему построил дом.
Настелил туда соломы,
Из фанеры сделал дверь...
— Ну, щенок, живи, как дома,
Будешь ты моим теперь.
Я тебе назначу службу —
Охранять наш сад и двор.
И пошла такая дружба
Между нами с этих пор!
Я на речку — он за мною,
Я плыву — и он плывёт.
Брошу палку — он стрелою
И назад её несёт!..

Вопросы:

1. Что ты чувствовал, когда читал стихотворение?

2. Как ты думаешь, каким вырастет мальчик, который подобрал щенка?

Северина Школьникова

(1932)

СОСУЛЬКА

Она висела за углом,
Капелью в лужу булькая,
И раздавалось на весь дом:
«Сосулька я!
Сосулька я!»

И разлетался веер брызг.
Отлично было капать,
И весело смотрелось вниз,
На шапки и на шляпы.

Март щедро радость рассыпал
На крыши и на скверы.
Но кто-то взял и написал
На полосе фанеры:

«Осторожно, злая сосулька!»

И горько плакала она:
«Не злая я, не злая я!»
Стерпеть обиды не смогла
И к вечеру растаяла...

Вопросы:

1. Почему сосульку назвали злой?
2. Когда начинают плакать сосульки?
3. Какое это стихотворение: весёлое, грустное, доброе, злое? Докажи.

Николай Шилов

(1947)

ЛЕТО

В поле речка-
Быстротечка,
В речке
Плавают ерши,
Превосходное
Местечко
И для глаз,
И для души.
Хочешь —
Плавай и купайся,
Хочешь —
Просто загорай,
А потом
В песке копайся
Или в камушки
Играй.
Хочешь —
Слушай камышинки
И смотри
Во все глаза,
Как в прохладе
На кувшинке
Отдыхает стрекоза.
А не хочешь —
Возвращайся,
На диван
Опять ложись,
Спи весь день
Или валяйся,
Только больше
Не ершись.

Вопросы:
1. Что можно делать летом на речке?

2. Как ты думаешь, что может обозначать слово «ершиться»? От какого слова и почему оно образовано?

БОЖЬЯ КОРОВКА

Рубашка-пятнашка,
Головка и ножки —
Я божью коровку
Держу на ладошке.
Она то по кругу
Бежит, торопясь,
То с пальчика
Хочет на пальчик
Попасть.
То глянет на север,
То глянет на юг,
То снова взволнованно
Сделает круг.
А вдруг
У неё потерялся
Ребёнок,
Такой же оранжевый
Божий телёнок?
А может быть, где-то
Упал на бочок
И просит о помощи
Божий бычок?
А может, она
Удивляется лету,
Хорошей погоде
И божьему свету.

Вопросы:

1. Почему, рассказывая о божьей коровке, автор употребляет выражения: божий телёнок, божий бычок, божий свет?

2. Какое настроение у этого стихотворения? Докажи.

Лев Рахлис

(1936)

НЕТ ПРЕКРАСНЕЙ В МИРЕ БЛЮДА

Нет
Прекрасней
В мире блюда,
Чем колючки
Для верблюда.
Он —
Большой чудак,
Верблюд:
Без ума
От острых
Блюд.

Вопросы и задания:

1. У слова «острый» есть несколько значений.

Острый — 1. Отточенный, хорошо режущий, колющий (острый нож). 2. Сильно действующий на вкус (острая пища).

А в каком значении это слово использовано в стихотворении?

2. Составь предложения с разными значениями слова «острый».

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Я жил
В лесу однажды летом,
Дружил
С закатом и рассветом,
Спешил
За солнцем и за ветром,
Бродил
Разутым и раздетым,
Купался,
Обливался светом,
С вороной чёрной
Пел дуэтом,

Кормил
Лису своим обедом,
Был
Волку серому соседом.
И не жалею я об этом,
Что жил
В лесу
Однажды летом.

Вопрос:
Какое настроение передал нам автор? Объясни.

ТРАМВАЙ

Бежит по улице, звеня,
Железный родственник коня.
Он выглядит устало,

И лет ему немало.
Но не уходит на покой
Покоя нарушитель.
Он старый житель
Городской,
И даже долгожитель.
Над ним колдуют
Провода,
Зовут в просторы
Синие,
Но, невзирая на года,
Он верен
Всюду и всегда
Одной и той же
Линии.

Вопросы:

1. Какими человеческими качествами автор наделяет трамвай? Зачем он это делает?

2. Как ты понимаешь слова «Но не уходит на покой покоя нарушитель»?

НА РАССВЕТЕ, В ТИХИЕ ЧАСЫ

На рассвете,
В тихие часы,
Где щебечут,
Просыпаясь, птицы,
Маленькая
Капелька росы
На травинку тонкую
Садится.
Посидит, на солнце поглядит,
Засверкает и засеребрится.
А потом
Незримо воспарит,
А вернее,
Просто
Испарится.

Вопросы:

1. Какой бы рисунок ты нарисовал к этому стихотворению? Что бы там было изображено?

2. Что автор заметил, наблюдая за природой на рассвете?

ЗАГАДКИ

Я на палочке несу
Теремочек на весу:
Ни окна,
Ни дверки,
Только крыша
Сверху.

Тридцать два грызуна
В одной норке живут.

Задание:
Отгадай загадки.

Олег Юлдашев

(1957-1992)

РУЧЕЁК

Ландыш вытирает паутинкой
С белых колокольчиков росу,
А вокруг колышутся травинки,
Птицы просыпаются в лесу.

Ландыш колокольчики склоняет
К быстрому теченью ручейка:
— Просыпайся! Солнечно сверкают,
На воде качаясь, облака.

Отвечает ручеёк с улыбкой:
— Я умою вас и напою,
Но клянусь вам золотою рыбкой,
Что ни днём, ни ночью я не сплю.

Я родился в роднике под горкой
И к реке без устали бегу,
Не страшны мне ямы и пригорки,
Я и ветер обогнать могу.

С братьями моими, ручейками,
В путь спешит широкая река,
И до океана вместе с ними
Звёздочки плывут и облака.

Вопросы:

1. Какие картины природы ты мысленно рисуешь, когда читаешь это стихотворение?

2. Почему ручеёк говорит: «...ни днём, ни ночью я не сплю»?

3. Какие реки в Челябинске и в Челябинской области ты знаешь?

Ася Горская

(1937-2003)

СОСЧИТАЙ-КА

В нарядной матрёшке,
Весёлой кубышке,
Три мамы,
Три дочки,
Две внучки-малышки.
На каждой из них
Сарафан расписной,
Платочек
В цветочек
И фартук
В горошек.
Живут все матрёшки
Единой семьёй.
Сколько же
В этом семействе
Матрёшек?

Вопрос:
Сколько матрёшек упоминается в стихотворении?

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ВЕТЕР

Ветер, ветер голубой,
Что несёшь ты за собой?
Новизну, голубизну,
Дождик, солнышко, весну.

Ветер зелёный живёт на опушке
И у деревьев качает верхушки.
Ветер зелёный — такой шалунишка —
Сверху, как белка, бросает он шишки!

Этот ветер, ветерок —
Спелых зёрен говорок,

У пшеницы ты постой,
Разгадай секрет простой:
Голубой он был, зелёный,
Превратился в золотой...

А где-то на свете, а где-то на свете
Есть, говорят, оранжевый ветер.
Он там, где растёт апельсиновый сад,
На крыльях своих он катает ребят.

Там тёплое море, там солнышка много...
Оранжевый ветер зовёт нас в дорогу.

Разноцветный ветер мой,
Разноцветный шар земной.
Кружит по планете
Разноцветный ветер!

Вопросы:

1. Каким временам года соответствуют голубой, зелёный, жёлтый ветерки?

2. Как ты думаешь, для чего поэт вводит в стихотворение оранжевый ветер?

Ефим Ховив

(1928-2003)

НЕСЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА

Я какой-то невезучий,
Я притягиваю тучи.
Только выйду я во двор —
Солнце прячется куда-то,
Разбегаются ребята,
Дождь идёт — сначала мелкий,
А потом — во весь опор.
Ухожу я со двора —
Снова солнце, снова ясно,
Выбегают все ребята,
Продолжается игра.
Выйду снова я гулять —
Глядь, а дождь идёт опять.
Не берут меня в походы:
— Ты испортишь нам погоду!
Мы промокнуть не хотим
С невезением твоим.
И уже вожатый в школе
Мне задание даёт:
— Посиди ты дома, что ли!
Класс на вылазку идёт.
Пострадай уж за ребят,
Раз в погоде виноват.
А один ехидный дед
Даже дал такой совет:
«По ночам гулять ходи,
Чтобы днём не шли дожди».
Человек я? Нет, примета,
Несчастливая к тому ж.
Мальчик-дождик.
Мальчик-душ.
Только вдруг случилось это...
Очень знойным было лето.
Нет дождей. Жара. И сушь.
Всё в газонах пожелтело,
Вянут травы и цветы.

У киосков с газировкой —
Стометровые хвосты.
Раскалились тротуары,

За машиной — пыль столбом,
И ни облачка, ни тучки
Нет на небе голубом.
Все спешат укрыться в тень.
День прошёл. И снова день...
На термометрах под сорок.
Все ворчат, жару кляня.
Только скоро ли, не скоро ль
Кто-то вспомнил про меня.
— Ну-ка, мальчик, выходи
И примету подтверди!
Я собрался в полминуты.
Только вышел я во двор,
Дождь пошёл — сначала мелкий,
А потом — во весь опор.
Зашумел в листве зелёной,
Застучал по мостовой,
Вымыл крыши и газоны
Дождь июльский проливной.
Он то тише, то сильнее
Шёл, наверно, целый час.
И спасибо мне сказали
За примету в первый раз.

Вопросы:
1. А ты бы взял «мальчика-примету» с собой в поход?
2. Как ты думаешь, что мальчик чувствовал, оставаясь один?
3. Бывает ли такое в жизни?

СЛОН В ТАПОЧКАХ

Слон из Африки приехал,
Думал — здесь уже весна.
Ой, ребята, не до смеха!
Простудить легко слона.
Он со снегом не знаком,
Не пойдёт он босиком.
И в машине слон не едет
С антилопой и медведем:
Для машины слон велик,
Он сломает грузовик.
На путях стоит вагон.
Выходить не хочет слон.

Он в вагоне ест и пьёт,
А по снегу не идёт.
Что тут делать? Как тут быть?
Обувь, что ли, раздобыть?
Побежали в магазины,
Умоляем продавцов:
— Может, есть у вас ботинки
Или туфли для слонов?
Но везде один ответ:
— Для слонов, простите, нет.
Несётся весть тревожная
На фабрику сапожную:
Выходить не хочет слон,
Простудиться может он!
Вот несчастье так несчастье,
Помощь срочная нужна!
Говорит сапожный мастер:
— Покажите мне слона!
На путях стоит вагон.
Выходить не хочет слон.
Лапы меряют слону
И в длину и в ширину.
У него, у толстопятого,
Нога размера триста пятого.
Зашумел сапожный цех.
Мастеров созвали всех.
И пошла, пошла работа,
И до самого утра
Режут что-то, клеют что-то
И сшивают мастера.
На путях стоит вагон.
Выходить не хочет слон.
— Дайте ваши лапочки!
Мы вам сшили тапочки.
Удивляется народ:
Слон по городу идёт.
К зоопарку путь немалый.
В тапочках по мостовой
Слон шагает от вокзала
И качает головой.
Он приветствует ребят,
Приглашает в зоосад.

Вопросы:

1. Что тебе больше всего понравилось в стихотворении?

2. Как ты представляешь себе поэта, который написал эти стихи? Какой он человек?

Марк Гроссман

(1917-1986)

ВОТ КАКОЙ ОН — МОЙ ДРУЖОК

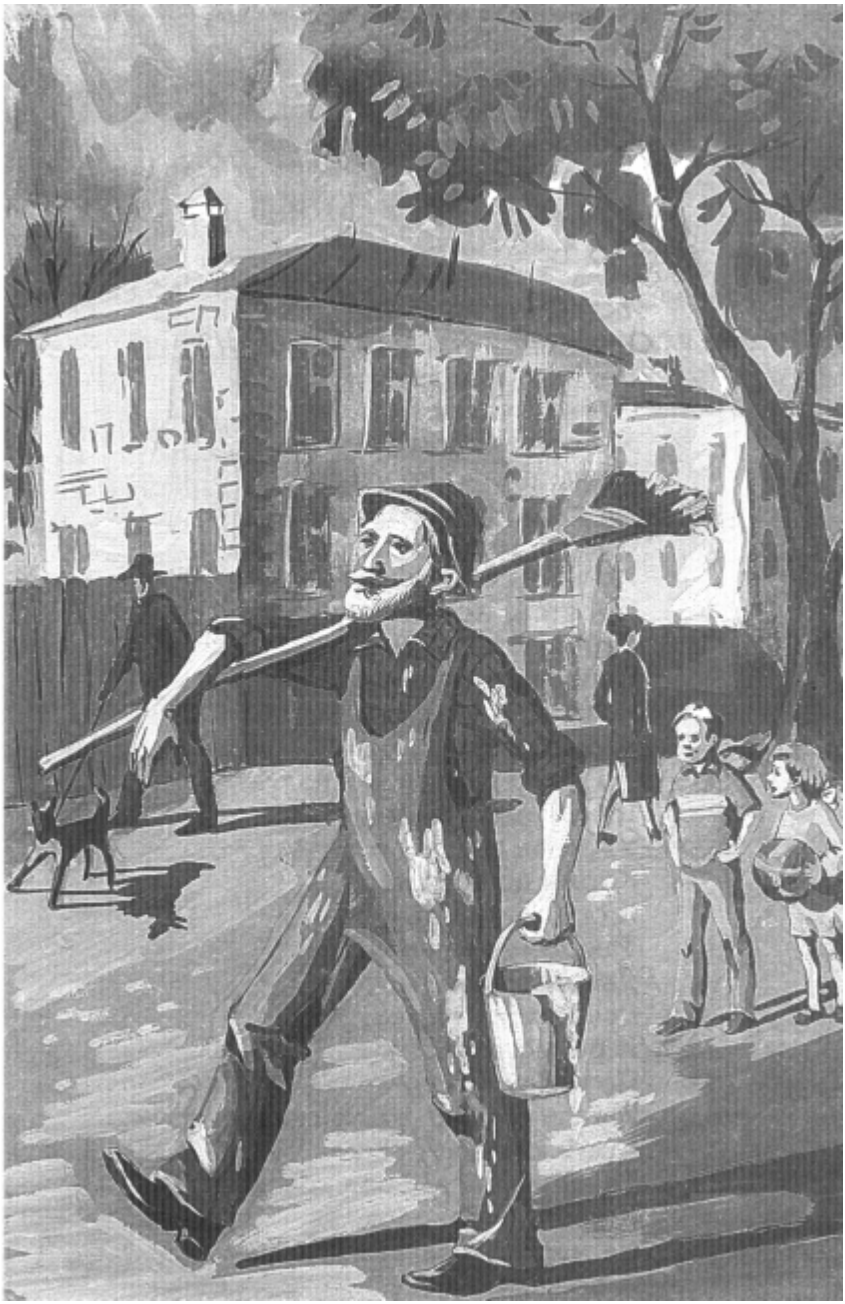
В нашем доме небольшом
Я дружу с мальчишкою,
С малышом да крепышом,
С Мишкой-коротышкою.
Говорят мне стар и млад:
— Не пойдут дела на лад,
Подобрал себе дружка
Не по росту-возрасту,
Он от пола два вершка,
Маленький он, попросту...
— Ну и что же? — отвечаю. —
С ним дружить приятно мне,
Я друзей не выбираю
По длине и ширине.
Пусть худой он или толстый,
Пусть высок он или мал —
Ни на метры, ни на вёрсты
Я его не измерял.
А проверил я дружка
У крутого бережка,
Там, где совы в чернотале
Хохотали до утра,
Где мы ночи коротали
На привале у костра.
А ещё проверил Мишку
Мерой самою простой:
Любит книжку?
Любит книжку.
Значит, парень не пустой.
Да потом ещё проверил
На рыбалке и в пути
И тогда в него поверил:
Лучше друга не найти.
Не солжёт он, не обманет,
Не захнычет, огорчён,
И пускай хоть как устанет —

Не отстанет нипочём.
О знакомых не судачит,
Не мрачнеет без еды,
Не хохочет от удачи
И не плачет от беды.
Верю я: в бою, в труде
Страх его не скосит,
Он в беде меня нигде
Ни за что не бросит.
Ну и что ж, что малышок?
Вырастет мальчишка!
Вот какой он — мой дружок
Мишка-коротышка!

Вопросы:
1. А ты бы хотел дружить с Мишкой? Почему?
2. Как автор учит нас выбирать друзей?

ВЕСЁЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Живёт у нас на улице
Весёлый человек:
Не гнётся, не сутулится,
Не хмурится вовек.
Несёт он кисть и лесенку —
Имущество своё —
И распевает песенку,
Послушайте её...
«Лучи стучатся в стёкла рам,
Я с солнышком дружу



И ежедневно по утрам
Из дома выхожу.
С зарёй встаю я много лет.
Доволен я судьбой —
Я крыши крашу в красный цвет
И в ясно-голубой.

Живей въезжайте в новый дом,
Вставайте на заре
И вспоминайте о седом
Весёлом маляре.
Лучи стучатся в стёкла рам,
Я с солнышком дружу
И ежедневно по утрам
На стройку ухожу...»
Мы с ним давно товарищи,
Хоть он седой, как снег, —
Простой, неунывающий
Рабочий человек.
Спросил его однажды я:
— Кем быть?
А он в ответ:
— Нужна работа каждая,
Ненужных в мире нет.
Уж коли пашня по сердцу —
Корми до веку нас,
К огню душа запросится —
Так домна в самый раз.
Дворцы, заводы, сёла я —
Всё красил на веку,
И ремесло весёлое
По нраву старику.
И если б вдруг, как в сказке, я
Стать юношею мог,
То вновь бы выбрал краски я
И кисть, и соколок.
Не мастер я загадывать,
А пожелать могу:
Пусть будут люди рады вам
И вашему труду.

Вопросы и задания:
1. Почему маляр всегда весел?
2. Вырази главную мысль стихотворения.

Лидия Преображенская

(1908-1991)

ОСЕНИ ПРИМЕТЫ

Тонкая берёзка
В золото одета.
Вот и появилась
Осени примета.
Птицы улетают
В край тепла и света.
Вот вам и другая
Осени примета.
Сеет капли дождик
Целый день с рассвета,
Этот дождик тоже —
Осени примета.
Горд мальчишка, счастлив:
Ведь на нём надета
Школьная фуражка,
Купленная летом.
Девочка с портфелем.
Каждый знает: это —
Осени идущей
Верная примета.

Вопросы:
1. Что такое примета?
2. Какие приметы зимы, весны и лета ты знаешь?

ДОБРАЯ ВОЛШЕБНИЦА

Говорят, я была такая маленькая, что могла стоять обеими ногами в одной маминой галоше. Да, да, говорят, было такое: стояла не раз и усердно разрисовывала табуретку обгорелыми спичками да угольками из печки. Что уж там могла я рисовать в таком возрасте — не знаю, только будто бабушка моя ходила

вокруг, ахала и восхищалась. А однажды усадила на стул и положила передо мной лист бумаги и настоящий карандаш, которым — вот чудо! — можно было рисовать. И я рисовала упоённо, самозабвенно.

А ещё позднее бабушка подарила мне коробку цветных карандашей. Шесть цветов. Что хочешь — рисуй: домик с красной крышей, рядом зелёную ёлочку и огромные синие и жёлтые цветы. Или девчонку в красном платье, с красным бантом на голове и в красных башмачках. Ах, каким это было праздником для меня! И бабушка казалась мне не просто бабушкой, а доброй волшебницей.

Помню, увидела я где-то на картинке ангела, играющего на арфе, и захотелось мне иметь такой чудесный инструмент. Арфу, конечно, бабушка не могла мне купить, но подобие её всё же сделала: на стене укрепила гвоздиками гитарные струны — играй, внучка, пожалуйста!

А то вот ещё: понравились мне рассказы и картинки про индейцев. Вигвамы, стрелы, лук, головные уборы из перьев. Захотелось играть в индейцев. И бабушка тут как тут. «Вон, — говорит, — сколько пера куры нароняли во дворе. А в огороде трава высокая. Прятаться можно. Шалаш из сучьев сделаем. Чем не вигвам? Живи в нём хоть целое лето».

И шалаш помогла сделать, и головной убор. И лук натянула. И «жила» я там, охотилась за воробьишками да кузнечиками. Пряталась в траве, переползала из одного конца огорода в другой, как заправский какой-нибудь Ястребиный Коготь или Змеиный Глаз, стреляла из лука в воображаемого врага. До пояса голая ходила, загорала под летним уральским солнышком.

На зависть подружкам была у меня кукла с закрывающимися глазами. Льняные локоны. Пленительная нежно-розовая фарфоровая головка. Это тоже подарок бабушки. Я и сейчас помню эту куклу. Сидела она на комоде и смотрела на меня голубыми сияющими глазами в мохнатых ресницах.

Как мне хотелось подержать её в руках, побаюкать, спеть песенку!

Вот и полезла я на стул, дотянулась до неё, хотела спуститься и уронила. Фарфоровые брызги рассыпались по полу. Голубые глаза закатились куда-то, и не найдёшь...

Какое это горе было для меня. Говорят, не на шутку заболела с такого потрясения, в постель слегла. А бабушки дома не было, в соседний город уезжала. Мама письмо ей написала, обо всём рассказала. Открываю глаза однажды и вижу рядом бабушку, а в руках у неё куклу. Тоже красивая и тоже голубыми глазами помаргивает, будто играть приглашает, не болеть уговаривает.

С того часу здоровье моё пошло на поправку. Соседки частенько бабушке выговаривали:

— И что ты, Ивановна, внучку так балуешь? Обновки часто шьёшь, книжки то и дело покупаешь...

Бабушка смотрела на них и строго возражала:

— А кому какое до этого дело? Шью сама. И насчёт книжек вы мне не указ. Что, ей такой же тёмной, как я, на всю жизнь оставаться? От книг вреда не будет...

Я прижимала к груди «Сказки» Пушкина, испуганно смотрела на соседок, боялась, что они отнимут у меня эту чудесную красочную книгу. Потом успокаивалась: разве даст меня в обиду бабушка?

Через минуту я забывала ворчливых соседок. Билибинские иллюстрации чаровали, радовали, уводили в мир сказки. Вот князь Гвидон на берегу моря-окияна... Из пены волн выходит царевна Лебедь... Баба Бабариха чем-то напоминает мне одну из соседок... А все эти узоры, виньетки, обрамляющие каждую страницу, позолоченные буквицы. Как они радовали меня, манили взять в руки карандаш, попробовать нарисовать такое же, будили детскую фантазию.

А ещё помню... Чуть брезжит рассвет. Надо мной склоняется бабушка:

— Ну как, пойдём по ягоды? Или спать будешь?

Сон мгновенно отлетает. Поспешно натягиваю платьишко. У крыльца качается чугунный умывальник. Несколько всплесков воды — и я готова.

Серая, в предрассветных сумерках дорога уводит к лесу.

Зябко на рассвете. Поёживаюсь от утренней свежести. И добрые бабушкины руки накидывают мне на плечи «гуньку» — старенькую одежонку.

Шорохи в листве. Первый птичий свист. Первый солнечный луч. Как всё это ярко до сих пор живёт в моей памяти.

— Смотри, Лидушка, солнышко всходит. Видишь, как всё оживает, просыпается, каждая травинка к солнцу тянется, радуется...

— Ой, змея! — вскрикиваю я, пугливо делая шаг назад.

Но бабушка смеётся:

— Глупенькая, не змея это, уж. Видишь, на головке у него два жёлтых пятнышка, как два лепесточка. У змеи таких нет. Ужа бояться не надо — он безобидный. И даже, наоборот, полезный, мышей ловит. Пусть ползёт к своим деткам. Здесь близко болото есть, там у него и дом, наверное. А вот смотри-ка, смотри, и ягодка первая показалась. Ну-ка приглядывайся, да пониже, пониже наклоняйся. И траву раздвигай. Земляничка любит, чтобы

ей низко кланялись.

И я раздвигаю, «кланяюсь». Как сказочные фонарики, горят в траве ягоды. Наполняется кружка, потом маленькая плетёная корзиночка. Руки пахнут земляникой, солнечной, жаркой...

А потом — привал под берёзой, опустившей зелёные косы до самой земли. Как вкусны яйца, сваренные вкрутую, молодая картошка или горстка земляники с кружкой родниковой студёной воды. Или даже просто краюшка чёрного хлеба с солью.

Иной раз всё это кажется забытым сном, сказкой... Душистая лесная прохлада. Любопытная синичка-трясогузка. Ощущение счастья. Всё это живёт где-то в далёких уголках памяти, сердца.

Вот почему я и сейчас, спустя почти семьдесят лет, могу остановиться на главной улице нашего города возле красавицы-берёзы, залюбоваться ею или заслушаться весёлого голоса синицы. Мне кажется, этого не было бы, если бы не она, моя бабушка, моя добрая волшебница...

Давно уже нет бабушки. Но я помню её, строгую и ласковую. Помню её советы. Сама всегда деятельная, не любящая сидеть сложа руки, она не терпела лени, небрежности, расхлябанности. Не раз попадало мне от неё, если что-либо сделала плохо, в спешке. «Поспешишь — людей насмешишь, — ворчала она. — Куда торопилась? Тяп-Ляп помогал, что ли? Эко наробила!».

Поэтому, должно быть, вспоминая бабушку, я задумала написать сказку «Тяп-Ляп».

Вопросы и задания:

1. Любит ли девочка свою бабушку? Докажи.
2. Расскажи о своём самом любимом человеке.

ТЯП-ЛЯП

Эта сказка о вредном человечке по имени Тяп-Ляп.

Всюду он появляется неожиданно и подговаривает людей делать всё как попало. Пока распознают его — глядишь, дело уже испорчено.

О проделках Тяп-Ляпа и о том, что с ним случилось, вы узнаете, когда прочтёте эту сказку.

Строчит на машинке
Всё утро Алёнка.
Передник — бабусе,

А платье — сестрёнке.
Довольна старушка:
Передник — что надо!
Нарядной обновке
И девочка рада.
— Ты сшей мне, пожалуйста, —
Просит малышка, —
Красивое платье
Для куклы-голышки!
— Не хочется что-то...
Да так уж и быть.
Давай-ка лоскутья —
Недолго скроить.
И спинку, и перед
Скроила сначала.
Потом на машинке
Поспешно стачала.
Скроила рукав
И взялась за второй.
Глядит — не хватает
Ей ткани цветной.
— Ну что ж, не беда, —
Говорит мастерица, —
Пусть будет рукав
Из зелёного ситца...
Раз-два и — готово...
Ну, просто потеха!
Всё платье — не платье —
Сплошная прореха.
Там шов разошёлся,
Тут криво пришито.
И бабушка внучке
Сказала сердито:
— Передник и платье
Старательно шила.
А с этим ты, что ж,
На пожар поспешила?
Тяп-Ляп тебе, верно,
Помог здесь немало.
— Мне даже обидно, —
Алёнка сказала, —
Совсем я не знаю
Тяп-Ляпа такого.
И шила одна я,

Вот честное слово!
— Неправда, неправда.
Неправда, девчонка! —
Кричит кто-то рядом
Насмешливо, звонко. —
Тебе я тихонько
Шепнул на ушко:
«Ты платье сошьёшь
Для голышки легко.
Намётки не надо.
Отлично и так.
А будет неровно —
Так это пустяк».
Да если б не я,
Ты бы сшить не сумела.
Алёнка смутилась,
До слёз покраснела.
Взглянула:
На швейной машине,
В сторонке,
Стоит человечек
И машет кепчонкой.
Обут он в калошу
Да в старый башмак.
Рубашка надета
На нём кое-как.
Рукав без манжеты
(Видать, не дошит),
Штанина — в носке,
А другая — висит.
Смеясь, человечек
Моргает Алёнке:
— Сегодня мы славно
Сдружились, девчонка.
И слушать не станем
Ни мам и ни пап,
Учиться, работать
Мы будем тяп-ляп!
Силёнки нам тратить
Напрасно к чему?
В ответ закричала Алёнка ему:
— Возьмусь я за швабру,
Бездельник.
А ну-ка,

Иди-ка отсюда
С твоею наукой!
— Ну что ж, до свиданья,
Я ухожу.
Но всё ж на прощанье
Тебе я скажу:
Немало найдётся
На свете ребят,
Что жить и работать,
Как я, захотят!
Тяп-Ляп на окошко
С машины — прыжком.
Кепчонкой махнул
И исчез за окном.
Встревожилась бабушка:
— Эта зараза
Как с детства прилипнет —
Не вылечишь сразу.
Нельзя даже близко
Его допускать,
Чтоб тяпами-ляпами
Тоже не стать.
Алёнка — к окошку.
Куда он пропал?
Не скоро найдёшь его,
Очень уж мал.
А он покачался
На тюлевой шторе,
По ветке спустился
И сел на заборе.
В саду под деревьями
Стол и скамейка.
Сидит на скамейке
Соседский Андрейка.
Выводит старательно
Строчку за строчкой.
Забросил Тяп-Ляп
На тетрадку листочки.
Потом подобрался
Поближе, пониже:
— Эй, парень, устал ты
Сегодня, я вижу.
Товарищи рядом
Играют в футбол.

И ты бы, Андрейка,
К ребятам пошёл.
К чему так стараться?
И так всё красиво...
И вот уж мальчишка
Строчит торопливо.
А буквы как будто
Пустились плясать.
Алёнка примчалась,
Взглянула в тетрадь.
— Намазал, конечно,
Как курица лапой.
Послушался, вижу,
И ты Тяпа-Ляпа.
Гляди, покалечено
Каждое слово.
А ну-ка, садись,
Переписывай снова!
— Да что ты пристала? —
Андрейка пыхтит. —
Какой такой Тяпа?
— Сюда погляди!
Ты видишь — мальчишка
На ветке, над нами,
Сидит, беззаботно
Болтает ногами.
Лишь только Андрейка
На Тяпа взглянул,
Тот кепку, смеясь,
На себя натянул.
И сразу растаял,
Невидимым стал.
— Куда он девался? —
Андрей закричал. —
Какой он хороший,
Какой он весёлый,
Хочу с ним играть я
Всегда после школы!
Алёнка в ответ
Головой покачала:
— Успел заразиться?
Ну, так я и знала!
Придётся мне «скорую»
Вызвать сейчас.

Да вот она, кажется,
Едет как раз.
Ой, доктор, сюда!
Помогите Андрейке!..
И вот уже доктор
Спешит по аллейке.
— В тетрадке каракули?
Ясно, дружок.
Тяпляпством ты, значит,
У нас занемог.
От этой болезни
Лекарств ещё нет,
Но дать вам могу я
Полезный совет.
Пусть мама готовит
Еду кое-как
И делает всё
Приблизительно так:
Пшено не доварит,
Битки не дожарит,
Горчицы да перцу
Подсыплет в компот
И утром на завтрак
Андрейке даёт.
— Ой, доктор, ой, миленький,
Ой, не хочу!
Да как я такую
Еду проглочу?
Нахмурился доктор,
Андрейке сказал он:
— За дружбу с Тяп-Ляпом
И этого мало.
Кивнув на прощание,
Доктор уходит.
Андрей огорчённо
Руками разводит:
— Я сам не заметил,
Что так нацарапал.
Поймать бы мне этого
Вредного Тяпа,
Чтоб трёпку ему
За подсказки задать.
Довольна Алёнка:
— Тебя не узнать.

Волшебная кепка,
Видать, у него.
Но ты не волнуйся.
Найдём, ничего!
Звонить надо в школы,
Бежим к автомату.
Поймать невидимку
Помогут ребята.
Бегут.
Разбежались
Повсюду ребята.
Бегут пионеры.
Бегут октябрята.
Да где же найти его?
Стойте! Следы:
В саду, возле школы,
Засохли цветы.

На грядках юннатских
Ветвится трава.
Их, верно, пололи
Спустя рукава.
Случайно Тяп-Ляп

Не забрёл ли от скуки
Вон в ту мастерскую
«Умелые руки»?
Туда заглянули.
Ну, сразу видать —
Успел он, пройдоха,
И здесь побывать.
От слёз потускнели
Глаза у зайчонка —
Пришить ему ухо
Забыла девчонка.
А в школе соседней
Послушали Тяпа —
Извёсткой успели
Все окна заляпать.
И пол облезает —
Покрашено скверно.
«Помог» он ребятам
В ремонте, наверно.
Выходит навстречу
Тут старший бригады:
— Искать Тяпа-Ляпа
Здесь вовсе не надо.
Уже исправляем
Мы все недоделки.
Попало ему
От ребят за проделки.
И пусть. Поделом.
Еле ноги унёс он.
Теперь не покажет
К нам длинного носа.
— Да где же сейчас он?
— А вы не смотрели
У техников в клубе,
Где строят модели?
Ответили техники:
— Только что был.
Сергею помог
Смастерить винтокрыл.
Вернее, он думать
Сергею мешал,
И тот все винты
Второпях закреплял.
Задумал Тяп-Ляп

На модели лететь.
Что будет, хотите,
Друзья, посмотреть?
Машина до старта
Доставит в момент.
Взвивается пыль
За машиною вслед...
Тяп-Ляпа к полёту
Готовит Сергей.
Ребята шофёру
Кричат: — Поскорей!
Нельзя нам Тяп-Ляпа
Никак упустить.
Взлетит, так попробуй
Потом изловить...
Но поздно. Летит он
Над озером ближним.
Ой, что это?.. Падает
Ниже да ниже!
Рассыпался вдруг
Винтокрыл на кусочки...
Пожалуй, пора бы
Поставить здесь точку.
Погиб под волнами,
Должно быть, навечно
Тяп-Ляп, торопыга,
Пустой человечек.
А вдруг... Подождите!..
Он спасся? И вот,
Как прежде, меж нами
Спокойно живёт.
Быть может, до времени
Спрятался где-то...
Ну что ж, вам известны
Тяп-Ляпа приметы:
Обут он в калошу
Да в старый башмак.
Рубашка надета
На нём кое-как.
Рукав без манжеты
(Видать, не дошит),
Штанина — в носке,
А другая — висит.
Где честно трудиться

Не хочет лентяй,
Там близко, там рядом
Тяп-Ляп, так и знай!
Гоните, ребята,
Его поскорей.
Пусть он среди вас
Не находит друзей!

Вопросы и задания:

1. Почему вредного человечка автор назвала Тяп-Ляп?
2. Какие человеческие качества высмеиваются в этом стихотворении?
3. Прочитайте стихотворение по ролям.

ЗАГАДКИ

Две сестрицы

Сестрицы любят быстрый бег,
И вам они знакомы.
Когда засыплет землю снег,
Им не сидится дома.

Задрав носы, они бегут.
След вьётся на сугробе.
Там, где другие не пройдут,
Легко проходят обе.

Сердитый дворник

Сердитый дворник у ворот
Метлою белою метёт.

Всю ночь работал до утра,
А снегу больше, чем вчера.

Задание:

Прочитай и отгадай загадки.

Юрий Подкорытов

(1934-1989)

СЕКРЕТЫ КАСЛИНСКОЙ ШКАТУЛКИ

Жила-была девочка. По имени Алёна, по отчеству Юрьевна. Так было записано в документе, а документ хранился в старинной каслинской шкатулке.

Сразу видно, что шкатулку эту сработали искусные руки. Чугунный кружевной узор казался лёгким и прозрачным, а на верхней крышке было вот что: круг солнца, а под ним расцветал подснежник.

Шкатулка уже много лет хранила семейные документы, разные памятные вещички и кое-какие секреты.

Впрочем, так думала только Алёна Юрьевна, потому что взрослые ни под каким видом не разрешали ей заглянуть туда.

— Всему своё время...— так частенько говорил папа и ещё добавлял: — Надо было тебя, дочь моя, Варварой назвать. По старой русской пословице.

— Это по какой же?

— А такой: любопытной Варваре нос оторвали.

Эту неизвестную Алёне Юрьевне Варвару вспоминали в доме частенько. Видимо, у неё и в самом деле был слишком длинный нос.

Но даже и знаменитая Варвара не сумела бы открыть шкатулку — мастер, большой выдумщик, приладил такой хитрый замочек, который подчинялся только взрослым.

Ах, эти секреты! Они таинственно шуршали в шкатулке, мелодично звенели и, как казалось Алёне, тоже очень желали рассекретиться. Но — всему своё время.

Итак, жила-была... Погодите, погодите — почему жила-была? Да она и сейчас живёт-поживает в большом голубом доме, что стоит на углу улицы Сталеваров и проспекта Металлургов.

И учится в 3 «Д» классе средней школы на шоссе Доменщиков. Странно, что вы её не знаете!

Алёна и её подружки — люди, известные среди
дворников,
служащих домоуправления,
продавцов мороженого и газированной воды.
Потому что

все асфальтовые дорожки разрисованы цветными мелками;

шумные игры устраиваются как раз под окнами домоуправления;

Алёна и её подружки — постоянные покупательницы сладкого. Во все времена года. Что ещё рассказать об Алёне Юрьевне?

Девочка она образованная и давным-давно решает задачи на сложение. К примеру — одну порцию шоколадного мороженого приплюсовать к сливочному. И прибавить стакан газированной воды с двойным сиропом.

С пастой, зубной щёткой и мылом она дружна. А вот с большой расчёской не очень — расчёска больно дёргает за волосы.

Зеркало Алёна Юрьевна совсем не любит. Такое неправдивое зеркало! Показывает всякий раз белобрысенькую девчонку, да ещё с веснушками. А вместо носа какую-то розоватую пуговицу.

Профессию себе Алёна Юрьевна выбрала окончательно и бесповоротно. Это

дворник,
доктор,
повар,
милиционер,
гимнастка,
космонавт.

Но больше всего любит Алёна Юрьевна рисовать

цветными мелками,
карандашами,
акварельными красками,
фломастерами
и просто шариковой ручкой.

Растёт Алёна Юрьевна в большой рабочей семье, которую взрослые часто называют мудрёным словом — Династия.

И это означает, что глава семьи — мастер-доменщик Иван Матвеевич Веснушкин, его сыновья и дочери, взрослые внуки и внучки работают на одном металлургическом заводе.

Когда вся Династия собирается вместе, в доме становится тесно и шумно. На стол подаются знаменитые уральские пельмени. И полная приправа к ним. В пузатых графинчиках.

А на кухне, ожидая своего часа, пыхтит старинный самовар. Медную грудь его украшают медали. Жарко сверкают начищенные бока. Обычно к самовару выставляется варенье:

вишнёвое,
малиновое,
клубничное,

земляничное,
смородиновое (двух сортов).

Понятно, что Алёна Юрьевна успевает попробовать все сорта. Да ещё маленький кусочек слоёного пирога, именуемого стёпкой-растрёпкой.

За столом взрослые ведут непонятные разговоры. То и дело слышатся такие слова:

домна,
руда,
чугун,
мартен,
конвертор.

А чаще других — длинное-предлинное слово:

ре-кон-струк-ция.

Его всегда произносили так, что слово это хотелось написать непременно большими-пребольшими буквами. Алёна написала. И показала деду.

Иван Матвеевич восхитился:

— Правильно, Алёна Юрьевна. Только маленькую поправочку надо.

И дописал: «Даёшь реконструкцию!»

— Хорошее это слово — даёшь! Когда я был молодым, оно у нас на первом месте стояло. Даёшь Магнитку! Даёшь тракторный! Даёшь пятилетку! Слово это...

— ... волшебное?

— Во-во! Это ты в самую точку попала. Именно волшебное... Реконструкция-то что значит: скажут старенькой домне «спасибо» за службу, уберут с рабочего места, а на её фундаменте поставят новую печь. И начнёт эта новая домна выдавать чугун в огромном количестве. Больше чугуна — больше стали. А куда сталь идёт?

Алёна огляделась. И оказалось, что многие вещи дружат с металлом:

телевизор,
пылесос,
плита,
стиральная машина,
дверные замки,
кастрюли,
ложки-поварёшки
и даже — детские игрушки!

Так вот отчего днём и ночью громыхает огромный завод! По широким лентам стремительно проносятся огненные слитки. Металл становится станками, машинами. И жаркие его реки текут и текут...

Алёна давно заметила — когда дед рассказывает о заводе, о домне, о металле, лицо его сразу молодеет. В голубых глазах прыгают искорки, а морщинки на лбу куда-то исчезают.

Дед говорит о чугуне, словно о старом добром приятеле. Алёна даже представила: дед приходит в свой доменный цех и крепко жмёт горячую руку чугуна:

— Как поживаешь, дружище?

Вопросы и задания:

1. Расскажи о жизни, привычках, играх Алёны.
2. Как ты понимаешь слово «династия»?
3. Какие же секреты могут храниться в каслинской шкатулке? Опиши её.

Нэлли Ваторопина

(1938)

ЛЕПЁШКА НУРИИ

Осенью 1948 года мы с бабушкой вернулись из Бродокалмака в Челябинск. Своего жилья у нас не было, и нас приютила дальняя родственница бабушки тётя Уля. Бабушка пошла работать на ферросплавный завод, а я поступила в 41-ю школу, в четвёртый класс. Для меня настали очень трудные времена.

Дело в том, что у тёти Ули были два сына-подростка, два отчаянных хулигана. Они не только наводили страх на весь заречный посёлок, но и постоянно обижали меня. Ведь днём взрослые были на работе, и никто не мог меня защитить. Самое страшное — голодные мальчишки съедали всю еду, которую оставляла мне бабушка, а я боялась об этом рассказать.

День шёл за днём, я худела, слабела, в школе у меня начались голодные обмороки. Трудно сказать, чем бы всё это кончилось, если бы не моя одноклассница Нурия.

Родители Нурии и её старшая сестра работали на заводе, за тремя младшими братишками присматривала бабушка. Это была дружная татарская семья, где почти всегда говорили по-татарски.

Как-то после школы Нурия пригласила меня зайти к ним, сказала, что её бабушка хочет угостить меня лепёшками. В большой комнате, где не было стола, мы все сидели на стареньком ковре, по-татарски скрестив ноги. Нурия каждому дала пиалку чая с молоком, варёную картофелину с кружочком лука и горячую лепёшку. Для меня это был просто царский обед.

Родители Нурии знали тётю Улю и её сыновей-разбойников, видели, как мы с бабушкой частенько сидим за оградкой, вяжем, разговариваем. Им тоже жилось очень трудно. Они держали корову, имели большой огород, работали на заводе. Но сколько тепла и доброты было в их отношениях между собой, так тепло они приняли меня, совсем чужого ребёнка, что я оттаивала душой в их доме.

Теперь каждое утро Нурия заходила за мной перед школой, и всегда у неё для меня была горячая лепёшка. Обедала я теперь у них, видимо, была какая-то договорённость бабушки с этой семьёй. Мы очень подружились с Нуриёй. А её забавные братишки, плохо выговаривавшие русские слова, звали нас «две

Нэльки», «две Нурии». Они усердно учили меня татарскому языку, мы пели вместе татарские песни, играли в карты, танцевали, читали. Бабушка Сагида учила меня вязать красивые узоры на варежках и носках.

К весне нам с бабушкой дали четырёхметровую комнатушку в доме №25а по улице Российской, и я перешла в 44-ю школу.

Ещё около года я приходила в эту семью, как на праздник, потом они куда-то уехали. Но до сих пор, слыша татарскую речь, я угадываю до боли родные, знакомые слова, и во мне оживает что-то доброе, тёплое, как та горячая лепёшка, которую совала мне в руку каждое утро десятилетняя татарская девочка Нурия.

Вопросы:

1. Кто из героев рассказа тебе нравится больше всех?
2. Зависит ли характер человека от национальности?

РОДНИЧОК

Осень — моё любимое время года. Осень — и этот сквер над рекой Миасс возле Дворца культуры ЧЭМК. Здесь, напротив, в доме №45а по улице Российской, началась моя жизнь более полувека назад, здесь прошло моё военное детство и юность.

В этом сквере назначались первые свидания, проливались первые слёзы. Сюда, на берег Миасса, я приводила потом своих детей — дочку и сына, а когда они стали взрослыми — внучек, Машеньку и Настеньку, приведу и внука Илюшку, когда он подрастёт.

Этот сквер, маленький зелёный островок среди большого шумного Челябинска, обладает какой-то волшебной способностью успокаивать, возвращать силы и надежды. Я часто прихожу сюда одна, особенно осенью, когда все чувства обострены до крайности и всё видится в чёрном цвете.

Сегодня я снова стою на гранитном выступе обрыва. Вокруг всё серое: небо, воздух, вода в Миассе. Крупные капли редкого дождя тоже серые. В разрывах туч изредка показывается скучное солнышко, совсем ненадолго, и тут же тучи прячут его в свои глубины. Ветер налетает порывами и швыряет под обрыв сорванные с берёз листья. Покружившись в воздухе, они исчезают внизу. Над серой пеленой воды стремительно проносится чайка и тоже исчезает. Как только они тут живут? Ещё десять лет назад в Миассе можно было купаться. Сейчас нельзя, настолько он грязен. Но ребятишки купаются. Река всё же.

Под обрывом, как раз подо мной, есть маленькое чудо — родничок с живой водой. Вокруг грязно, замусорено, а он, упрямый, пробивается из горы, по капельке — прозрачный, холодный, чистый. До чего же вкусна вода из него! Когда мне совсем худо, я собираю в ладошку эти драгоценные капельки и, наслаждаясь, пью. Живая вода.

Темнеет. Напротив, на том берегу, в девятиэтажках засветилось множество окон. А когда-то на месте этих громад был посёлок из маленьких деревянных домиков. Ни один из них не был похож на другой. Во время половодья Миасс становился грозным, и первые две-три улицы от реки заливало до самых окон. Возле домов дежурили на лодках, чтобы случайно льдиной не задело домик. Зато весной, в пору цветения, и на этой стороне можно было опьянеть от аромата цветущей сирени и черёмухи.

Ничего этого больше нет. Но есть сквер. Есть крутой обрыв над Миассом. Есть родничок с живой водой. Есть осень. И есть я. Здесь начало моей жизни, и здесь, только здесь она окончится.

Вопрос:

А у тебя есть своё любимое место, куда хочется приходить часто? Расскажи о нём.

Людмила Татьяничева

(1915-1980)

ВЕТЕР

Кто сказал, что ветер —
Невидимка?
Ветер видишь постоянно ты.
Чуть качнулась жёлтая кувшинка,
Задрожало зеркало воды...
Это ветер,
Это лёгкий ветер!
Дерево ветвями замахало,
Струнами запели провода.
На реке,
У тихого причала,
Крыльями захлопала вода.
Это ветер,
Это сильный ветер!
Барабаном загремели крыши.
Пыль взметнулась тысячью столбов.
И у зазевавшихся мальчишек
Кто-то шапки вдруг сорвал с голов.
Это ветер,
Это бурный ветер!
Кто сказал, что ветер —
Невидимка?
Ветер видишь постоянно ты.
В воздухе,
На речке,
На тропинках —
Всюду оставляет он следы.

Вопросы и задания:

1. Можно ли увидеть лёгкий ветер? Сильный ветер? Бурный ветер?

2. Попробуй нарисовать ветер (с помощью слов или красок).

СЕВЕРНЫЕ ГОСТИ

Мороз двадцатиградусный.
От снега всё бело.
А чиж смеётся радостно:
— Ну до чего ж тепло!
С чижом вполне согласен
И северянин щур:
— Да, климат здесь прекрасен,
Но... мягок чересчур!
Красавица чечётка
Сказала снегирям:
— Челябинск не Чукотка,
Такую б зиму нам!
Пернатым очень трудно
У нас среди зимы,
А на Урале чудно
Перезимуем мы!
Мороз скрипит от злости:
— Ужо я вам задам!
Но северные гости
Порхают по лесам.
Поют, не унывают,
Лишь скажут иногда:
— Такие ли бывают
На свете холода...

Вопросы:
1. Кого автор называет «северными гостями»?
2. Почему им не страшен мороз?

БЕРЕГИТЕ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ

Для весёлых весенних ветвей
Корни более чем родня...
Берегите старых людей
От обид,
Холодов,
Огня.
За спиной у них —
Гул атак,
Годы тяжких трудов
И битв...
Но у старости —
Ломок шаг

И неровен дыханья ритм.
Но у старости —
Силы не те.
Дней непрожитых
Мал запас...
Берегите старых людей,
Без которых не было б вас!

Вопрос:
Почему автор призывает беречь старых людей?

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

По лужам,
По глине вязкой
Солнечный луч шагает.
Весело,
Без опаски —
Как по ковру ступает.
Радостный,
Светлолицый,
Делом хорошим занят.
Грязи он не боится:
Грязь к нему не пристанет!

Вопрос:
Какое настроение появилось у тебя после прочтения этого стихотворения?

ДОРОГА

То мчится стрелой,
То устало бредёт,
Взбираясь на горные склоны,
То ящеркой быстрой скользит меж болот,
То вязнет в песках раскалённых.
Пусть нет ни жилья,
Ни просвета вокруг,
Не верим мы страху ночному!
Дорога — наш верный испытанный друг.
Она нас выведет к дому.

Вопрос:

Как ты понимаешь слова «Дорога — наш верный испытанный друг»?

Георгий Трейлиб

(1920-1992)

ДОВЕРИЕ — ВЕЩЬ ХРУПКАЯ

Кота звали Тимкой, Тимой, Тимофеем. Голубой-голубой. Большой, усатый, вальяжный. Исчезнет куда-нибудь.

— Тим-Тим! — озаботится Наташа, хозяюшка его, девочка лет шести.

— Мяу! — откликнется баловень и явится на зов. Наташа угостит чем-нибудь, погладит, на руках подержит.

Приходящие тоже забавлялись иногда:

— Тимофей!

Котище:

— Мяу! — и тут как тут.

Но однажды к Наташиной маме наведалась её давнишняя знакомая. Была она недоброй, и ей показалось, что кот провинился чем-то.

— Тимка! — крикнула гостья.

— Мяу! — и Тимка — возле.

Ждёт ласки или чего вкусненького.

А его взяли за ухо и хорошенько оттрепали.

Всё.

На этом доверие к человеку закончилось. Враз и навсегда.

Как Тимофея ни зови, ни мани — ни за что не мяукнет, не подбежит.

Ни к гостям.

Ни к маме Наташиной.

Ни к самой Наташе.

Доверие — вещь хрупкая.

Задание:

Объясни, как ты понимаешь выражение «Доверие — вещь хрупкая».

ЗАГАДКИ

Чёрная корова

Чёрная корова

Весь мир поборола.

За бабиной избушкой
Висит хлеба краюшка,
Собаки лают,
А достать не могут.

По синему пологу
Золотое просо рассыпано.

Сивые кабаны
Всё поле облегли.

Стоит бычище

Стоит бычище,
Проклёваны бочища.

На нём —
  Сидит Арина,
  Рот разиня.

Над ней —
  Чёрен,
  Голенаст,
  Выгибаться
  Горазд.

В бычище —
  Висит груша,
  Нельзя скушать.

Сидит на окошке
Кошка,
И хвост, как у кошки,
И нос, как у кошки,
И уши, как у кошки,
А не кошка.

А у окошка —
Стоят вилы,
На вилах — бочка.
На бочке — кочка.

Задание:
Прочитай и отгадай загадки.

Нина Цуприк

(1914-?)

ОПЯТЬ ДВОЙКА!

Серёжа шёл из школы, еле передвигая непослушные ноги. Он и не замечал, что сумка с тетрадями и книгами чуть не волочилась по земле. А новая ученическая фуражка съехала на самое ухо.

Радуясь последним солнечным осенним дням, в городском скверике на разные голоса весело чирикали воробьи. На одном из подоконников, сладко жмурясь, пушистый серый кот старательно лизал лапу и тёр ею морду.

В другое время Серёжа и воробьям бы посвистел, и кота поманил. А теперь не до них.

«Если бы Вовка не позвал вчера на самокате кататься, всё бы хорошо было», — горько сокрушался Серёжа, вспоминая, как учительница выводила в его дневнике двойку.

«Что я скажу теперь папе и маме?» — размышляя он, стараясь идти как можно медленнее.

У самого подъезда мальчика встретил радостным визгом пёс Бобка. Хозяина собака не имела. Её кормили ребята, и Бобке жилось неплохо.

Бобка, казалось, обиделся, когда Серёжа прошёл мимо него. Но увидев других школьников, он весело тявкнул и, свернув крендельком свой мохнатый хвост, помчался им навстречу.

Серёжа долго стоял у подъезда своего дома, не решаясь войти.

«А что, если я не покажу родителям дневник? — думал он. — Скажу, что учительница взяла его проверить... А сам буду стараться, выполнять домашние задания. Потом обо всём расскажу», — решил Серёжа и вошёл в подъезд.

Обед, как всегда, стоял в духовке, и Серёжа быстро поел. Он торопился сесть за уроки.

Но как быть с дневником? Мама сразу спросит. А брат Виктор сам в портфель залезет. Он хитрый, его нелегко обмануть. Мальчик долго держал в руках дневник, с опаской оглядываясь на дверь.

Наконец он догадался. Положив сумку с тетрадями перед собой, а дневник на стул, Серёжа уселся сверху.

«Пусть теперь смотрят!» — усмехался он, довольный, что сумел, как ему казалось, всех перехитрить.

Когда пришла мама, Серёжа старательно выводил в тетради цифры.

— Наконец-то за ум взялся! Выучишь уроки, потом и поиграешь. Молодец, Серёжа! Хватит уж бегать с собаками по улицам.

В другое время Серёжа обрадовался бы этим словам. Но теперь злополучный дневник не давал ему покоя.

— Как твои дела? Всё в порядке? — спросила мама, снимая с себя рабочую одежду.

— Ничего... — промямлил Серёжа и беспокойно заёрзал на стуле. Но мама ничего не заметила и ушла в кухню.

— Ай да Серёжа! Уже над задачками трудится! А я думал, ты играть убежал. Что это с тобой стряслось? Температура нормальная? — шутливо заговорил Виктор, выходя из другой комнаты, где он учил уроки. Брат учился в восьмом классе и занимался во вторую смену. — А где дневник? Ну-ка покажи, что там у тебя, — потребовал он, подходя к Серёже.

— Дневника нет. Он в школе... — смущённо заговорил Серёжа, низко наклоняясь над тетрадкой и краснея, как помидор.

— Ты что-то путаешь. По твоим ушам вижу, — приставал Виктор. — Где дневник? Показывай! — и он легонько щёлкнул братишку по лбу.

— Не лезь! — закричал Серёжа, выскакивая из-за стола, чтобы дать сдачи. Но вспомнив про дневник, быстро сел на стул. Но было поздно... Виктор заметил дневник.

— Мало того, что двойку получил, ещё обманываешь! — возмущался брат. — Некогда мне с тобой, лентяем, разговаривать. В школу пора! А то бы я тебе показал, как обманывать! Двоечник!

— А сам-то не двоечник? По чертению двойку принёс! Ага! — огрызнулся Серёжа.

— «По чертению»... — передразнил брат. — Говорить-то хоть научись. А ещё третьеклассник. Вот расскажу обо всём в отряде. Так и знай!

— Ну и говори! Ябеда-беда, козюля-борода! — не уступал Серёжа.

— Что вы опять, как петухи, раскукарекались? Что делите? — спросила мама, выходя из кухни с полотенцем в руках.

Виновато шмыгая носом, надув губы, стоял Серёжа перед мамой. Чувствуя свою вину, он мысленно раскаивался в ней.

Мама перелистывала дневник...

— Расскажи обо всём сегодня папе! — решительно сказала

она. — Пусть знает, какой у него младший сын.

Вопросы:

1. Почему Серёжа, когда шёл из школы, «еле передвигал непослушные ноги»?
2. Как он решил всех перехитрить?
3. Что из этого получилось? Почему?

Николай Глебов

(1899-1984)

КОЛОКОЛЬЧИК В ТАЙГЕ

Старый лесообъездчик Кузьма Миронович Черкасов, или, как его звали колхозники, Мироныч, в начале июля отправился верхом в свой обычный объезд.

Ехал он просекой. Пригретый полуденными лучами солнца, старик дремал. Над лошадью кружились назойливые пауты и комары. Жара не спадала. Мироныч мерно покачивался в седле, изредка бросая взгляд на окружающую местность.

«Скоро, однако, перевал», — подумал он и, подстегнув коня, поехал быстрее.

Его плотная фигура замелькала в частом осиннике. Проехав густой пихтач, лесник поднялся на перевал. С его вершины виднелись затянутые лёгкой дымкой тумана горы Миньяра. Внизу лентой извивалась река. Дальше шла чернь, необъятные леса, таёжная глухомань Южного Урала.

«Сходить надо попромышлять: может, козёл или зайчишка набежит». Закинув ружьё за спину, лесник стал спускаться вниз. Засаду он устроил на опушке леса. Впереди лежала гладкая елань[4], покрытая розовым мытником и яркими огоньками пестроцвета. Мироныч ждал, терпеливо прислушиваясь к шорохам леса.

Солнце клонилось к закату. Лесник уже хотел выйти из засады, как вдруг его внимание привлёк маленький рыжеватый зверёк, который вышел из высокой травы и, раскачиваясь на слабых ногах, направился прямо на Мироныча. Это был дикий козлёнок, мать которого, очевидно, погибла. Раздумывать было некогда. Мироныч, точно медведь, вывалился из сосняка на поляну. Козлёнок неуклюже запрыгал в обратную сторону и скрылся в траве. Лесник остановился. «Ишь ты, какой хитрый, спрятался, поди, думает: поищи-ка, Мироныч, меня. Нет, ты меня, брат, не проведёшь», — и, подперев бока, он что есть силы крикнул: «Эй!». Испуганный козлёнок подпрыгнул вверх и вновь заковылял к опушке леса. В два-три прыжка Мироныч настиг добычу и, схватив дрожавшего от страха козлёнка, прижал его к груди.

— Да не брыкайся ты, глупыш! Всё равно не вырвешься! Ведь

съедят тебя волки в лесу, — поглаживая его рыжую, блестящую шкурку, ласково заговорил лесник. — Вот привезу тебя домой и живи. Играй с моими внуками. Ребятишки будут рады.

Связав ноги козлёнка тонким ремешком, Мироныч поднялся с ним на перевал и, оседлав лошадь, тронулся в обратный путь. Домой он приехал в сумерки, постучал в окно и громко сказал:

— Кто первый выйдет, тому и находка.

На крыльцо стремглав выскочили мальчик и девочка.

— Я первый, — протягивая руки к козлёнку, крикнул десятилетний Степанко.

— Нет, я, — теребила деда внучка Ксюша.

— Дарю обоим, — старик развязал ремешки, которыми были спутаны ноги козлёнка, и передал его детям.

— Несите в избу.

— Бабушка, посмотри, что дедушка поймал! — Радостный Степанко опустил козлёнка на пол. Тот торопливо заковылял под лавку и прижался в угол.

— Да на что ты его привёз? — притворно сердито проворчала бабушка.

Мироныч усмехнулся.

— Тебе, Петровна, поиграть.

— Ему всё смех, — обиделась на шутку жена лесника. Но, увидев радостные лица ребят, тотчас смягчилась.

— Поди, козлёнок голодный, Ксюша, — обратилась она к внучке. — Принеси-ка из сенок молоко: надо его покормить.

Блюдце с молоком поставили на пол.

— Вытаскивай его, Степанко.

Козлёнок упирался и к молоку не шёл. Девочка ткнула мордочку зверёнка в блюдце. Облизывая губы, пленник не спускал с людей настороженных глаз.

— Дедушка, а дедушка, почему у него курдючок беленький? — спросила Ксюша старика.

— А чтоб охотникам стрелять было ловчее, — усмехнулся Мироныч.

— Стёпа, посмотри-ка, мордочка у него, как у ягнёнка, а ушки, точно у зайца. Какой хорошенький! — тараторила девочка. — Я ему кошомку подстелю, чтобы спать мягче было.

— Нужна ему твоя кошомка, — важно ответил Степанко, — лучше травы свежей нарвать. Это ведь не котёнок.

Козлёнок постепенно привыкал к новой обстановке и к ребятам. Спал он во дворе вместе с лохматой собакой по кличке Колобок, которого первые дни боялся больше всех. Днём дети выпускали его за ограду и, спрятавшись в высокой траве, следили за своим новым другом. Потеряв из виду детей, козлёнок

вытягивал шею и беспокойно вертел головой, затем высоко подпрыгивал над травой и, заметив девочку, стрелой мчался к ней.

— Вася, Васенька, — слышалось с другой стороны. Вновь прыжок, и козлёнок бежал к Степанку.

За три месяца козлёнок окреп и вырос. К Миронычу он относился доверчиво и был очень дружен с ребятами.

Однажды, гуляя по лесу, дети потеряли Ваську из виду. Долго звали они его, искали в кустах, но козлёнок не показывался.

— Неужели сбежал? — с тревогой проговорил Степанко.

— А может, он уже дома? — высказала предположение Ксюша.

— Как же, дожидайся, он ведь не домашний козёл, а дикий.

— Ну, что из этого, — вступилась за своего друга девочка. — Ведь он уже привык к нам.

— Привык-то привык, а может и удрать.

Опустив головы, ребята направились к дому. Вдруг до их слуха донёсся лай, и вскоре на полянку выбежал козлёнок, вокруг которого, радостно визжа, прыгала собака.

— Ну, вот, — вздохнула с облегчением Ксюша, — а ты говоришь — удрал. Он просто заигрался с Колобком. Вася, Васенька, — позвала она козла. Тот, мотнув головой, боднул собачонку и побежал навстречу своим друзьям.

...Наступил сентябрь. Кузьма Миронович отвёз ребят в соседнее село в школу. Накануне отъезда Степанко, пошептавшись с сестрой, заявил деду:

— Ваську берегите до нашего приезда.

— А ещё какой наказ будет? — улыбнулся дед. Степанко переглянулся с Ксюшей.

— Дедушка, мы просим тебя, чтобы он не потерялся, привяжи ему на шею колокольчик. У тебя есть колокольчик, мы видели его в сундуке.

— Вот пострелята! Да как вы его углядели?

— Пожалуйста, дедушка, разреши, — Ксюша обняла старика за шею.

— Тот колокольчик у меня заветный, — покачал головой Мироныч, — валдайский, с малиновым звоном. Давно храню я его. Сорок лет тому назад служил я у челябинского купца Степанова в ямщиках. Развозил товары и приказчиков по ярмаркам. Когда в лютую стужу сидел на облучке, одна была отрада — малиновый звон колокольчика. Плохо жилось в то время нашему брату, ямщику, — дед задумался. — Ну, ладно, — тряхнул он головой, — так и быть, привязывайте, — старик закряхтел и, поднявшись с лавки, шагнул к сундучку.

— Ну, а если Васька убежит в тайгу, тогда как? — наклоняясь над сундучком, шутливо ворчал Мироныч.

— Не убежит, — уверенно ответил Степанко.

— Да ты что, в самом деле думаешь одевать колокольчик? — удивлённо спросила Петровна и, увидев, что дед разворачивает тряпицу, в которой позвякивало, всплеснула руками.

— Ну, чего расшумелась? Внуки ведь просят, — отмахнулся от жены Мироныч.

В тот же миг в избе раздался нежный звон. Лицо старика просветлело. Приблизив колокольчик к уху, он долго прислушивался к его звуку. Ребята замерли.

— Динь-динь, — казалось, пела какая-то птица. Старик вздохнул.

— Слышал я как-то про этот колокольчик песню, — и, подмигнув внучатам, Мироныч запел дребезжащим голосом: — ...Однозвучно гремит колокольчик, и дорога пылится вдали...

— Ну, пошли к Ваське, — сказал дед, поднимаясь с лавки. — Ксюша, ты так привязывай колокольчик, чтобы не звенел. А Степанко будет держать нашего рысака за уши.

Васька стоял тихо. Когда дед подал команду «отпускай», козёл отпрянул. Услышав незнакомый ему звук меди, сделал огромный прыжок и, перемахнув через забор, исчез в лесу.

— Только и видели, — развёл руками дед. — Был Васька да сплыл. Будет носиться теперь по тайге, как угорелый, и звенеть колокольчиком, птицу и зверя пугать. Ну, теперь, ребятки, собирайтесь в школу. Авось, вернётся наш беглец.

Минуло немало времени, а Васька всё не приходил. Как-то ночью, проснувшись от лая собаки, Мироныч с фонарём вышел на крыльцо и стал прислушиваться к осеннему шуму леса. Ему показалось, что где-то вдалеке звенел колокольчик. Ночь была тёмной. Холодный ветер шумел верхушками деревьев, бросая на землю водяную пыль, буйными вихрями кружился над тайгой.

— Наверно, померещилось, — подумал старик.

— Динь-динь, — вдруг отчётливо и близко раздался знакомый звук.

— Вася, Васенька! — подал голос Мироныч. Козёл вышел на свет и, гордо подняв голову, насторожился.

Лесник открыл калитку и почмокал губами. Тихо звеня колокольчиком, беглец сделал несколько шагов и остановился.

— Иди, иди, дурачок, — ласково звал старик, пытаясь схватить козла за уши, но Васька отпрянул и исчез в темноте ночи.

— Динь-динь, — послышался прощальный звон, быстро пропавший в шуме ветра.

Сказочно красив в зимнем наряде густой таёжный лес. Вся в белом особенно хороша и стройна красавица-пихта. Опустив нижние ветки до самой земли, спит под снеговым покровом черёмуха. Лихо надев набекрень пушистые береты, стоят молодые пни. Ночь. Мириадами изумрудов блестит снег. Точно волшебные замки, высятся над тайгой причудливые скалы далёких гор. Торжественно молчалива в такие ночи тайга. Но порой её безмолвие нарушает несущийся откуда-то тихий звон.

— Динь-динь, — кажется, бродит по лесу какой-то невидимый музыкант, наигрывая свою несложную мелодию. — Динь-динь.

Утопая в рыхлом снегу, из лесу на поляну вышел горный козёл. Повёл ушами. Услышав хруст падающих от тяжести снега ветвей, замер. Снова тихо. Облитый лунным светом, с гордо поднятой головой, изредка тихо позванивая колокольчиком, стоит горный козёл.

Его чудесную музыку слушают деревья и горы. Но вот зверь насторожился. Глубоко втянул в себя воздух. Почуяв невидимую опасность, тревожно запрядал ушами. Внизу, со стороны согры[5], раздался протяжный звук. Начинался он с высокой ноты и заканчивался зловещим «у-у-а-а». То была волчья серенада. Она слышалась всё ближе и ближе. Козёл, затрепетав, большими скачками понёсся через поляну. Тревожное «динь-динь» послышалось у подножия перевала, где когда-то его нашёл Мироныч.

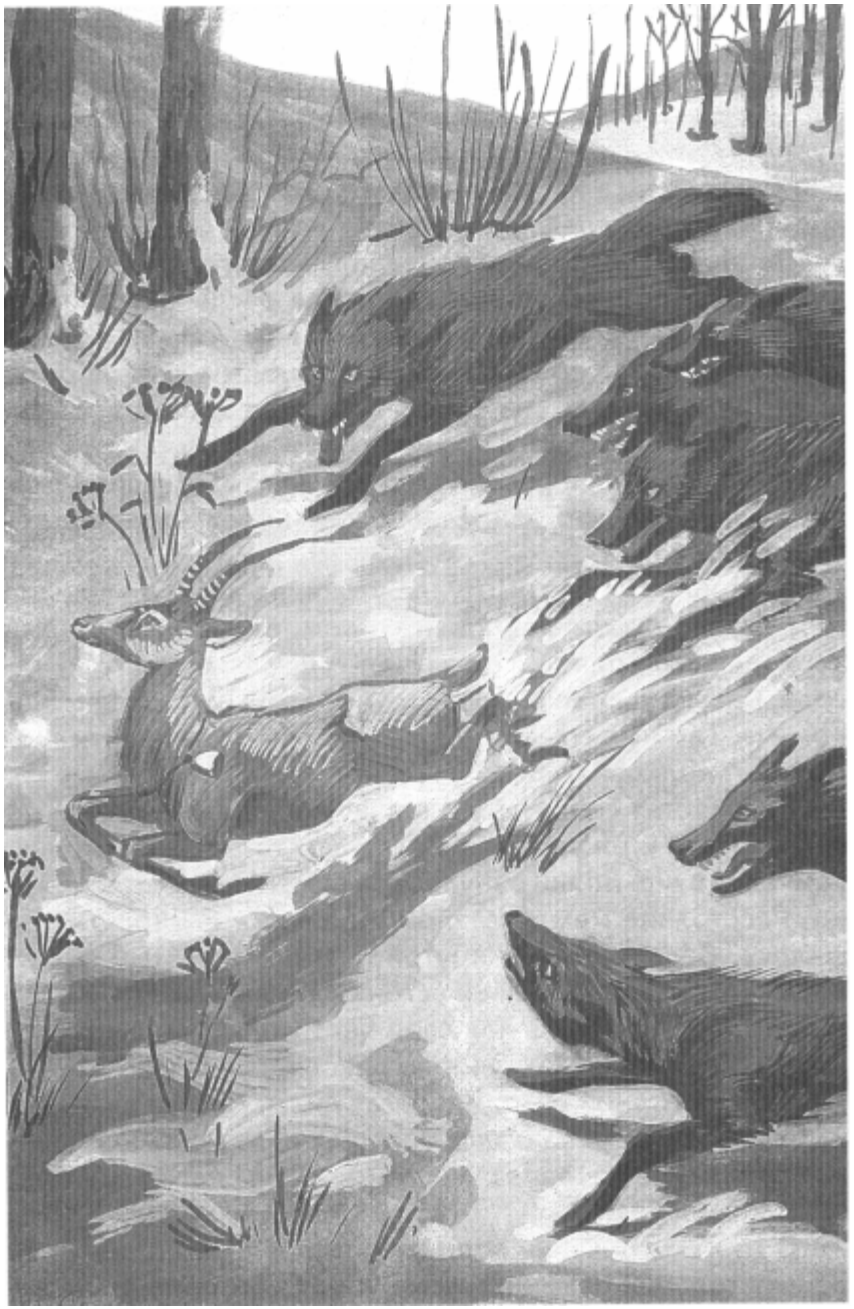
Быстрыми скачками Васька стал подниматься в гору. Он был уже на её вершине, когда волки, перебежав поляну, потянулись по свежему следу. Возле подъёма в гору они разделились на две стаи. Одна из них помчалась напрямик, вторая спешила в обход.

Вершина горы была увенчана гладкой скалой, у подножия которой находилась широкая расщелина. Козёл перемахнул опасное место, и со скалы, как бы торжествуя, прозвенел колокольчик. Первая стая волков сгрудилась у подножия, не спуская жадных глаз с добычи. Вторая приближалась с противоположной стороны. Сомкнув кольцо, волки расположились вокруг отвесной скалы, на вершине которой, словно каменное изваяние, стоял горный козёл.

Наступил рассвет. Потухла утренняя заря, и вершина горы, точно огромным прожектором, осветилась лучами восходящего солнца. Прозвучал гудок Миньярского завода. Васька увидел тонкую струйку дыма над жильём Мироныча. Там был его дом. Только там он может найти спасение от волков.

Распластав гибкое тело в воздухе, козёл прыгнул со скалы. Падая, он зарылся в снег, но, тотчас же вскочив, помчался вниз.

Волки ринулись за ним. Бежать было трудно. Расстояние между козлом и волками быстро уменьшалось. Васька сделал крутой поворот и густым лесом побежал к равнине. Бешеная гонка длилась долго. Козёл начал слабеть. Замедлили свой бег и волки. Только один из них, видимо, вожак, упорно преследовал свою жертву и гнал её к горной реке. Напрягая силы, Васька выбежал на берег, где образовалась большая наледь, запорошенная снегом. Не подозревая опасности, он сделал прыжок, покатился и упал.



В то же мгновение волк вцепился в шею козла. Спас Ваську толстый ременный ошейник, к которому был привязан колокольчик. Собрав остаток сил, козёл сбросил с себя волка и перемахнул через речную протоку. Волк, ляская зубами, остался на берегу. Прыгать через воду он побоялся.

* * *

В тот день колхозный охотник Файзулла сидел в засаде в ожидании козлов. Место для укрытия он выбрал под старой сосной на опушке леса. Не спуская глаз с круглой, как тарелка, котловины высохшего озера, Файзулла мурлыкал под нос старинную песню, которую он часто слышал в детстве от матери:

В сыром ущелье вырос
Голубой цветок.
Увидит ли он солнце?
В бедной землянке
Родился сын.
Увидит ли он счастье?

Вдруг острые глаза охотника заметили одинокого козла, оказавшегося на склоне противоположной от него горы. Козёл медленно спускался на равнину и шёл прямо на охотника. Файзулла взвёл курок. Добыча приближалась, но вместе с ней рос и необычный для тайги звук — динь-динь, и Файзулла напрягал слух. Динь-динь. Сомнений нет: звенел колокольчик. Но откуда он взялся? Тракт был далеко, километров за пятнадцать.

«Нет, тут что-то неладно, — пронеслось в голове охотника. — В глухой тайге и вдруг колокольчик?» — Файзулла дёрнул себя за ухо. Не ослышался ли? «Динь-динь», — неслось с горы. «Обожду, однако, стрелять».

Козёл спустился в котловину и остановился: ветер донёс до него запах человека. Васька, раздувая ноздри, втягивал в себя морозный воздух. Прогремел выстрел. «Динь-динь!» — поднимая вихри снега, козёл помчался в пихтач. Файзулла выскочил из засады. Не промахнулся ли? Так и есть! Добежав до места, где стоял Васька, он увидел на снегу клок шерсти. Мимо. Охотник продул ружьё и направился к лошади. Через час он сидел в избе Мироныча и, обжигаясь горячим чаем, рассказывал:

— Смотрю, козёл идёт. Только хотел стрелять, слышу — колокольчик. Оглянулся, что такое? Почты нет, лошадей не видать. Вот, думаю, оказия. А колокольчик всё звенит. Дай, думаю, выстрелю...

Лесник живо повернулся к рассказчику.

— Убил? — спросил он тревожно.

— Нет, промах дал. Колокольчик попутал.

Мироныч вздохнул с облегчением.

— Да ведь это мой козёл, Файзулла. Осенью ребята привязали ему колокольчик. Васька это.

— Какой Васька?

— Да мой козёл.

— Еман?[6]

— Да нет, не домашний, а дикий козёл жил у меня с лета. Маленьким поймал его около перевала.

— Вот беда-то, пропал теперь козёл! — хлопнул себя по колену Файзулла.

— Придёт, — ответил уверенно лесник. — Пошатается и явится.

Охотник покачал головой:

— Однако едва ли придёт, зверь он лесной, воля ему нужна.

В апреле на лесных полянах появились первые пятна чёрной земли. Днём яркое солнце пригревало снежные горы, и вниз текли шумные ручьи. Но ночи по-прежнему были морозными. Настала гололедица — самый опасный враг всех животных. Тогда Васька пришёл на заимку. Он сильно похудел. Ноги его были в крови. Не обращая внимания на собаку, козёл покорно стоял возле калитки, как бы дожидаясь, когда её откроет хозяин. Первой его увидела из окна Петровна.

— Иди, открывай ворота, бродяга твой явился. Должно, еле живой.

Лесник без шапки выскочил во двор и торопливо открыл калитку.

— Вася, Васенька, — поманил он козла. Тот стоял не двигаясь, тревожно поводя ушами.

Оставив калитку открытой, Мироныч поспешно влез на крышу и сбросил оттуда охапку сена.

— Ну, теперь я тебя, миляга, поймаю. Теперь я тебя перехитрю, — раструсив немного сена по дороге в сарай, он положил туда охапку и спрятался за угол. Козёл неуверенно перешагнул порог калитки и, подбирая корм, вошёл в сарай. Мироныч поспешно захлопнул за ним дверь.

Утром он снял с присмиревшего Васьки колокольчик и сказал:

— Будет, побаловались. А колокольчик-то почистить надо, — старик поднёс его к уху. — «Динь-динь», — лицо Мироныча расплылось в улыбке.

— Отдыхай теперь, рысак, пока хозяева возвратятся.

Ребята приехали в мае. Из избы встречать внуков вышли Мироныч и Петровна.

Ксюша и Степанко, поцеловав бабушку и деда, побежали к Ваське, бродившему в это время по двору. Козёл шарахнулся в

сторону, топнул ногой.

— Ишь, сердится на тебя, почему, дескать, не поцеловал его, — ухмыльнулся дед.

Мальчик осторожно приблизился к своему другу и обнял его за шею.

— Вася, Васенька.

Козёл не спеша боднул Степанка, как бы говоря: вот тебе за то, что долго не приезжал.

Вопросы и задания:

1. Почему рассказ назван «Колокольчик в тайге»?
2. Сколько раз колокольчик спасал Ваську?
3. Составь план рассказа.

Павел Бажов

(1879-1950)

ТАЮТКИНО ЗЕРКАЛЬЦЕ

(в сокращении)

Был ещё на руднике такой случай.

В одном забое пошла руда со шлифом. Отобьют кусок, а у него, глядишь, какой-нибудь уголышек гладёхонек. Как зеркало блестит, глядись в него — кому любо.

Ну, рудобоям не до забавы. Всяк от стариков слыхал, что это примета вовсе худая.

— Пойдёт такое — берегись! Это Хозяйка горы зеркало расколотила. Сердится. Без обвалу дело не пройдёт.

Люди, понятно, и сторожатся, кто как может, а начальство в перву голову. Рудничный смотритель как услышал про эту штуку, сразу в ту сторону и ходить перестал, а своему подручному надзирателю наказывает:

— Распорядись подпереть проход двойным перекладом из лежаков да вели очистить до надёжного потолка забой. Тогда сам погляжу.

Надзирателем на ту пору пришёлся Ераско Поспешай. Егозливый такой старичонко. На глазах у начальства всегда рысью бегал. Чуть ему скажут, со всех ног кинется и бестолку народ полошит, как на пожар.

— Поспешай, робятушки, поспешай! Руднично дело тихого ходу не любит. Одна нога здесь, другая нога — там.

За суматошливость-то его Поспешаем и прозвали...

...Он — этот Ераско Поспешай — лисьей повадки человечишко. Говорил сладенько, а на деле самый зловредный был. Никто больше его народу под плети не подводил. Боялись его.

На другой день к вечеру поставили переклады. Крепь надёжная, что говорить, только ведь гора! Бревном не удержишь, коли она осадку даёт. Жамкнет, так стояки-брёвна, как лучинки, хрустнут, и лежакам не вытерпеть: в блин их сдавит. Бывалое дело.

Ераско Поспешай всё же осмелел маленько. Хоть пристанывает и на колотьё в боку жалуется, а у перекладов ходит и забой оглядел. Видит — дело тут прямо смертное, плетями в

тот забой не всякого загонишь. Вот Ераско и перебирает про себя, кого бы на это дело нарядить.

Под рукой у Ераска много народу ходило, только смирнее Гани Зари не было. На диво безответный мужик выдался. То ли его смолоду заколотили, то ли такой уродился — никогда поперёк слова не молвит. А как у него семейная беда приключилась, он и вовсе слова потерял. У Гани, видишь, жена зимним делом на пруду рубахи полоскала, да и соскользнула под лёд. Вытащить её вытащили и отводились, да, видно, застудилась и к весне свечкой стаяла. Оставила Гане сына да дочку. Как говорится, красных деток на чёрное житьё.

Сынишко не зажился на свете, вскорости за матерью в землю ушёл, а девчоночка ничего — востроглазенькая да здоровенькая, Таюткой звали. Годов четырёх она от матери осталась, а в своей ровне уж на примете была — на всякие игры первая выдумщица...

...Хуже всего зимой приходилось. Избушка, видишь, худенькая, теплуху подтапливать надо. Не малой же девчонке это дело доверить. Старухи вовремя не заглянут.

Таютка и мёрзнет до вечера, пока отец с рудника не придёт да печь не натопит. Вот Ганя и придумал:

— Стану брать Таютку с собой. В шахте у нас тепло. И на глазах будет. Хоть сухой кусок, да вовремя съест.

Так и стал делать. А чтобы от начальства привязки не было, что, дескать, женскому полу в шахту спускаться нельзя, он стал обряжать Таютку парнишком. Наденет на неё братнюю одежонку да и ведёт с собой. Рудобои, которые по суседству жили, знали, понятно, что у Гани не парнишко, а девчонка, да им-то что. Видят — по горькой нужде мужик с собой ребёнка в рудник таскает, жалеют его и Таютку позабавить стараются. Известно, ребёнок! Всякому охота, чтоб ему повеселее было. Берегут её в шахте, потешают, кто как умеет. То на порожней тачке подвезут, то камешков узорчатых подкинут. Кто опять ухватит на руки, подымет выше головы да и наговаривает:

— Ну-ко, снизу погляжу, сколь Натал Гаврилыч руды себе в нос набил. Не пора ли каёлкой[7] выворачивать?

Подшучивали, значит. И прозвище ей дали — Натал Гаврилыч...

...Не каждый, конечно, раз таскал Ганя Таютку с собой, а всё-таки частенько. Она и сама к тому привыкла, чуть не всех рудобоев, с которыми отцу приходилось близко стоять, знала.

Вот на этого-то Ганю Ераско и нацелился. С вечера говорит ему ласковенько:

— Ты, Ганя, утре ступай-ко к новым перекладам. Очисти там забой до надёжного потолка!

Ганя и тут отговариваться не стал, а как пошёл домой, заподумывал, что с Таюткой будет, коли гора его не пощадит.

Пришёл домой — у Таютки нос от рёву припух, ручонки расцарапаны, под глазом синяк и платьишко всё порвано. Кто-то, видно, пообидел. Про обиду свою Таютка всё-таки сказывать не стала, а только сразу запросилась:

— Возьми меня, тятя, завтра на рудник с собой.

У Гани руки задрожали, а сам подумал: «Верно, не лучше ли её с собой взять. Какое её житьё, коли живым не выйду!»...

...Утром разбудил Таютку, обрядил её по обычаю парнишком, поели маленько и пошли на рудник.

Только видит Таютка, что-то не так: знакомые дяденьки как незнакомые стали. На кого она поглядит, тот и глаза отведёт, будто не видит. И Натал Гаврилычем никто её не зовет. Как осердились все. Один рудобой заворчал на Ганю:

— Ты бы, Таврило, этого не выдумывал — ребёнка с собой таскать. Не ровен час, какой случай выйдет.

Потом парень-одиночка подошёл. Сам сбычился, в землю глядит и говорит тихонько:

— Давай, дядя Гаврило, поменяемся. Ты с Таюткой на моё место ступай, а я на твоё.

Тут другие зашумели:

— Чего там! По жеребьёвке надо! Давай Поспешая! Пущай жеребьёвку делает, коли такое дело!

Только Поспешая нет-нет. Рассылка от него прибежал: велел, дескать, спускаться, его не дожидаючись. Хворь приключилась, с постели подняться не может.

Хотели без Поспешая жеребьёвку провести, да один старичок ввязался. Он — этот старичонко — на доброй славе ходил. Бывальцем считали и всегда по отчеству звали, только как он низенького росту был, так маленько с шуткой — Полукарпыч.

Этот Полукарпыч мысли и повернул.

— Постойте-ко, — говорит, — постойте! Что зря горячиться! Может, Ганя умнее нашего придумал. Хозяйка горы наверняка его с дитёй-то помилует. Податная на это — будьте покойны! Гляди, ещё девчонку к себе в гости сводит. Помяните моё слово.

Этим разговором Полукарпыч и погасил у людей стыд. Всяк подумал: «На что лучше, коли без меня обойдётся», и стали поскорее расходиться по своим местам.

Таютка не поняла, конечно, о чём спор был, а про Хозяйку приметила. И то ей диво, что в шахте всё по другому стало. Раньше, случалось, всегда на людях была, кругом огоньки мелькали и людей видно. Кто руду бьёт, кто нагребает, кто на тачках возит. А на этот раз все куда-то разошлись, а они с отцом

по пустому месту вдвоём шагают, да ещё Полукарпыч увязался за ними же.

— Мне, — говорит, — в той же стороне работа, провожу до места...

...Вот пришли к новым перекладам. Видно, крепь надёжная поставлена, и смольё тут наготовлено. Ганя со стариком занялись смольё разжигать. Дело, видишь, такое — осветиться хорошенько надо, одних блендочек[8] мало, а огонь развести в таком месте тоже без оглядки нельзя.

Пока они тут место подходящее для огнища устроили да с разжогом возились, Таютка стоит да оглядывает кругом, нет ли тут дверки, чтоб к Хозяйке горы в гости пойти. Глазёнки, известно, молодые, вострые. Таютка и углядела ими — в одном месте, невысоко от земли, вроде ямки кругленькой, а в ямке что-то блестит. Таютка, не того слова, подобралась к тому месту да и поглядела в ямку, а ничего нет. Тогда она давай пальчишком щупать. Чует — гладко, а края отстают, как старая замазка. Таютка и давай то место расколупывать, дескать, пошире ямку сделаю. Живо очистила место с банное окошечко да тут и заревела во всю голову:

— Тятя, дедо! Большой парень из горы царапается!

Таврило со стариком подбежали, видят — как зеркало в породу вдавлено, шатром глядит и до того человека большим кажет, что и признать нельзя. Сперва-то они и сами испугались, потом поняли, и старик стал над Таюткой подсмеиваться:

— Наш Натал Гаврилыч себя не признал! Гляди-ко, — я нисколь не боюсь того вон старика, даром что он такой большой. Что хошь заставлю его сделать. Потяну за нос — он себя потянет, дёрну за бороду — он тоже...

...Таютка поглядела из-за дедушкина плеча. Точно — это он и есть, только сильно большой. Забавно ей показалось, как дедушка дразнится. Сама вперёд высунулась и тоже давай всяки штуки строить.

Скоро ей охота стала на свои ноги посмотреть, пониже, значит, зеркало спустить. Она и начала с нижнего конца руду отколупывать. Отец с Полукарпычем глядят — руда под Таюткиными ручонками так книзу и поползла, мелкими камешками под ноги сыплется. Испугались: думали — обвал. Таня подхватил Таютку на руки, отбежал подальше да и говорит:

— Посиди тут. Мы с дедушкой место очистим. Тогда тебя позовём. Без зову, смотри, не ходи — осержусь!

Таютке горько показалось, что не дали перед зеркалом позабавиться. Накуксилась маленько, губёнки надула, а не заревела. Знала, поди-ко, что большим на работе мешать нельзя.

Сидит, нахохлилась да от скуки перебирает камешки, какие под руку пришлись. Тут и попался ей один занятный. Величиной с ладошку. Исподка[9] у него руда-рудой, а повернёшь — там вроде маленькой чашечки либо блюдца. Гладко-гладко выкатано и блестит, а на закрайках как листочки прилипли. А пуще того занятно, что из этой чашечки на Таютку тот же большой парень глядит. Таютка и занялась этой игрушкой.

А тем временем отец со стариком в забое старались. Сперва-то сторожились, а потом намашок[10] у них работа пошла. Подведут каёлки от гладкого места да и отворачивают породу, а она сыплется мелким куском. Верхушка только потруднее пришлась... Высоко, да и боязно, как бы порода большими кусками не посыпалась...

...И вышло у них в забое, как большая чаша внаклон поставлена, а кругом порода узором легла и до того крепкая, что каёлка её не берёт.

Старик, для верности, и по самой чаше не раз каёлкой стукал... Хлестал-хлестал, чаша гудит, как литая медь, а от каёлки даже малой чатинки не остаётся. Тут оба уверились — крепко. Побежал отец за Таюткой. Она пришла, поглядела и говорит:

— У меня такое есть! — и показывает свой камешек. Большие видят — верно, на камешке чаша и весь ободок из точки в точку. Ну, всё как есть — только маленькое. Старик тут и говорит:

— Это, Таютка, тебе Хозяйка горы, может, на забаву, а может, и на счастье дала...

Вопросы и задания:

1. Почему рассказ называется «Таюткино зеркальце»?

2. Кто из героев рассказа тебе понравился больше всего? А кто не понравился? Почему?

3. Если тебе понравился сказ, найди и прочитай его полностью.

3 КЛАСС

Николай Шилов

(1947)

НЕПРИВЕТЛИВЫЙ ПРИВЕТ

Здравствуй,
Здравствуй,
Океан
Атлантический!
Ты опять прислал привет
Климатический.
Весь промокший
От дождя,
Весь проветренный
Этот самый твой привет
Неприветливый.

Вопрос:
Что удивило тебя в этом стихотворении?

ДЯДЯ ВАСЯ

Купил Дядя Вася
Бульдога.
Купил
И ушёл ненамного.
Вернулся
И видит:
Собака
Играет на скрипочке
Баха.
— Возможно,
В отдельных домах
Действительно
Ценится Бах.
Но я-то, —
Сказал
Дядя Вася, —
Любитель

Собачьего вальса!
И продал собаку
Соседу,
Известному музыковеду.

Вопрос:
Показалось ли тебе стихотворение забавным? Почему?

Лев Рахлис

(1936)

ТОРТ С НАДПИСЬЮ

Торт лежал как украшенье
В центре нашего стола.
А на торте
«С днём рожденья!»
Надпись вкусная была.
Проявил я интерес
Для начала к букве «С».
Тут я должен вам сказать:
Буквы стали исчезать.
Неожиданно совсем
Улизнула буква «М».
А за нею буква «Ё»
Канула в небытиё.
Так
В конце концов, друзья,
Я дошёл до буквы «Я».
И с тех пор
До этих лет
Я ужасный буквоед.

Вопросы:

1. Какой смысл вкладывает автор в слово «буквоед»? Почему?
2. Знаешь ли ты, какое значение слово «буквоед» имеет на самом деле?

КТО Я ТАКОЙ?

Кто — на коньки,
А кто — на лыжи,
Я —
К телевизору поближе.
Усаживаюсь на кровать
И всё —
Меня не оторвать.

Мой аппетит неутолим:
Я съел на завтрак...
Телефильм,
Потом —
Уже не помню точно —
«Будильник»
с «Утренней почтой».
Потом я съел
«От всей души»,
«Спокойной ночи, малыши!».
Но не уснул я всё равно
И съел ещё одно
Кино.
Кто я такой?
Секрета нет:
Я —
Телезритель-телеед.

Вопросы:

1. Есть ли среди твоих друзей похожие на героя стихотворения?

2. Как, по-твоему, автор относится к маленькому «теле-еду»? Почему?

Ефим Ховив

(1928-2003)

ЧУДЕСА

У подъезда разлилась
Лужа с чудесами.
Если мне не верите —
Убедитесь сами.
Клён макушкой вверх
Растёт.
А в воде —
Наоборот.
Ходит Петя по траве
Длинными ногами,
А в воде — на голове,
Посмотрите сами.
Над землёю — облака,
Небо голубое...
А в воде я облака
Достаю рукою.
Отразился дом в воде.
Нет домов таких нигде.
Он в воде перевернулся,
Крышей в воду окунулся.
У подъезда разлилась
Лужа с чудесами.
Если мне не верите —
Посмотрите сами.

Задание:
Сделай иллюстрации к стихотворению (в словах и красках).

Константин Рубинский

(1976)

БЕССОННИЦА

Ходят по дому часы.
Слушаю, лёжа в кровати.
Кто разрешил на ночь глядя
Топать везде им, босым?

Кто им позволил бродить
В тёмной квартире уснувшей?
Может, им нужно покушать?
Может, им хочется пить?

Ровные тики-шажки...
Тихие цыпочки-таки...
Я не боюсь их ни капли —
Жаль их бессонной тоски.

Но не узнать, что таят —
Их не поймаешь в халате:
Встану проверить с кровати —
Прыг на комод — и стоят!

Вопросы:

1. Как ты думаешь, почему стихотворение называется «Бессонница»?
2. Найди в стихотворении олицетворения.

ДЕНЬ ОСЕНИ

Неслышно ступая с малышкой Шептушкой,
Всем листикам Осень желтушила ушки.
За нею дожди по неслышной тропинке
Тащили водицу в прозрачной корзинке.

И сырость тревожную нежную эту
Они разбросали по белому свету.

А листикам жёлтым велели без шуток
Готовить для ветра свои парашюты.

Вопрос:
Как бы ты проиллюстрировал это стихотворение?

Северина Школьникова

(1932)

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛЕС

Уткнулись пирамиды пихт
В белёсый край небес.
Сурово мрачен, странно тих
Насторожённый лес.
Следов ни строчки на снегах,
И дятлы не слышны...
Наверное, в таких лесах
И жили колдуны.
Вот выйдет,
Страшен и косматый,
Пронзительный уставит взгляд...
И жуть, и хочется свернуть.
Но что-то тянет всё ж.
И замечаешь как-то вдруг,
Как этот лес хорош.
Как пихта каждая стройна,
И как белы снега,
И как серебряно-черна
Молчащая тайга.
С душой встревоженной скользишь
На крыльях лёгких дум,
И в зачарованную тишь
Ведёт, ведёт колдун.
Туда, где сказку намело,
Подальше от людей,
Где берендеево село
И сам он — берендей.

Вопросы:
1. Какое настроение выражено в начале стихотворения?
2. Изменилось ли оно в конце? Докажи словами из текста.

ТИХИЙ СНЕГ

Тихий снежный занавес
Падает с небес.
Превратил он рощицу
В заповедный лес.
Старый двухэтажный наш
Деревянный дом
Сразу стал таинственным
Сказочным дворцом.
В царстве заколдованном
Вот я — берендей,
И заколдовал меня
Старый чародей,
Я ещё не знаю,
Добрый или злой...
Я бреду заснеженной
Тайною тропой.
Вот из леса выедет
Рыцарь на коне
И коня могучего
Подведёт он мне.
На коня вскачу я —
Ноги в стремена,
Побеждать помчимся мы
Злого колдуна...
Тихий снежный занавес
Падает с небес...
Сколько в нём волшебного,
Сколько в нём чудес...

Вопросы:

1. Почему стихотворение называется «Тихий снег»?
2. Что объединяет стихотворения «Тихий снег» и «Зачарованный лес»?

Людмила Татьяничева

(1915-1980)

ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА

Неба прозрачна голубизна.
Сахарный хруст ледохода.
Птичьи прилёты...
Это весна —
Лучшее время года!

Луга и поляны от ягод красны.
Воздух — душистее мёда.
Лето звенит на тропинках лесных —
Лучшее время года!

Под тяжестью яблок гнутся сады.
Пшеницы густа позолота.
Щедрая осень нам дарит плоды —
Лучшее время года!

Лыжней разлинован упругий наст.
Тиха и строга природа.
Красавицей зиму зовут у нас —
Лучшее время года!

Вопрос:
Какую мысль хотел выразить автор в стихотворении?

МАЛАХИТ

Когда-то над хребтом Урала,
Солёной свежести полна,
С ветрами запросто играла
Морская вольная волна.
Ей было любо на просторе
С разбегу устремляться ввысь.
Отхлынуло, исчезло море,
И горы в небо поднялись.

Но своенравная природа
То море в памяти хранит:
В тяжёлых каменных породах
Волной играет малахит.
Он морем до краёв наполнен,
И кажется: слегка подуть —
Проснутся каменные волны
И морю вновь укажут путь.

Вопросы:

1. Что из истории Урала вспоминает автор?
2. Почему именно малахит напомнил автору об этом?

* * *

Собираю я по зёрнышку
Капли дождика с ветвей
И протягиваю солнышку:
— На, высокое, испей!
Наработалось ты досыта,
Одарив нас ярким днём, —
Пышных нив живое золото
Добрым светится огнём.
Далеко ещё до вечера:
Горяча луча ладонь...
Пьёт из рук моих доверчиво
Солнце, как усталый конь.

Вопрос:

Почему у автора родилось такое неожиданное сравнение: «...солнце, как усталый конь»?

Ася Горская

(1937-2003)

БУДЕТ ПЛАНЕТА ЖИТЬ

Люди богатство твоё вырубают,
Люди возводят свои витражи.
Наша планета, Земля голубая,
Больно, родная, тебе, скажи?

Деревья молчат об этом.
Об этом кричат грачи.
Болеет наша планета.
Давайте её лечить!

Реки, озёра всё мельче и мельче,
Можно ли жажду без них утолить?
Можно ли братьев доверчивых, меньших,
В Красную книгу переселить?

Кто же простит нам всё это?
Пока не поздно, кричи:
Болеет наша планета,
Давайте её лечить!

Пусть каждый посеет по зёрнышку,
Ручей соберёт по капельке,
Пусть каждый взрастит по деревцу —
И будет планета жить!

Вопросы:
1. Почему автор говорит, что «планета болеет»?
2. Как ты думаешь, кто в этом виноват?
3. Что можно сделать, чтобы планета жила?

Рамазан Шагалеев

(1935)

ЛОШАДЬ

Давно прошли те времена,
Хоть мы их не забыли,
Когда любила нас страна
И люди нас любили.

Конём наездник дорожил.
Лелеял, нежил, холил.
Под звон серебряных удил
Гуляли мы на воле.

На скачках к финишной черте
Неслись мы, точно птицы.
Любой из нас в минуты те
Хозяин мог гордиться.

В кругу друзей мы вместе с ним
Делили честь по праву,
И были улицы тесны
Тогда для нашей славы.

Ходили в сбруе дорогой
Мы, чуть земли касаясь,
И пел бубенчик золотой
Соловушкам на зависть.

В боях отважны и дерзки,
Мы шли под ядра и клинки —
Такому не забыться!..
О жеребёнок мой родной,
Хоть раз тебе, как сон златой,
Пусть всё это приснится...
(перевод Р.Паля)

Вопросы:

1. От чьего лица ведётся рассказ?

2. Какие ещё произведения на эту тему ты читал? Что их объединяет?

Нэлли Ваторопина

(1938)

МУЗЫКА

Долгие зимние вечера взрослые проводили в большой комнате за самоваром. Здесь готовились к занятиям, отмечали дни рождения, праздники, устраивали вечера поэзии, пели песни, придумывали розыгрыши, пили чай с душистым мёдом. Здесь же стояло чёрное блестящее пианино.

Вначале меня пытались отправлять спать. Но послушная, даже чересчур тихая, здесь я становилась неуправляемой — громко ревела, спорила, пряталась, выставляли — возвращалась. И всё же добилась своего — меня оставили в покое.

Взрослые — это мой дядя, директор, самый весёлый и задиристый, первый выдумщик и шутник, учителя старших классов и моя первая учительница — ленинградка. Я не помню её отчества, но имя у неё было необычное — Стефания.

В свои шестьдесят лет она была удивительно красива. Седая, подтянутая, всегда в чёрном, с белой шалью на плечах, она казалась мне существом из другого мира, особенно когда подходила к пианино. Гасили лампу, зажигали свечи. И начиналось чудо! Два язычка мерцающих свечей, как два таинственных огонька, манили, вели за собой в неведомые страны.

Почему-то она всегда начинала с романса «Чуть белеют левкои...» и негромко подпевала себе. Этот романс, видимо, был из той её далёкой-далёкой жизни. А потом были Чайковский, Глинка, Бородин, Огинский и даже Равель и ещё многое-многое другое.

Музыка уносила меня из этой комнаты в какую-то сказочную страну, где не было ни войны, ни горя, ни «похоронок». Где шли, взявшись за руки, мои живые красивые мама и отец. Я смеялась и плакала, грезила наяву, жила в этих звуках. Утром бежала в школу через сад. А музыка жила во мне всё время. Все думали, что моё будущее — это музыка. Но война на всём поставила точку. В апреле 1945 года дядя ушёл добровольцем на фронт и не вернулся.

Стало не до музыки.

Вопросы:

1. Почему девочка становилась неуправляемой и непослушной?
2. Что она представляла, слушая музыку?
3. Если бы не война, как могла бы закончиться эта история?

* * *

Я не бежала, я плыла
По травам
Следом за ветрами.
Я в мире радости жила,
Купалась в росах утром ранним.
И не было ни тьмы, ни зла,
У ног босых плескалось небо.
...Мой светлый мир война сожгла,
И ветры пахнут жжёным хлебом.

Вопрос:

Как ты думаешь, почему война изменила очень много судеб?

ВОРОНКО

Через много-много лет, в новогоднюю ночь, я пошла с внучатами на площадь Революции. В сказочном городке шло праздничное веселье. Сверкали огни огромной новогодней ёлки, кружилась карусель, с горки с весёлыми криками катились ребятишки.

Вдруг среди этого разноголосого шума послышался звон бубенчиков. Мимо меня, словно сказочное видение, быстро пронеслась украшенная разноцветными лентами стройная чёрная лошадка, запряжённая в кошёвку. Старинный русский обычай — кататься в зимние праздники на лошадях. Я смотрела на эту красивую лошадку и неожиданно вспомнила давнее-давнее: Воронко...

В трудную военную зиму 1945 года, когда мы с бабушкой жили в Песках, единственным транспортным средством у нас была лошадка, наш любимец, наш друг, наша надежда — Воронко. Он был неутомим: исправно возил дрова для школы и для всей деревни, сено, картошку. Его запрягали, если кого-то нужно было отвезти по делам или в больницу в Шадринск.

Ребятишки любили Воронка, и хотя сами жили впроголодь, угощали его, делились с ним последним — то половинкой картошки, чуть-чуть присыпанной солью, то горсточкой овса, то кусочком жмыха.

Запомнился мне новогодний праздник, который устроили взрослые для школьных ребятишек. Гриву Воронка расчесали, вплели цветные ленточки. В кошёву с высокой изогнутой спинкой настелили соломы, закутали нас в тулуп, и дядя под возглас: «А ну, давай, Воронко!» — промчал нас по деревенской улице, а потом — по льду озера. Звенели под дугой бубенчики, как будто рассыпались по озеру льдинки-горошинки, звонко цокали копыта, и Воронко летел, словно сказочный Конёк-Горбунок.

А когда возвратились к школе, Воронко получил прибережённое для этого случая последнее ведёрко овса. Мы смотрели, как он ест овёс, бережно подбирая губами каждое зёрнышко, благодарно поглядывая на нас, и приговаривали, ласково поглаживая нашего друга:

— Ешь, Воронко, ешь, голубчик!

Через месяц дядя снова уехал на фронт. Он ещё не вылечился после ранения, но никак не мог допустить, что Победу добудут без него. Провожали его всей деревней. И когда он, прихрамывая, подошёл к кошёвке и поклонился провожающим его, женщины заголосили. Воронко взял с места и повёз его на станцию.

Воронко не был ещё старым, просто он очень отощал от бескормицы и тяжёлой работы, которую ему приходилось выполнять. Но никто не думал, что нас подстерегает ещё одна большая беда.

Однажды ночью я проснулась от встревоженных голосов взрослых.

— Воронко пал!

Я быстренько оделась и выскочила во двор. Двери конюшни были широко распахнуты. На полу неподвижно лежал наш Воронко. Его пытались поднимать жердями, что-то вливали в рот. Воронко печально смотрел на нас своими огромными синими глазами. Потом они закрылись, и он перестал дышать.

Это было в те дни, когда в воздухе уже пахло весной, и через недельку пробилась первая травка.

Мы ждали дядю домой. Но за несколько дней до 9 мая в школьный дом пришла «похоронка», третья «похоронка» в нашей семье.

Обо всём этом я вспомнила в предновогодний вечер 2000 года на площади Революции, когда мимо меня пронеслись расписные санки с ребятишками, запряжённые стройной чёрной лошадкой.

Вопросы и задания:

1. Сравни два новогодних праздника, описанных в рассказе.
2. Почему автор не может забыть Воронко спустя столько лет?

Камиль Мустафин

(1932)

ЧЕТЫРЕ ПРАВИЛА

Шла война...
И слёзы мать не прятала.
Осенью тянуло со двора.
Но четыре знаменитых правила
В школе постигали мы с утра.

Мы учились вычитать и складывать,
Умножать, как надо, и делить.
Мы учились хлеб на стол выкладывать
И с друзьями поровну делить.

За окном то снег,
То дождь и месиво...
Мы из года вычитали дни,
А потом мы складывали месяцы,
Ждали писем —
Но не шли они.

И порой холодною,
Рассветною
Мы, согрев дыханием перо,
Умножали на мечту заветную
Сообщения Совинформбюро.

Вопросы:

1. Какой смысл автор вкладывает в слова «учились умножать, делить, складывать, вычитать»?

2. Как ты думаешь, какой была заветная мечта у всех?

Михаил Львов

(1917-1988)

ДВУХЭТАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Майский день.
Двадцатый век.
Вот он — с гордостью в очах
«Двухэтажный» человек:
Дочь несёт он на плечах.

И считает «двухэтажный»,
Что второй его этаж —
Самый главный, самый важный!
Жизнь
За жизнь его отдашь.

...Стихни, улицы движенье!
Вам почёт и уваженье,
«Двухэтажный» человек!

Вопросы:

1. Как ты понимаешь строки: «...второй этаж — самый главный, самый важный»?

2. Почему автор считает, что «двухэтажный» человек заслуживает почёта и уважения?

Лидия Преображенская

(1908-1991)

НИТОЧКА НЕЗРИМАЯ

В ласковой легенде,
Светлой, словно солнце,
Что среди народа
С давних пор живёт,
Говорится, будто
К сердцу материнскому
От сердечка детского
Тонкая, незримая
Ниточка ведёт.
Стоит отдалиться
Матери от сына —
Боль пронзает сердце
И ему, и ей.
Только с каждым годом,
С каждым днём и часом
Эта нить становится
Тоньше и длинней...
В даль мою осеннюю
Лёгкой вереницей
Годы журавлями
Всё летят, летят...
На портрет сынишки
Засмотревшись нынче,
Я легенду эту
Вспомнила, грустя.
Ну а ты, сыночек,
Помнишь ли, как плакал,
Как боялся в детстве
Маму потерять?
А теперь порою
В суетных заботах
Забываешь матери
Весточку послать.
Значит, до предела
Меж сердцами нашими
Тонкая, незримая

Натянулась нить.
Страшно и подумать:
Вдруг она порвётся.
Как тогда я стану
С болью в сердце жить?
Ну а может, просто
Это всё пустое,
Плод моей фантазии,
Старчески больной?
Успокой скорее,
Разгони тревоги,
Из краёв далёких
Напиши, родной!

Вопросы:
1. О какой легенде рассказывается в стихотворении?
2. Почему нить становится «тоньше и длинней»?
3. В какой момент эту легенду вспоминает мама? Почему?

РАСТИ БЫ СОСЕНКЕ...

Расти бы сосенке большой,
Качаться на ветру.
Не раз мы, верно, в выходной
Под этой самою сосной,
Вдыхая запах смоляной,
Сидели бы в бору.
Прошли бы годы.
И потом (всё в жизни может быть!)
Она желтеющим бревном
Легла бы в стену — в новый дом,
Чтоб долго-долго в доме том
Могли мы жить да жить.
Или в столярной мастерской
Столом могла бы стать,
Чтоб мог за ним сынишка мой,
Склонясь кудрявой головой,
Читать вечернею порой,
А я — стихи писать.
Иль даже попросту она
Студёною зимой,
Уже не сосенка, сосна,
Дыханьем солнечным полна,

В печи до пепла сожжена,
Согрела б нас собой.
А может быть...
Да что гадать!
Не быть, не быть тому.
Столом красивым ей не стать,
Прохожим веткой не махать
И нас зимой не согревать—
И всё лишь потому,
Что как-то в полдень голубой
Шагал через сосняк
Один парнишка озорной.
С малюткой встретившись сосной,
Её небрежною рукой
Сломал он. Просто так.
Сломал и бросил. Убежал,
Не думая о ней.
Нет, он не сосенку сломал,
А радость, красоту украл.
Он их и у себя украл,
И у своих друзей.
Когда от вздоха ветерка
Средь ёлочек-подруг
Качнётся сосенка слегка,
И к ней, бездумная пока,
Твоя потянется рука —
Остановись, мой друг!

Вопросы:

1. Подумал ли мальчишка, сломавший сосенку, чем она могла бы стать?

2. А если он прочтёт это стихотворение, остановится ли в следующий раз?

ЖАРОПТИЦЕВО ПЕРО

В калитку кто-то стучит. Я бегу на стук, но с засовом мне не справиться. Выходит бабушка и отодвигает тяжёлый засов.

— А, это ты, Прокопий! На покос собрался, что ли?

— Сено надо поворошить, да и подкосить ещё не мешает.

Может, Лидушку со мной отпустите? Что ей дома сидеть? В лесу здоровья наберёт, а то вон каким заморышем растёт. Поедешь, Лидуха? — спрашивает он, усмешливо глядя на меня. — Мы там с тобой картошки напечём, вкусно-то как...

Я с надеждой смотрю на бабушку. И она согласно кивает:

— Поезжайте.

Хорошо в лесу!.. Мягко постукивают колёса. Дорога уводит к солнечным полянам, к тенистым перелескам.

— Ну, мухортая[11], пошевеливайся! — приговаривает дедушка Прокопий, помахивая вожжами.

И «мухортая» трусит, ответно помахивая хвостом, иногда вскидывает голову и фыркает.

Мне весело. Хочется петь и смеяться.

Дедушка Прокопий — бабушкин брат, но почему-то совсем не похож на неё. Бабушка красивая, черноволосая. Нос с горбинкой. И осанка у неё горделивая. А брат — простенький рыжий мужичок, добрый и улыбчивый.

— Тпру! Приехали! — говорит дедушка и спрыгивает с телеги. — Смотри, смотри, Лидуха, клубничка тебя дожидается. Целая поляна. Собирай скорей, пока я не выкосил...

Медвяные запахи кружат голову... Руки уже пропахли ягодным соком. Я лежу на прогретой солнцем траве и смотрю в небо. Лёгкие облака плывут надо мной, превращаются то в замки, то в красавиц-дам, то в витязей, которых я видела на картинках в книгах. Ползут сказочными драконами. Плывут белоснежными лебедями. Крадутся хищными зверями... Как хорошо! До меня доносится то звон литовки, то шарканье бруска о лезвие, то далёкое пофыркивание лошадёнки...

А вечером — новая радость: дедушка разжигает костёр. Занятно подбрасывать сухие ветки, смотреть, как бегут по ним красные змейки пламени, то замирают, гаснут, то вновь оживают, извиваются, шипят, то рассыпаются золотыми искрами...

Печёная картошка, только что вынутая из золы, обжигает руки. Мне кажется, нет ничего вкуснее на свете этой рассыпчатой картошки, её похрустывающей румяной корочки... А чай! Особенный чай! Он пахнет мятой и дымком костра.

Когда же наступает ночь, так хорошо лежать в шалаше на мягкой душистой траве. Лежать и смотреть на чёрное звёздное небо, на вспышки костра, на рыжую лошадку, медленно и сонно жующую овёс.

Тепло под стареньким дедушкиным тулупом. Незаметно подкрадывается сон. И я уже не могу понять, где тут явь, а где сказка... Пофыркивает мухортая дедушкина лошадка, а мне кажется, что рядом Конёк-Горбунок... Дедушка подбрасывает в

костёр хворосту. Веером сверкающих искр рассыпается пламя... А может, это Иванушка выхватил из мешка перо Жар-птицы? Вот и горит оно, жарко сияет на весь мир чудесное жароптицево перо...

Вопросы и задания:

1. Почему этот день запомнился девочке на всю жизнь?
2. Напиши сочинение на тему «Этот день я запомню навсегда».

ДЕДУШКО СЛЫШКО

Всю свою жизнь не могу мимо книжного магазина пройти, чтобы не заглянуть, не узнать, какие новинки поступили.

Так было и зимним вечером 1939 года. С работы домой спешила, а в магазин всё-таки завернула. На витрине новая книга. Вид у неё какой-то особенный. И название необычное: «Малахитовая шкатулка». Взяла я её в руки. Переплётом залюбовалась. Весь он как будто из золота вылеплен. Медальон на обложке, и в нём фигурки старика и ребят вытиснены.

Сидит старичок и что-то ребятам рассказывает. А внутри книги чёрными силуэтами медальончики рисунков разбросаны по страницам.

«Уральские сказы». Пробежала начало одного, другого. Что за чудо? Будто не уезжала я никуда из Кунгура. Будто не было этих двадцати лет, что прожила я вдали от него. Словно снова заговорил со мной кто-то родным уральским говорком. «Басенька девонька уродилась»... «понятливой парнишечко, ласковой»... «в голбец спустилась»... «старенькую гуньку на себя набросила»... «завидки берут»... «заделье закинула»... Вот они, милые сердцу, знакомые с детства словечки, обороты. Дедушко Слышко заговорил со мной со страниц этой чудесной книги. Радостно стало мне. Вроде дух захватило от радости.

Могла ли я тогда уйти домой без этой книги? Так и живёт у меня с того года «дедушко Слышко». Нет-нет да и заговорит со мной уральским говорком, хитровато прищурив глаз. Так я узнала и полюбила сказы Павла Петровича Бажова.

А в 1945 году была у нас в Челябинске конференция. Со всей области съехались на неё писатели. Надо было поговорить о многом, о своей настоящей и будущей работе... И вдруг в зал вошёл человек, поразивший меня своим видом. Простая светлая блуза, кожаный ремешок, мягкие сапожки. Белая борода вольно разметалась на его груди. В руке зажата трубка... Но больше всего

запомнились глаза, умные, с лукавинкой.

«Натянуть бы на этого старичка простую войлочную шляпу да на плечи старенький армячишко накинуть — чем не дедушко Слышко?» — подумала я. А зал в это время взорвался аплодисментами.

— К нам приехал Павел Петрович Бажов, чтобы принять участие в нашей конференции, — объявила Людмила Константиновна Татьяничева. И зал снова загремел аплодисментами.

Так вот оно что! И впрямь «дедушко Слышко» к нам на конференцию пожаловал!..

Вопросы и задания:

1. Каким ты представил себе П.П.Бажова?
2. Вспомни, какие сказы ты уже читал.
3. Как ты думаешь, чем сказ отличается от сказки?

Анатолий Дементьев

(1921)

СЛЕПОЙ ЗАЯЦ

В конце октября я охотился на зайцев. В нескольких километрах от Челябинска было поле, засаженное капустой. Принадлежало оно Митрофановскому совхозу. Капусту, конечно, давно убрали, но местами на поле ещё лежали ворохи зелёного капустного листа, кочерыжки. Сюда часто забегали зайцы. Однако я вдоль и поперёк прошёл поле, а ни одного косого не встретил. Немного передохнув, пошёл в лес. Может, там встречу зайчишек.

Берёзы стояли совсем голые, только кое-где на ветках ещё виднелись редкие свернувшиеся листочки. В лесу стояла мёртвая тишина, изредка нарушаемая звонким криком синицы. Со мной была молодая гончая костромской породы — Флейта. Собака ещё не опытная, но зато работала, как говорят, с огоньком.

К моему удивлению, Флейта быстро напала в лесу на заячий след и погнала. Голос она подавала часто, так что я не терял направления гона. Возле кривой берёзки на просеке недалеко от дороги я остановился и приготовился. Косой выскочил там, где я и предполагал. После выстрела он кубарем скатился в ложбинку. Это был крупный беляк, уже наполовину перелинявший. Подбежала Флейта, получила традиционную награду за труды — заячьи лапки, называемые у охотников пазанками, — в один миг с ними расправилась, облизнулась и, помахивая хвостом, посмотрела на меня: дескать, нечего стоять, давай искать других зайцев.

А я не спешил. Есть один заяц, и довольно. Но и уходить из леса так рано не хотелось. Я с наслаждением закурил и неспеша отправился дальше. Скоро собака отыскала новый след и, заливаясь звонким лаем, убежала поднимать косого. Заметив направление, в котором скрылась Флейта, я пошёл напрямик через болотце. Воды в болотце почти не было, а идти по мягкой траве, конечно, удобнее, чем пробираться сквозь кусты и деревья.

День выдался тихий. Всё небо затянули серые облака, и ни один солнечный луч не мог пробить их толщу. Иногда в воздухе мелькали редкие снежинки — первая повестка приближающейся зимы. Снежинки таяли, не успев опуститься на землю.

Не прошёл я и сотни метров, как трава впереди

зашевелилась, из-за кочки выскочил заяц и неуклюже запрыгал от меня. Ружьё словно само подскочило к плечу, мушка уже ощупывала фигурку зверька. Но... что такое? Заяц, делая странные прыжки, с разгону ударился о пенёк и остановился. Я бросился к нему.

С зайцем творилось что-то неладное. При моём приближении он заметался в кустах и сам угодил мне в руки. Прижав к себе косого обеими руками, я сел на первую попавшуюся кочку и осмотрел своего пленника. Теперь понятно, почему он так необычно вёл себя. Заяц оказался слепым! Веки обоих глаз были словно склеены. Какие-то мелкие насекомые копошились на них. Беляк был очень худой, видимо, ослеп он давно, и жизнь ему давалась трудно.

Зверёк мелко дрожал и временами делал попытки вырваться. Я поглаживал его, успокаивал:

— Ну-ну, дурашка! Не бойся, я тебя не обижу.

Что же, в самом деле, делать? Отпустить косого — пропадёт. Просто чудо, как он до сих пор не попал на зуб лисе или бродячей собаке. Унесу его домой, а там будет видно.

Я вернулся к месту, где оставил ружьё и вещевой мешок, и принялся свистком звать Флейту. Собака долго не появлялась. Видно, так увлеклась погоней, что не слышала свистка. Но вот Флейта выбежала на прогалину и, увидев в руках у меня живого зайца, в недоумении остановилась. «Что же это такое, хозяин, — говорил её взгляд. — Я ног не жалею, рыскаю по лесу, а ты тут живыми зайцев добываешь». Постояв так с минуту, Флейта звонко залаяла и бросилась ко мне. Сердитый окрик заставил гончую умерить неуместный пыл.

— Назад, Флейта, назад! Разве ты не видишь, что бедный зайчишка и так напуган до смерти! Мы должны помочь ему.

Собака перестала лаять, отошла в сторонку и села, обиженно поджав хвост.

Так с живой добычей в руках я и направился в город.

Дома удивились моему раннему возвращению и ещё больше — живому зайцу. Сняв охотничье снаряжение, я занялся слепцом. В это время пришёл из школы Володя.

— Заяц! Живой!

Сумка с книгами была моментально брошена, пальто и шапка сняты с небывалой быстротой, и сын немедленно предложил свою помощь.

— Что ты, папка, будешь делать с этим несчастным зайцем?

— Об этом я пока не думал. Отнесу, например, в лес и отпущу...

Морщинки на лице мальчика разгладились, он улыбнулся.

— Ты хорошо поступишь, папа. Но я бы посоветовал тебе не это.

— Посоветовал? Гм... Любопытно. Оторви-ка клочок ваты. Так. Макни в раствор марганцовки. Вот. Теперь передай мне, а сам придержи зайчишке задние лапы. Осторожно, он может ударить.

Я стал протирать зверьку глаза.

— Так что бы ты посоветовал?

Володя пристально посмотрел на меня.

— Подари зайца мне!

— Подарить? Живой заяц — не игрушка.

— А я и не играть. Я в школу его отнёс бы. В наш живой уголок. Заяц бы там жил вместе с ёжиком и морскими свинками.

— Предложение хорошее, надо подумать. Налей-ка в таз тёплой воды. Будем умывать зайчишку.

С помощью сына я очистил с век беляка засохший гной и грязь, промыл глаза и наш слепец — вот радость — прозрел! Зверёк удивлённо таращил глаза, перестал верещать и царапаться, и только всё ещё мелко дрожал. На ночь мы поместили зайца в сарае, дали ему капустных листьев, морковки, налили молока.

— Ешь, поправляйся, — радостно сказал Володя, запирая дверь. Утром сынишка отнёс его в школу.

Вопрос:

Правильно ли поступил охотник, забрав зайца домой? Почему?

Виктор Савин

(1900-1975)

К СОЛНЦУ

Небольшой отряд геологов пробирался на север. Позади остались отроги Уральских гор. Люди с тяжёлой ношей за спиной цепочкой шли за старым охотником, чем-то напоминающим медведя. У него были короткие кривые ноги, длинными руками он то и дело раздвигал чахлые, низкорослые, похожие на кустарники берёзки. Кругом были болота, топи. По небу почти над самой головой плыли грязновато-серые холодные облака. Порою старик останавливался, поворачивался к разведчикам, показывал на поблёскивавшие свинцом лужи и предупреждал:

— Эва, держись стороной! Тут окно.

Все уже знали, что «окно» — это трясина. Оступишься — и с головой уйдешь в жидкую грязь, тину.

Под вечер отряд вышел из бесконечного болота и расположился на ночлег на высоком холме. Каменный гребень его был голый, а по бокам рос корявый стелющийся пихтарник. Здесь была не обозначенная на карте граница тайги и тундры. Край непуганых зверей и птиц. К югу от холма по увалам чёрными пятнами выделялись хвойные леса, а к северу, сливаясь с горизонтом, простиралась седая, покрытая ягельником равнина, на которой лишь кое-где бородками желтели реденькие кустарники и травы.

Скинув с плеч возле скалы увесистые мешки, геологи первым делом принялись обследовать место стоянки. Искали всё, что может пригодиться для родины, для оживления этого безлюдного края. Пока они дробили и осматривали камни, рыли в земле неглубокие ямы — шурфы — старик (ну чисто медведь!) выворачивал с корнем сухие деревца, собирал колодник и стаскивал всё это на облюбованную площадку под скалой. Опытный охотник знал, что ночь будет длинной, холодной, особенно к утру, и нужно запасти как можно больше топлива.

Уставшие за день геологи ещё засветло легли спать между скалой и костром. Огонь вначале поддерживал старый проводник, а потом и он с наступлением сумерек прикорнул у костра. К полуночи над стоянкой изыскателей, как и над всей этой нелюдимой местностью, стлался реденький сухой туман. В костре

лишь чуть тлели, подёрнутые пушистой розоватой плёночкой, головёшки.

Первым от холода проснулся старик. Встал, поёжился. Окинул взглядом скорчившихся, тесно прижавшихся друг к другу молодых геологов и стал подкидывать на угли хворост и валежник. Вскоре сушник вспыхнул, яркое пламя взметнулось вверх. Сразу возле скалы стало тепло, даже жарко. Разведчики зашевелились, приподнялись, протягивая руки к огню.

— Грейтесь, грейтесь, — сказал проводник. — Огонь — большое дело! Огонь — это жизнь.

Прошло сколько-то времени. Вдруг в карликовом берёзнике, в болоте, откуда вышел сюда отряд, раздались какие-то резкие гортанные крики. И, словно в ответ им, такие же крики послышались со всех сторон. Геологи насторожились, и только проводник оставался равнодушным к тому, что происходит вокруг. Он охапками подкладывал в костёр сучья и красные лапчатые ветки засохшего на корню пихтарника, узкими раскосыми глазами следил, как искры и пламя взлетают ввысь, как будто хотел, чтобы под низким и чёрным небом ярче загорелись звёзды-бусинки.

А резкие, неприятные крики в ночной тишине нарастали, приближались к костру. Уже слышно было, как шумят неподалёку, будто под ветром, жёсткие травы, как потрескивают обламываемые сучки. Молодые изыскатели запереглядывались, стали нащупывать лежавшие рядом ружья.

И вот перед костром между деревцами в розоватом отблеске пламени появились большие белые птицы, точно снежные комья. Вытягивая шеи, в нерешительности остановились. Скоро возле становища полукругом образовался как бы снежный вал. Десятки, а может быть, сотни птиц толпились перед ярким пламенем. Что-то по-своему кричали, волновались. Задние, стараясь пробиться вперёд, выталкивали ближе к огню передних.

Куропатки!

— Так это белые куропатки! — взводя курки, заволновались геологи.

Но их остановил проводник:

— Не троньте! Нельзя стрелять.

— Почему нельзя? — удивились парни.

Когда птицы, потревоженные людьми, с криком шарахнулись обратно в темноту и над тундрой снова наступила тишина, старик сказал:

— У нас тут север. Зимой долго не бывает солнца, долго стоит ночь. Всё время ночь и ночь! Людям скучно. Собакам скучно. Всем холодно, зябко. Все ждут весну. А с весной приходит

солнце, тепло. И когда оно в первый раз выглянет из-за края земли, все стойбища выходят встречать дневное светило. Это большой праздник. Самый большой.

Немного помолчав, старик добавил:

— Птица тоже скучает в темноте и холоде. Тоже, как все, ждёт весну, тепло. Наш большой костёр полярные курицы приняли за солнце. Ну, и пошли его встречать.

Вопросы и задания:

1. Вспомни, что ты знаешь о климате и природе Крайнего Севера.

2. Кто ближе к природе: старик или геологи? Почему?

Нина Цуприк

(1914-?)

АЙКА

(в сокращении)

Нюрашка горько плакала. На её клетчатое платье одна за другой падали крупные слёзы. Они катились по грязным щекам, оставляя светлые полоски.

— А-а-а! — тянула девочка, всхлипывая. Ноги её были усыпаны красными волдырями.

— Потише реви. Всю деревню перепугаешь, — говорил сестре старший брат Петя, крепко держа её за руку. По его прищуренным голубым, как у сестрёнки, глазам было видно, что он тоже вот-вот заплачет от обиды и досады.

— Кто это её? — спросил дедушка, огораживавший плетнём огород, когда ребята подошли к своей избе.

— Это Стёпка крапивой по ногам настегал. Как только я стал заступаться за Нюрашку, — объяснил Петя, — он и меня по шее крапивой хлестнул. Эх, и будет ему опять! Мы с Витькой да Егоршей всю душу из него вытрясем!

— А я вырасту большая, Стёпку прямо в крапиву посажу! — воинственно погрозила куда-то в сторону своим маленьким кулачком Нюрашка, потирая одну о другую изжаленные ноги.

— Вот зловредный парнишка! Всех бы он бил да обижал. Никому проходу не даёт. Ну ладно, маковка моя, ничего, пройдёт, — успокаивал дедушка внучку. — Давай-ко посидим, — предложил он, усаживаясь на ворох душистого хвороста...

...На следующий день рано утром заскрипели в деревне ворота и калитки. Это хозяйки выгоняли коров на улицу, по которой, начиная от крайней избы тётки Дарьи, двигалось стадо. Громко мычали чернавки, пеструхи, бурёнки. Помахивая хвостами, бежали овцы и ягнята...

...За табуном по влажной от утренней росы земле шли ребята. Они горячо обсуждали вчерашний поступок Стёпки, о котором рассказал Петя.

Какой бы игрой ни занимались ребята, Стёпка им только мешал. Соорудили они как-то плотину на речке Межовка, пристроили к ней водяную мельницу с крыльями, Стёпка опрокинул её, разворотил плотину и убежал.

Узнает он, что ребята оберегают птичьи гнезда, обязательно разорит. А потом дразнится:

— Ваших воронят наша кошка съела! Спасибо велела сказывать! Вот!

Играл Стёпка всегда один, игры придумывал самые озорные. Поймает телёнка и привяжет к хвосту пустое ведро. Телёнок в страхе мечется, ведро гремит, а Стёпка громко хохочет. Может, мальчишке не так уж и смешно, но хочется досадить ребятам, удивить их. Показать, что только ему и весело. И не знали ребята, что Стёпке тяжело одному, ох как тоскливо! А покориться не мог. Такой уж характер...

— Проучить его надо! — предложил Витька. — Изловить и тумаков надавать!

— Верно! — отозвался Егорушка.

— Шишек надаём! — раздавались голоса. Казалось, ничто не спасёт Стёпу от заслуженной кары. Где бы только его найти?! Спрятался, наверное, от страха нос боится показывать...

Но не успели об этом ребята подумать, как, к своему удивлению, они увидели Стёпку. Он спокойно стоял у калитки и что-то с аппетитом жевал. Значит, он ждал, когда ребята будут проходить мимо его избы, и нисколько их не боялся!..

...Стёпка словно не видел ребят и продолжал спокойно доедать румяную шанежку. А они всё ближе и ближе подходили к нему, сжимая кулаки. Вот-вот могла начаться драка.

Стёпка не торопясь доел шанежку, открыл калитку и дернул верёвочку, которую держал в руке. Тотчас же из калитки показалось какое-то странное чудовище. Точно огромный ворох, оно затрепыхалось у Стёпкиных ног, а потом поднялось. Изумлённые ребята увидели диковинную птицу. Она была очень большая. Ноги тонкие, длинные, клюв узковатый, серосалатного цвета. Чёрные, с сероватым отливом, помятые перья были похожи на грязные лохмотья.

Удивлённые, стояли ребята полукругом возле птицы, забыв про коров. Они уже и не помышляли о наказании ненавистного им Стёпки. А он победоносно смотрел на ребят, словно хотел им сказать: «Подождите, ещё не то увидите!».

— Но, поехали! — снова дёрнул Стёпка за верёвочку, которой были связаны основания крыльев. Птица качнулась на длинных ногах и взмахнула огромным крылом. При этом она подняла голову, вытянув длинную шею. Другое крыло бессильно висело вдоль туловища. Но птица не трогалась с места. Тогда Стёпка хлестнул её прутом по длинным ногам.

— Ку-ви, ку-ви! — жалобно крикнула птица и побежала вдоль улицы, спасаясь от своего мучителя. Стёпка помчался за ней,

продолжая издеваться над ни в чём неповинной птицей.

— Вот живодёр! — не выдержал Егорушка.

— Всыпать ему надо! — вспомнил Петя о своём намерении.

Подпрыгнув ещё несколько раз, птица упала и забилась на зелёной полянке.

Тут-то ребята не выдержали. Все они набросились на Стёпку. Замелькали голые пятки и кулаки.

Трудно было понять, кто кого бил, где «свои», а где «чужие». Удары сыпались со всех сторон. Сгоряча Петя ударил Егорушку, а сам получил здоровенную оплеуху от Витьки. Но больше всех попало, конечно, Стёпке...

— Подождите, я вас всех по одному изловлю! Будете помнить, — погрозил кулаком Стёпка и, подойдя к птице, взял её на руки. Злобно посмотрев на ребят, он медленно побрёл домой.

...Весь день Петя работал по хозяйству. Дел у него было много: вычистить стойло коровы, изготовить колья для изгороди. Но и во время работы он не переставал думать про диковинную птицу.

— Замучает её Стёпка, до смерти замучает, злыдень, — рассуждал он. — А я бы её выходил...

— Надо выпросить птицу у Стёпки! — решил Петя и направился к нему.

— Чего тебе? — спросил Стёпка, рассматривая Петю через щёлочку в калитке ограды.

— Не бойся. Я не драться пришёл, — примирительно проговорил Петя.

— А я и не боюсь! Я вас всех один излуплю! — расхрабрился Стёпка.

— Ты где птицу взял?

— Птицу-то? Её дядя Макар в Топучем болоте за Увалом нашёл. Кто-то, видно, подбил из охотников, — объяснил Стёпка. — Да она скоро сдохнет.

— А ты мне её отдай. На обмен, — предложил Петя.

— Тебе?! А что ты мне за неё дашь? — спросил Стёпка, выходя за калитку. Глаза его блестели лукавым любопытством.

Ребята начали договариваться.

Петя предлагал в обмен Стёпке перочинный ножичек, сломанный пугач и модель самолёта, которую он сделал в школе ещё зимой.

— Нужны мне твои побрякушки! — упрямо твердил Стёпка. — Попробуй, найди где-нибудь такую... А ты мне фонарик отдай, тогда и птица твоя. Да ещё значок... — лукаво сверкнув глазами, проговорил Стёпка, дотрагиваясь до значка, укреплённого на Петиной рубашке.

— Ишь ты! Фонарик! Вот ещё что придумал!

Петя и Нюрашка дорожили электрическим фонариком как памятью об отце, погибшем на фронте. Фонарик этот был особенный и вызывал у ребят восторг и зависть. Фонарик имел три кнопки. Нажмёшь одну — вспыхнет красный свет, нажмёшь другую — загорится зелёный огонёк, нажмёшь третью — загорится синий.

— Ну тогда не видать тебе птицы, как своего затылка, — и Стёпка громко захлопнул, калитку.

— Ладно... Возьми фонарик! — крикнул вслед Стёпке Петя. Меновая состоялась. Из «ручки в ручку» были переданы фонарик и значок с одной стороны и птица — с другой.

Бережно, чтобы не помять больное крыло, Петя принёс птицу домой и поместил её в заброшенный курятник. Нюрашка смастерила для птицы мягкую подстилку.

По просьбе ребят колхозный зоотехник Иван Егорович перевязал повреждённое крыло, затянув его в берестяной лубок.

С помощью старшеклассников было установлено, что птица принадлежит к породе чёрных аистов, родина которых — Восточная Европа. Как она попала в эти края, неизвестно. Наверно, пролетала где-нибудь невдалеке и пострадала при перелёте.

...На третий день Айка начал есть. Склонив набок голову, он долго и внимательно рассматривал рыбу в алюминиевой тарелке. Затем нерешительно ткнул огромным клювом маленького чебачка и проглотил его, потом съел второго, третьего.

Ребята были рады: значит, Айка будет жить!

Прошло немного времени, и аист уже не боялся своих маленьких хозяев. Через неделю он смело разгуливал по курятнику, жадно набрасываясь на пищу...

...Вскоре Айка почувствовал себя настолько свободно, что начал даже прихорашиваться. Часто можно было видеть, как он аккуратно приглаживал пёрышко к пёрышку, а потом важно разгуливал возле ребят этаким франтом: смотрите, мол, какой я красивый и нарядный.

Это лето у Пети и Нюрашки было очень беспокойным. Ребята почти забыли об играх и забавах. Айка оказался настолько прожорливым, что его не успевали кормить. Чуть свет, он уже стучал носом в дверь и настойчиво кричал: «Ку-ви, ку-ви». Когда ребята долго не появлялись, Айка бежал к сараю и гремел здесь голубым чайником, запуская в него нос в поисках рыбы. Если пищи в чайнике не было, он отталкивал его на середину двора, а сам стучал носом в дверь дома.

— Ку-ви, ку-ви, — радостно встречал заспанных ребят Айка и

вместе с ними направлялся к реке. Он бежал впереди по узенькой тропинке, смешно подпрыгивая по кочкам и взмахивая крыльями.

На берегу Айка терпеливо ждал, когда Петя насадит на крючок червяка и со свистом забросит удочку. Но зато как радовался аист каждой пойманной рыбке! Он хватал её прямо из рук и, ловко перевернув в воздухе, быстро проглатывал. Наконец, Айка начинал жмуриться, поджимая под себя ногу. В клюве у него торчал хвостик непроглоченной рыбки. Это означало, что он «сыт по горло».

Аиста полюбили Петины друзья Витя и Егорушка. Они помогали своим товарищам кормить Айку, часто угощая его лягушками и рыбой. Только один Стёпка по-прежнему сторонился ребят. Но и его, видимо, очень интересовал Айка. Стёпка часто прятался за таловым кустом у реки, поглядывая, как Петя и Нюрашка ловили для аиста рыбу.

Прошло несколько дней. Как-то рано утром к Пете прибежал Егорушка. Он был встревожен:

— Бежим скорее к реке. Там Стёпка с Айкой. Сейчас видел.

Ребята помчались к реке. Стёпку они узнали издали по его синей рубашке. Он стоял на берегу около ольховых деревьев и, не отрывая глаз, смотрел на самодельный камышовый поплавок,

легонько прыгающий на воде. Возле него, громко ку-викая, вытанцовывал Айка.

Мальчики подошли ближе и спрятались за ветками ольхи. Они видели, как Стёпка дёрнул удилище. В воздухе затрепыхалась серебристая рыбка.

— На, ешь, — сказал Стёпка, снимая рыбку с крючка и отдавая её Айке. Он смотрел на аиста ласково и добродушно, словно на своего хорошего друга.

Долго наблюдали ребята, как Стёпка кормил Айку. А когда он зазевался, глядя на поплавок, Айка опрокинул жестяную коробочку и начал вытягивать из неё червяков. Петя не выдержал и вышел из-за кустов. Он был возмущён нечестным поступком Стёпки. Как это он вздумал переманить птицу! Ведь они же поменялись!..

— Ты зачем птицу украл? — задыхаясь от гнева, спросил Петя. Рядом с Петей стоял Егорушка.

— А тебе какое дело? Захочу и не отдам Айку! — вспылил Стёпка.

— Вон ты какой! — наступал на Стёпку Петя. Дело принимало серьёзный оборот. Вот-вот могла начаться потасовка.

— Айка! — огласил реку звонкий голос Нюрашки. Девочка, запыхавшись, бежала вдоль берега.

— Айка подавится! — ещё громче крикнула она, бросаясь в погоню за аистом.

Тревога была не напрасной. Айку не интересовал ребячий спор. Разве он мог спокойно смотреть, как бьётся в траве рыбка, оставленная Стёпкой. Птица моментально схватила её своим длинным клювом и потащила по берегу вместе с леской и удилищем.

Отчаянный крик девочки охладил пыл мальчишек, и все трое бросились к Айке. Стёпка ловко схватил его за длинные ноги, а Егорушка — за крылья. Петя начал вытаскивать из клюва рыбку, насаженную на крючок.

Аист отчаянно крутил головой. Не хотелось ему отдавать лакомый кусок. И когда рыбка наконец была отцеплена от крючка, Айка мигом её проглотил.

— Ты зачем Айку украл? — снова повторил свой вопрос Петя уже не таким злобным тоном, как раньше.

— А я и не украл. Просто кормил и всё. Нужен мне твой Айка! — ответил Стёпка, сматывая леску...

— Стёпка, давай помиримся и будем вместе Айку кормить. А? Давай? — неожиданно для всех предложил Петя.

— Верно, давайте! — поддержал Егорушка и протянул Стёпке согнутый крючком мизинец правой руки. То же самое сделал и

Петя.

Но Стёпка молча, недоверчиво, исподлобья поглядывал на ребят.

— А ну вас! Не хочу! — вдруг выкрикнул он и, быстро повернувшись, бегом пустился к деревне.

Петя закрывал теперь птицу на ночь в курятнике, чтобы Стёпка не выманивал Айку по утрам. Но Стёпка всё-таки ухитрялся кормить аиста. Он старался делать это незаметно, выбирая удобные моменты...

— Ладно уж, пусть кормит, — согласился Петя.

Но вскоре Айка отказался от ребячьей опеки. Чувствуя силу в крыльях, он начал летать. Вначале он поднимался невысоко, быстро «приземлялся» и с торжествующим криком бежал домой.

Наступила осень, одна за другой потянулись на юг стаи перелётных птиц. Высоко в небе появились длинные цепочки журавлей, треугольники диких уток и гусей, стайки весёлых жаворонков и скворцов.

С интересом следили ребята за крылатыми путешественниками. Впереди каждой птичьей стаи всегда летел вожак.

Вдруг Петя и Нюрашка стали замечать, что Айка затосковал. Целыми днями он стоял на одной ноге и, нахохлившись, о чём-то думал. Печальным взглядом, склонив голову набок, аист провожал стаи перелётных птиц. Айка не ел так аппетитно, как прежде, перестал охотиться за лягушками.

— Может быть, он захворал? — беспокоилась Нюрашка.

Однажды Айка, словно на что-то решившись, поднялся высоко в небо. Долго он кружился над деревней, а затем, опустившись на землю, бросился к голубому чайнику. Так продолжалось несколько дней. Птица стала лучше есть, повеселела.

...Погожим осенним утром ребята заметили, что Айка ведёт себя неспокойно, словно куда-то торопится. Жадно глотая рыбку за рыбкой, аист тревожно поглядывал на небо...

Вдруг птица громко закричала. Её обычное отчётливое «ку-ви, ку-ви» слилось в один тоскливый и в то же время торжествующий крик. Так она никогда не кричала. Потом Айка побежал по двору, замахал крыльями и взлетел, продолжая кричать. Казалось, он прощался с ребятами, благодарил их за радушный приём и тёплую ласку, за заботу о нём.

Сделав три больших круга над двором и продолжая кричать, Айка решительно направился к югу вслед за стаей пролетающих птиц.

— Айка, не улетай! — кричали ребята, закинув головы

вверх...

— Ку-ви, ку-ви, — будто оправдывалась птица. Через мгновенье он вновь поднялся вверх и, не оглядываясь, стремительно полетел догонять пролетающих птиц. Крики его были едва слышными. Вот он стал совсем маленьким и вскоре исчез из вида...

...Прошла суровая уральская зима с её жгучими морозами и метелями....

Однажды утром Петя вместе с товарищами сидел около избы. Ребята занимались, повторяли пройденный материал. Они, казалось, не замечали весны. Но она напоминала о себе ярким солнцем, свежестью молодой зелени, звонкими криками пернатых...

— Ку-ви, ку-ви, — вдруг услышали мальчики знакомый голос.

— Айка вернулся! — выбежала на крыльцо избы радостная Нюрашка. — Айка прилетел!

А крылатый друг уже опустился на крышу дома. Он был не один. Рядом с ним сидел такой же аист, только поменьше ростом.

— Айка, Айка!

Услышав знакомые голоса, аист замахал крыльями, закивал головой, пританцовывая на длинных ногах. Другой аист, увидев людей, испуганно взметнулся вверх. Айка взлетел за ним. Покружившись, птицы опять опустились на крышу.

Тем временем Нюрашка принесла голубой чайник, в котором была мелкая рыбёшка.

Увидел Айка знакомый чайник, сильнее замахал крыльями, громко закричал и опустился с крыши на землю. Но к чайнику он не подходил. И только когда ребята отошли в сторону, он смело запустил в чайник свой длинный клюв и съел две рыбки. Третью рыбку бережно поднял на крышу и отдал своему товарищу.

Когда другой аист проглотил рыбку, Айка снова закричал. При этом он сильно кивал головой, подпрыгивал, взмахивал крыльями.

С интересом следили ребята за аистами. Им казалось, что Айка упрашивал своего друга остаться здесь и не улетать дальше. А его друг пугливо озирался, изредка что-то отвечая на непонятном птичьем языке...

...Вдруг спутник Айки громко крикнул, расправил могучие крылья и полетел. Айка последовал за ним.

— Айка, Айка! — кричали вслед ребята.

— Ку-ви, ку-ви, — послышалось в ответ. Птицы устремились на северо-восток. Вскоре они скрылись за облаками...

Грустными взглядами провожали их ребята...

— Эх, упустили!.. Считали бы подольше ворон! — вдруг

раздался громкий возглас. Оглянувшись, ребята увидели бегущего к ним Стёпку. К животу он прижимал картуз, доверху наполненный выпотрошенными карасями. Приблизившись к ребятам, Стёпка остановился. Сложив ладони козырьком, он тоже стал смотреть туда, где скрылись аисты...

...Ребята, забыв про аистов, с удивлением смотрели на Стёпку. Как?! Это тот самый Стёпка, который всегда задирался, дразнил всех?! Стёпка, гроза всех ребятишек, забияка, сам пришёл к ним?! Как будто он и не ссорился с ними никогда...

А Стёпка не отрывал глаз от небесной синевы.

— Ты что? Мириться пришёл? — спросил его неожиданно Петя.

— А если мириться, тогда что? Не хотите? — ответил Стёпка и улыбнулся.

— А ты меня не будешь больше крапивой стегать? — спросила Нюрашка. Все расхохотались. Ребята рады были неожиданному примирению со Стёпкой. Всё прошлое им казалось теперь смешным, пустяковым.

— Вот он какой, Стёпка-то! — попыхивая трубочкой, проговорил дедушка. — А про птицу вы не жалейте. Стало быть, им так лучше... Ведь у них своя жизнь. Птичья...

Вопросы и задания:

1. Какой Стёпка по характеру? Жестокий, злой, жадный, добрый? Докажи.

2. Подумай, как сложатся отношения ребят и Стёпки в будущем.

Марк Гроссман

(1917-1986)

НЕПУТЁВЫЙ

Этого голубя никто не хотел покупать. Мальчуган, продававший птицу, дважды понижал цену, но покупатели только посмеивались над ним.

Завсегдатаи голубинки обычно хорошо осведомлены о качествах почти любой продаваемой птицы. Одни знают какую-нибудь желтоплёкую или чернорябую потому, что не раз бывали в гостях у их хозяина и толковали о достоинствах и недостатках голубятни, другие безошибочно определяют качества птицы по внешнему виду и поведению.

Человека, впервые попавшего на базар, удивит совершенная уверенность, с какой здесь говорят о самых, казалось бы, неведомых свойствах птицы.

Ум голубя определяют раньше всего по глазам. У голубя «умного» — глаз «весёлый» и даже «злой». Пустяшный глупый голубь нередко является обладателем прекрасных чёрных очей, в которых светят миролюбие и доброта.

Именно такие глаза и были у продаваемого голубя, хотя расцветка его имела прямое отношение к дорогим монахам[12]: голова и хвост белой птицы были окрашены в чёрный цвет.

Расплачиваясь с мальчуганом, я заметил в его глазах озорной лукавый огонёк.

«Ну, дяденька, — говорили эти глаза, — и ловко же я провёл тебя! Наплачешься ты со своей покупкой. Ох, наплачешься!»

— Что, неважная птица? — спросил я мальчугана.

— Куда уж хуже! — весело согласился он. — Ни на вот столечко ума, честно говорю. Вроде кролика.

— Почему ж — «вроде кролика»? — поинтересовался я.

— А то нет! — охотно пояснил мальчишка. — Где еда — там и дом. Какой же это голубь? Так, имя одно!

Вернувшись домой, я не стал связывать новичка и выпустил его в открытую голубятню. Он как ни в чём не бывало подошёл к сковородке с пшеницей и стал клевать зерно.

Выходит, мальчишка был прав! Хороший голубь, выпущенный в незнакомом месте без связок, никогда не станет есть и даже просто не опустится на землю. Он рванётся вверх, просвистит над

крышей и уйдёт к старому дому. А этот уписывал пшеницу и, казалось, совершенно забыл о жилье, в котором родился и вырос.

В тот же день новичок поднялся с другими птицами и набрал хорошую высоту.

Как-то мои голуби решили побродяжить. Иногда у них появлялось такое желание, и стая уходила на чужие круги. В этот раз птицы скрылись из глаз. Через четверть часа они вернулись без новичка.

Вечером меня вызвал свистом Пашка Ким и сказал:

— Монах — у Кольки-пионера. Выкупать будете?

— Нет, Паша, не буду. Непутёвый он голубь.

— Верно! — согласился Пашка. — На что он вам? Лёгкая голова.

Ещё через два дня под балконом появился Колька-пионер. Он спросил:

— Монах вернулся?

Я покачал головой.

— Злыдень! — в сердцах произнёс Колька. — Развязал утром, весь день он летал со стаей, а сейчас вот куда-то провалился. Беспутная птица.

В следующее воскресенье я снова увидел монаха. Продавал его совсем маленький мальчонка с добрыми синими глазами, с носиком, сплошь усыпанным веснушками.

— Не купите, дядя, а? — спросил он меня, помаргивая синими своими искорками.

— Откуда он у тебя? — поинтересовался я.

— Поймал, — сообщил мальчугашка. — Сначала обрадовался я, а теперь опостылел мне этот дурень. Так не надо вам?

— Нет, — отказался я. — Был он у меня. Ушёл.

— Так купите тогда вот этого, омского, а монаха я вам в придачу дам, — предложил продавец.

— И в придачу не надо.

— Что же мне с ним делать? — расстроенно сказал мальчуган. — Вот ведь беда какая. Кабы в деревне, так свой корм, а у нас зерно покупное. Денег-то у меня и нету...

Я вспомнил своё детство, постоянную нехватку денег на зерно и, пожалев мальчишку, купил монаха.

Неподалёку от базара открыл чемоданчик и выбросил голубя в воздух. Монах взлетел было не очень высоко, потом сложил крылья и свалился на землю.

Он сидел возле моих ног и мелко дрожал. Если б мог, он, наверно, пожаловался бы сейчас на свою неудавшуюся жизнь, на всеобщее презрение людей к нему, на вечные нитяные оковы, которые влачил на себе чуть не с самого детства.

Я понимал монаха. Действительно, жизнь у голубя получилась нескладная какая-то, тюремная жизнь. У него не было всесильной тяги к дому, той тяги, которая позволяет голубям не только выбирать верное направление, но и преодолевать на пути всякие рогатки. Из-за этого он чуть не каждую неделю оказывался в новой голубятне, ему вязали крылья, выдерживали и только тогда выпускали в воздух. Но в тот же день он появлялся в другом месте, и там повторялось то же самое. На крыльях монаха не затягивались рубцы от постоянных связок.

Теперь он сидел передо мной на земле и дрожал.

— Знаешь что? — сказал я ему. — Могу тебя кормить при одном уговоре: ты устроишь гнездо вместе со старой почтовой голубкой, которая никогда не променяет свой дом на другой. Думаю, у вас будут отличные наследники, умные и верные голуби. Ты станешь любоваться на них и забудешь своё печальное детство. Хорошо?

Непутёвый молча согласился.

И сейчас у него растёт смышлёная и славная детвора. Я верю — она не повторит ошибок своего отца.

Вопросы:

1. Почему рассказ называется «Непутёвый»?
2. Почему голубь всё время улетал от своих хозяев?
3. Как ты думаешь, какую мысль хотел выразить автор

Александр Гольдберг

(1909)

УРАЛУ

Брови твои —
Брови хвойные,
Плечи твои —
Плечи каменные,
Руки твои —
Золотожилые
Я люблю, Урал.
Весь ты дышишь
Могутной силою
От озёр до скал.
Солнце твоё
По ковшам течёт,
По изложницам[13]
Брызжет звёздами —
Сам видал.
Песни ещё не созданы
О тебе, Урал.
А мечом твоим
Черномору бороду
Отрубил Руслан.
А другой порой
До Берлина-города
Ты свой гнев домчал,
Ради Родины
Бился истово,
Сокрушал врага.
И сегодня
Глядишь ты пристально
За облака.
Вся земля твоя
Впрямь как радуга,
Друг Урал...
Я приехал к тебе
Ненадолго,
А навек застрял.

Вопросы:

1. Как ты понимаешь выражения: «брови хвойные», «плечи каменные», «руки золотожилые»?

2. Что подразумевает автор, когда говорит, что Урал «ради Родины бился истово, сокрушал врага»?

Юрий Подкорытов

(1934-1989)

ВОЛШЕБНЫЙ КУРАЙ

(отрывок)

...В давние-предавние времена на месте нашего края совсем пустынно было — ковыль седой да полынь пахучая. Только ветер с волками наперегонки бегал да песни завывал. Парил в небе орёл — а под ним степь без начала, без конца, без края.

Жил здесь человек один, Таганаем его звали. Троих сыновей имел: Ишимбая, Сарбая да Салямбая.

А было у старика Таганая богатства видимо-невидимо. Но больше всего дорожил Таганай саблей своей. Не простая была сабля — из металла волшебного, булата. Ах и сабля! То молнией сверкнёт, то птицей взлетит, то голубым огнём вспыхнет.

Взмахнёт Таганай саблей — ковыль голову седую к земле клонит, у недоброго человека душа от страха захолонет. И ещё говорили: кто булат имеет — секретом долгой жизни владеет.

Вот и позавидовал этому старый леший Шурале.

Жил он возле поганого болотца, часами слушал комариное пение, до которого охотником великим был, да всё прикидывал, как бы Таганаевым булатом завладеть. Думал, думал и придумал: старший сын Таганая жадноват, спит и видит добро отцовское за собой.

Вот и подговорил его Шурале:

— Старый стал ваш отец. Зачем ему такие сокровища? Поделите с братьями поровну. Я вам место покажу, где сундуки Таганаевы схоронены, а вы мне сабельку его отдадите. Железку простую — за такое-то богатство!

Ишимбай и согласился. Украл у отца саблю булатную, отдал лешему. Пошли они за богатством. А Сарбай за ними следит.

Открыл Ишимбай сундук отцовский — глаза разбежались. Рубины вишнёвые, бирюза голубая, яхонты солнечные, изумруды зелёные, жемчуга прозрачные — горят-переливаются!

Ишимбай горстями гребёт, халат скинул — камешки дорогие в узел насыпает.

Тут и Сарбай подскочил:

— Мне половину! — кричит.

Шурале радуется. И саблю булатную получил, и пакость

учинил: сыновей с отцом поссорил.

Да радость недолгой была. Таганай как раз с охоты возвращался, сердцем чует — неладно. Огрел коня нагайкой, налетел степным беркутом на Шурале. Леший от страха в землю зарываться стал, притворился горой каменной. Да так и остался навечно.

И вот что дивно — крикнет кто-нибудь, а гора откликается, да не эхом. Это Шурале до сих пор добрых людей с толку сбивает. Кто про эту историю не слышал — Откликным Гребнем ту гору называет.

Погнался Таганай за сыновьями. А Ишимбаю с узлом бежать трудно: пот градом льёт, камешки дорогие нет-нет да и выпадают. Где изумруд падёт — лес зелёный поднимается, где бирюза — озеро голубое засверкает.

Слышит Ишимбай горячий топот коня отцовского. Куда деваться? Бросил узел — и на том месте горы выросли. А Ишимбай от стыда сквозь землю провалился. Рассказывают люди — по сей день находят в земле чёрную кровь Ишимбаеву. Нефтью зовут.

А Сарбай тоже жадности непомерной был. Бежит — задыхается, а добро из рук не выпускает. Известно, глупость да жадность — сёстры родные. Так в степях зауральских и дух испустил.

Взмахнул Таганай булатом, голубым огнём вспыхнула сабля и пропала. От стыда за неблагодарных сыновей окаменел Таганай, в гору превратился. Да такую высокую, что по ночам луна у него на каменном плече отдыхает. Так и говорят все: Таганай — подставка луны.

Остался Селямбай, младший сын Таганая, один-одинёшенек. Пошёл он куда глаза глядят. День шёл, ночь шёл. Остановился на берегу глубокой реки Миасс. Жильё себе построил, стал зверя бить, хлеб растить.

Место это бойким оказалось. Хозяин, Селямбай, приветлив. Потянулись к нему люди. А мастеровые люди где прошли — навечно след свой оставили.

Заводами, домнами, шахтами славится с тех пор наш край.

Живут в народе предания о железных кладах Сарбая и горы Магнитной, голубые легенды озёр, узорные чугунные сказки Каслей, сказы о нефтяных фонтанах Ишимбая. Селямбая тоже не забыли — он ведь ту землю обживать первым стал.

Старики говорят: оттого, мол, это место Селябой прозвали, Челябой по-нашему. А кто и по-другому толкует — сказки ведь всяк по-своему сказывает.

Вопросы и задания:

1. Опиши братьев. Какие они: добрые, злые, щедрые, жадные, завистливые?

2. Как легенда объясняет происхождение слова «Челябинск»?

Сергей Черепанов

(1908-1993)

ГОРНОВУХИНА КРЕСТНИЦА

Прежде в семействе Филатовых не бывало умельца, который мог бы своим мастерством людей удивить.

Кузенка была у них старая. Ещё прадед Захар её ставил. На угорке у озера вырыл яму, плетнём огородил, дерновой крышей накрыл — вот и всё заведенье.

Наторели они коней ковать, сабаны[14] и бороны чинить, ну и в междуделье занимались разными поделушками для домашнего обихода, без коих печь не истопить, щей не сварить, дров не нарубить.

От ночи до ночи, бывало, по наковальне молотами стучат, в дыму, в гари возле горна, но придёт светлый праздник — у них нет ничего: ни на себя надеть, ни на стол подать.

А у брательников жёны, как сговорились, начали только девок рожать.

Антоха, старшой-то брат, с досады свою бабу даже поколотил. Она в рёв: «Ой, да то ли я виновата!» Погоревал он — бабу-то жалко, но и без наследника худо. Отдал кузню меньшому брату Макару, сам к мельнику нанялся в работники.

Остался Макар один. Сам горно разжигал, сам железо калил, сам молотом бил. На ходу ел, одним глазом спал, белого свету не видел.

Родовое ремесло, однако, не бросил.

В скором времени Агафья опять ему девчонку родила, третью по счёту.

— Ладно уж! — согласился он.— Пусть растёт. Девка не парень, отцу не помощница, но, может, и она хлеб-соль оправдает.

Ремесло давало мало доходу, зато деревня не могла без кузнеца обойтись. Перед каждой вешной[15] мужики обступали: «Уж ты, Макарушко, помоги-пособи, надобно ведь пахать-боронить, хлебушко сеять!» У одного сабан затупился, у другого прицеп развалился, у третьего ободья с колёс телеги слетают. Работёшка мелочная, кропотливая, но ведь и её приходилось делать по совести, с пониманием чужой нужды.

В ту вешну, когда родилась девчонка, набралось такой

работы невпроворот. Не удавалось к озеру выйти и там раздышаться. Только одна услада была у Макара — в бане попариться, отмыться от копоти, всласть квасу напиться да без заботы на полатях поспать.

А один раз сосед Аникей упросил в субботу тележонку ему починить. Вот и проканителился с ней Макар до полуночи. Кончил дело, присел на чурбак, достал кисет с табаком, протянул руку к горну от уголька прикурить, а в горне-то огонь сам собой пыхнул до потолка. Но это ещё не диво, а то диво, что посередь огня босая женщина стоит — не горит, от огня не отмахивается, будто не чует калёных углей.

Поначалу Макар подумал, вот-де, как ухлестался, аж блазнит! [16] И сам себе не поверил бы, мало ли чего в эту пору может привидеться, кабы давнее поверье не всплыло в уме.

Подошёл поближе к горну, вгляделся: это же сама Горновуха.

Ещё в молодости наслышан он был от отца про неё. Горновуха нарочито приставлена батюшкой Уралом к кузнечному ремеслу. Велено ей славным мастерам потакать, нерадивых наказывать, чтобы худой славы про наш край они не чинили.

Испугался Макар. Неужто, мол, он согрешил, где-то совестью попустился и тем прогневил Горновуху?

Поклонился в пояс:

— Прости, матушка! За прибытком не гонюсь, ковать не ленюсь, делаю, на сколь уменья хватает. Да и без помощника роблю.

— Всё знаю, Макар, — промолвила Горновуха. — И не хаю тебя. А хочу я твою новорождённую дочку в крестницы взять. Чеканой её назови. И вот ей от меня подаренье.

Оставила ему в руке колечко-перстенёк, сама вмиг исчезла.

Хотел Макар рассмотреть, каков перстенёк, дорог ли он, да дрёма одолела и сон сморил.

Вроде бы и поспал-то немного, а когда поднялся от наковальни, уже рассвело. На свету оглядел Макар перстенёк — ни золотинки, ни серебринки, весь из железа. Только по всему ободку выбита надпись: «Наденешь — не снимешь, потеряешь — никогда не найдёшь!»

Что к чему — мудрёно! Не к мастерству ли наказ? Ведь коль пристанешь к ремеслу, то на весь свой век, а коль отстанешь, уменье утратишь и к мастерству охладеешь, так тоже прощай навсегда!

Окольцевали девчонку и, как велено было, Чеканой назвали. Агафья сначала заохала, имечко-де не деревенское, люди на смех подымут, а потом уступила.

Полюбилась Макару младшенькая пуще других дочерей. Те

двое, Парунька и Дунька, постоянно возле материного подола, ей помощницы и послушницы, а Чекана с малых лет к отцу прилепилась. Прибежит, бывало, сядет у наковальни, с поковок глазёнки не сводит: одно ей покажи, про другое расскажи, третье дай руками потрогать.

Годам к семнадцати взросла она бойкой, проворной и востроглазой. Нередко становил её Макар к наковальне. Чуял, находится в ней большая способность. На иную поковку надо бы семь потов пролить, раз десять её в горне подержать, а Чекана примерится глазом, найдёт верное место и в два-три приёма сготовит.

Много женихов сваталось, она каждому напрочь отказывала.

Макар её не неволил. Паруньку и Дуньку замуж выдал, а о Чекане Агафье сказал:

— Пусть свободно живёт! Не зря, поди, она Горновухина крестница.

Хоть и помогала Чекана отцу безотказно, только стало приметно: простое кузнечное ремесло для неё, всё равно как одёжа не по плечу — узковато и тесновато.

Повлекло девку на искусные безделушки. Наловчилась по листовому железу картинки выбивать. Чудно у неё получалось! Первую картинку домой принесла, в простенок повесила. Родное ведь место: спереди отцова изба, рядом тополь, дальше плетень и колодец и везде зимний куржак[17]. Другая картинка ещё краше: осенний лес с прогалинками, в небе косяк журавлей.

Избегал Макар эти картинки нахваливать, а от сомнения не мог удержаться:

— Попусту время проводишь, Чекана! Ни прибытку, ни убытку от такого товара.

Но она так ответила:

— Это, тятенька, всего лишь зачин.

Не торопилась задумки свои выдавать.

Вскоре, на именины матери, поднесла ей в подарок брошку-застёжку.

Агафья — баба тёмная, сроду даже самых дешёвых украшений не нашивала, и то руками всплеснула:

— Как это ухитрилась ты?

Да и Макар с толку сбился: немыслимый труд! Надо же было как-то приладиться: без станка, без оснастки вытянуть железную проволоку тоньше конского волоса, сплести её, как кружево, из узора в узор, подставить под плетево ещё что-то, кое простым глазом не видно, хотя искрит оно там, будто угли в горне.

— И эта брошка тоже покуда зачин, — сказала Чекана.

После и отцу угодила. Он постоянно цигарками пальцы себе

обжигал. Покуда собирался для курева трубку купить, Чекана сама изготовила, да не простую, как у других мужиков, а с выдумкой, со смешинкой. По виду — медный самоварчик: заглушка сверху, по бокам захватики, краник внизу. Мундштучок деревянный с медными ободками и врезками. Закуришь — сверху дымок, в самоварчике — бульк, бульк! Будто вода кипит.

Бакалейщик Анпадист навеливал Макару за неё два пуда муки, фунт сахару, четвертинку чаю и три аршина сукна.

По тем временам шибко была дорогая цена.

— Дочерью дарено и потому непродажно, — отказал Макар.

Шире-дале расходилась молва про Чекану.

Добрая слава родилась, но вслед за ней злая зависть явилась.

Донеслась молва до попа. Тому до крайности надо было церковное кадило[18] поправить: он ведь без кадила, что чёрт без хвоста!

Призвал поп Макара к себе.

— Возьмись и к завтрему почини!

У кадила донышко прогорело, на крышке дыра.

— Нет, батюшко, не починить!

— Девке своей поручи. Она, сказывают, у тебя мастерица.

— И её не стану конфузить, — отказался Макар.

Поп ногами затопал:

— Прокляну, коль ослушаешься!

Принёс Макар эту рухлядь в кузню, голову опустил. Что делать? Проще взять бы кувалду, одним махом кадило разбить — и на свалку!

На ту пору Чекана пришла. Так и эдак осмотрела попову утварь, ногтем поковыряла и, слова не говоря, бросила в кучу ржавого железа.

— Ступай, тятенька, домой! Я одна тут управлюсь. Не придётся попу нас корить и на всю округу ославить.

Напролёт с вечера до утра маялся Макар дома на полатях, выходил из избы, порывался наведаться в кузню, надо, мол, чем-ничем Чекане помочь, но удержался — с подсказками не надо соваться, ведь девка сама на уме.

Ну, и верно, не зря понадеялся. Заново сработала кадило Чекана. Из простого железа поделка, а под стать чистому серебру. Вдобавок чашечка для углей изукрашена разными завитушками, коваными листочками и цветками.

Надо бы мастерицу-умелицу похвалить, по-отцовски за неё погордиться, но Макар почуял беду:

— Не дразни собаку лакомой костью, попу способность свою не выказывай, доченька. Разохотится он, житья не даст. Давай-ко спрячем кадило подале, а я схожу повинюсь: ничего, мол,

батюшко, не получилось, не поимел я удачи, принимаю грех на себя...

— Позор-то носить! — возразила Чекана.

— Небось перетерпим.

— Таиться от людей не хочу! Бери кадило, неси!

— А если попу ещё чего-нибудь вздумается? Шкатулку под деньги, не то замок с музыкой? Следом за ним всякое начальство подступит. Оно ведь на редкости падкое. Пропадёт наше коренное занятие! Куда же тогда мужикам подеваться с мелочной нуждой?

— Сразу попу дай от ворот поворот. Получи-де своё, и на том до свиданьица! Да и на меня, тятенька, не сердись. Словом огонь не погасить, калёную искру в душе не прихлопнуть ладонью. Любую муку приму, призванье своё не оставлю...

Схватил поп поделку Чеканы.

— Изготовлено славно-преславно! Это тебе, кузнец, Бог помог.

У Макара чуть не сорвалось с языка: «К тому, кто робит, Бог на помощь не ходит!» Но вовремя спохватился.

— По совести поступаю, честь не мараю.

— Я тебя за то в молитве упомяну, — посулил поп, а про оплату за труд даже не заикнулся. — Вот ещё надобно и новые двери поставить в алтарь.

— Недосуг, батюшко! — засобирался Макар уходить. — И подходящего железа у меня не припасено.

Всяко стращал поп, уламывал, дескать, без его благословения Макара удачи покинут, у девки руки отымутся, хворости нападут, — только попусту этак старался. Не поддался Макар.

Вскоре Чекана опять занялась какой-то поделкой. Отцу ничего не показывала. В кузне на ночь одна оставалась.

Агафья приставала к Макару:

— Приструни ты её, отец! Надорвётся без отдыху!

Тот отмахивался:

— Баба ты беспонятная! Нельзя росток надламывать, а тем более не гоже досаждать человеку, коему дан дар чего-то творить!

Дён через двадцать после того утром раненько засобирался Макар в кузню. И как раз в эту пору в открытые створки окошек донеслось кукушкино кукование.

Кукушка — птица не домовитая, сама гнезда не вьёт, птенцов не выводит, но без её кукованья любой лес — не лес. Эх, сколь покойно и славно становится, чуть уловит ухо беззаботное, доброе, милое: «Ку-ку! Ку-ку!» Выглянул в окошко Макар: с чего вдруг прилетела кукушка в деревню? Кому и чего навораживает? Кукушка, кукушка, долгий век накукуй! Сколь годов ещё жить, сколь миру служить?

Доносилось кукование с берега озера, с того места, где кузня. Всполошился Макар: ведь Чекана опять там ночь провела, не беда ли с ней приключилась? Бегом побежал.

В проулке перед кузней толпа мужиков собралась. Смеются, дивуются: вот потеха, вот невидаль!

Подле прясла — Чекана. Жива-здоровёхонька, лицо от счастья сияет. А на прясле, на перекладинке, железная кукушка сидит, хвостом вертит, крыльями взмахивает и звонко выводит: «Ку-ку! Ку-ку!» Грудка у неё серенькая, брюшко в полосках.

— Вот не было печали! — застонал Макар. — Сгубишь ты, Чекана, себя! Несдобровать нам теперича! Прячь поделку в сундук!

— А что же людям достанется? — спросила Чекана.

— Мало ли на свете других мастеров.

— Мастеров-то много, да не всякому дано железо оживить!

Тем временем в проулок, на всём скаку, влетела тройка вороных коней с бубенцами, а в повозке барин какой-то, на пуховых подушках. Наголо бритый, щёки надул, нижнюю губу спесиво отвесил, брюхо шёлковым кушаком опоясано. Позадь его, на приступке, два охранника, лицом черны, по виду волкодавы на привязи.

Позднее довелось Макару узнать — барин этот был дальний, с горного места заводчик. А в деревне оказался проездом. Из города Шадрина возвращался. Заночевал у попа. Пока чай пили, поп-то вроде бы ненароком обмолвился, что вот-де, хоть и глухая деревня, но и здесь есть умельцы, кои сроду никем не учены, а иному учёному не уступят. Показал сделанное Чеканой кадило.

А барин-то, помимо города Шадрина, уж всю округу обрыскал, умельцев искал. Где-то в столице, что ли, завязался у него тоже с каким-то заводчиком спор. Тот хрустальным конём похвалялся. Ну, а этому барину, кроме золота и самоцветных камней, было похвастаться нечем. Взял да и соврал, будто золотой чудо-чашей владеет. Кто же богаче из них? Ударили по рукам. Чей верх — тому десять тысяч рублей. Чтобы конфузу себе не нажить, к сроку с чашей явиться, барин самолично этим делом занялся. Всяких умельцев уже находил, однако ни одному не доверился. А тут, в деревне, фарт сам собой привалил.

Вздыбил кучер подле кузни коней, чуть не потоптал мужиков и зычно скомандовал:

— Эй, кузнец! Живо барину девку свою предоставь!

Макар Чекану собой заслонил, но она сама вперёд выступила.

— Чем могу служить?

— Ты эту железную птицу изладила? — спросил барин и на кукушку кивнул. — Дай-ко сюда! Погляжу.

Чекана сняла кукушку с плетня, издали барину её показала и под кофту с глаз убрала.

— Руками не дозволено трогать. А то возьмёшь — не отдашь!

Не случалось тому отказ получать. Приглянулось — бери, не дают — отбери! Вдобавок прикинул: такая поделушка — на редкость, можно взамен чаши её показать, не то в заграницу задорого сбыть. В заграничье на всё русское падкие. Ну и сама-то мастерица-умелица как с картины сошла! Экие глаза! Коса ниже пояса! Телом справная, гибкая, ловкая!

Иной бы хоть подобру обошёлся, чем своевольство выказывать.

А заезжий барин разгневался.

— Со мной поедешь! По своей воле не согласишься — силком заставлю!..

Мужики в проулке заволновались, загалдели, дескать, не дозволим мастерицу похитить.

— Взять её! — крикнул барин. — Вместе с птицей в повозку уторкать!

Покуда охранники с приступка соскакивали, Чекана забросила кукушку в горно. Без поддува пыхнул огонь, поделушку мигом расплавил.

— От меня не убудет, а кто видел и слышал, тот не забудет, — сказала Чекана.

Завязалась в проулке драка. Мужики с кольями на охранников, те принялись из ружей палить. Скрутили всё же Чекану, в повозку забросили, кучер по коням кнутом полоснул, сорвались они с места, вскачь понеслись.

Неближний был путь. Два дня и две ночи с малыми остановками ехали. Сначала стояли вдоль пути густые леса, тайга дикая, дальше начались горы каменные, шиханы[19], ущелья тёмные и распадки[20], в понизовьях река, на быстрине шумливая, по берегу в белой пене.

Тут и стоял барский дом за железной оградой.

— Отсюда никому выхода нету, — указал барин Чекане. — Кругом моя воля! Почнёшь перечить — сничтожу! А коли сделаешь, как прикажу, — награжу! Даю сроку четыре недели. Сработай чашу из золота, алмазами изукрась, чем она будет тяжёльше, тем лучше.

— Не весом золота славится мастерство, — не согласилась Чекана. — Любая поделка попервоначалу должна у мастера в уме побывать, через его сердце пройти...

— Этак-то жди-пожди, а мне недосуг, и сам я знаю, что дороже, что в грош ценой!

— Так и делай своими руками, а меня отпусти!

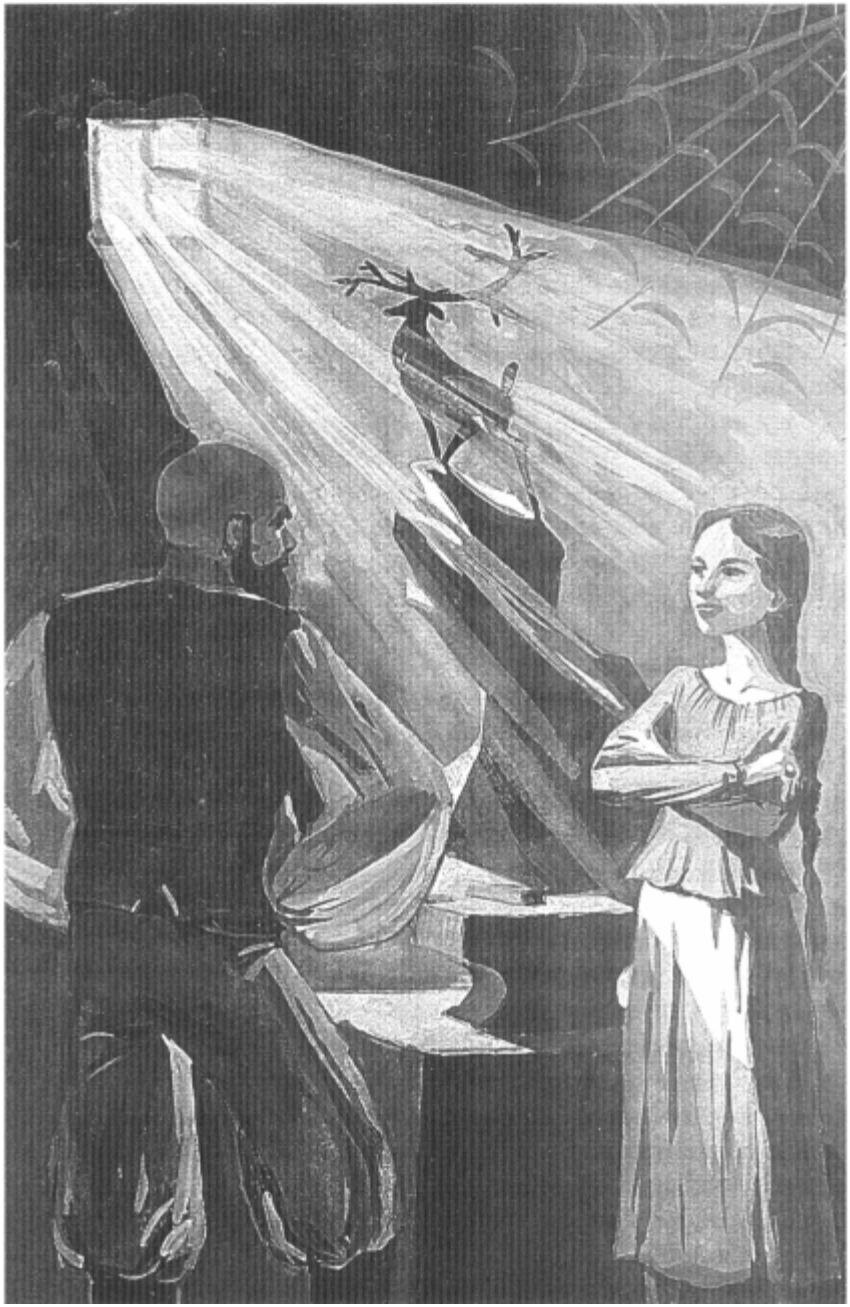
Барин того пуще разгневался.

— Перечить не смей! Не потерплю супротивства!

Закрыли её под замок в каменном сарае. То ли тут кузня, то ли литейка. Чекана не враз разглядела. У одной стены — горно, у другой — плавильная печка, посерёдке сарая — верстак.

Барские слуги притащили и сложили на него листовое золото, шкатулку с алмазами и передали приказ: приступать к делу немедля!

Призадумалась Чекана, когда осталась одна. По золоту ещё никогда не рабатывала. Хотелось попробовать, но только без барской указки. Сколь красоты можно было бы на свет выставить! Смотрите, мол, люди, дивуйтесь, чем богаты горы Ураловы. Золото и дорогие каменья ведь сами-то по себе не живые, блестят, но не греют, а коснётся их рука мастера — заговорят, видом своим приласкают и уж чего, поди, лучше, осчастливят надолго.



Попробовала она всё же барское желанье исполнить. Пусть-де отвяжется! Всё золото и алмазы потратила, а получилась чаша — тошно смотреть! Сломала и так порешила: «Пусть жива не останусь, но своим уменьем не попущусь! Помыкать собой не позволю!»

Барские слуги часто за ней в окошко подглядывали и барину

доносили: «Робит девка! Старается! Даже по ночам от верстака не отходит».

Подошёл срок, барин сам отправился проверять: готова ли чаша?

На верстаке вместо чаши высокая горка стояла — золото вперемежку с железом. Поверх её, на шихане, гордый сохатый рогатую голову вскинул, алмазными глазами уставился вдаль, вроде выжидает кого-то, хочет силой помериться.

— Это кто тебя надоумил ослушаться? — подступил барин к Чекане. — То ли не жалко себя? На цепь посажу, голодом заморю!

— А всё равно силком не заставишь! — не отступилась Чекана.— Я что хотела, то сделала. Вот он, Урал наш родимый. Он ведь по-всякому видится: то кедром вековым, то утёсом-шиханом, то широкой и глубокой рекой, озёрами, падями, рудниками, а мне поглянулось его таким показать. Супроть него ты, барин, никто!

Тот схватил молот, хотел всю её работу порушить, а молот из его рук выпал, самого барина огнём опалило. Каменный сарай развалился.

Из горна Горновуха сошла и Чекану ободрила:

— Хорошо, мила дочь, поступила! Мастерство не продажно, не бросово, а долговеко и памятно!

Подняла она с верстака Чеканину горку.

— Теперь ты, крестница, обратно к людям ступай! Тебе ещё много трудов предстоит. А эту горку я покуда в Уралову кладовуху поставлю. Поспеет время, и она народу достанется.

Если верить молве, то с той давней поры и повелись на Урале чеканщики, великие мастера-умельцы, слава о коих далеко-далеко разошлась.

Вопрос:

Создавая характер Чеканы, наши предки наделили её теми чертами, которые ценили в людях больше всего. Какими же, по их мнению, должны быть настоящие уральцы?

Серафима Власова

(1901-1972)

ПОЛОЗОВ ДВОРЕЦ

Бабушка Августа про наше уральское золото сказку одну мне сказывала.

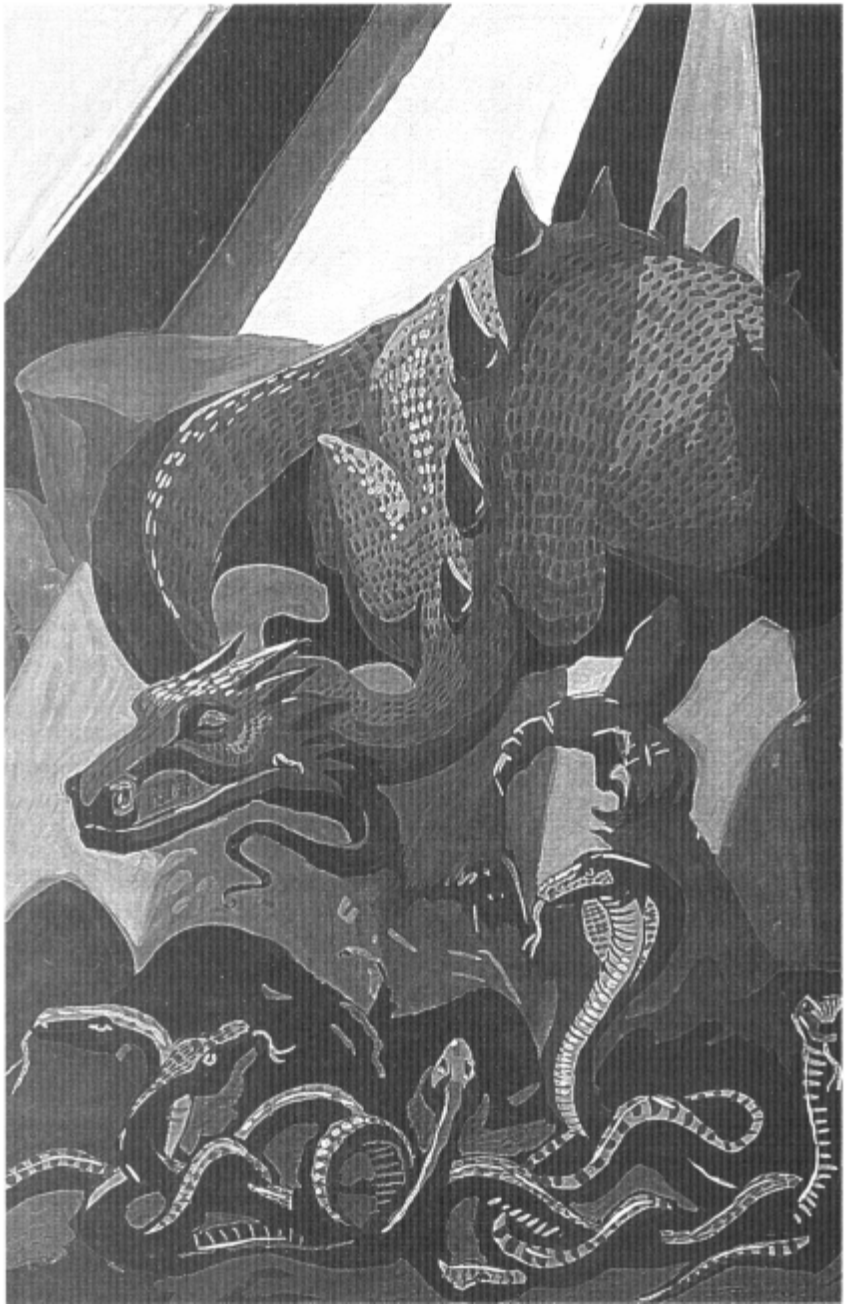
В давние времена на одной из гор возле Тургояка стоял Золотой дворец. Вокруг дворца леса непролазные шумели. Тянулся этот лес, чисто уремный[21], далеко по всему камню — Уральским горам.

Жил в Золотом дворце царь всех змей — Полоз. Был он тридцати аршин длиной и в три аршина толщиной. Охраняли Полозов дворец десять страшных гадюк, а кругом разные змеи ползали.

В лесу, что возле дворца шумел, было много разных зверей, птиц, а больше всего муравьиных куч. С избу эти муравьиные кучи под сосенками стояли. Привольно, раздольно жилось муравьям. Здоровущие были эти муравьи.

И вот один раз беда с этими муравьями приключилась. То ли близкую смерть Полоз почуял, то ли кровь змеиная у него в голове застоялась — вздумал он из дворца выползти. А никогда не выползал. Вылез он из дворца и в лес подался. Полз, полз — великое множество муравьиных куч ему по дороге попадалось. Напролом лез Полоз, Муравьёв давил, кучи их с землёй сравнивал.

Был среди муравьишек один такой смелый да удалой. Остался он после бедствия круглой сиротой. Когда Полоза не стало, вылез мурашишко из-под соснового корня, поглядел кругом и заплакал. От обиды, видать, он плакал. Но недолго горевал муравей. Только солнце взошло, отправился мурашишко в дальний путь. Долго бегал он от одной кучи к другой по лесу. Поднимал соседей своих на войну против Полоза.



Но вот не прошло и пяти дней, как огромная рать чёрной рекой полилась по лесам на гору, на Золотой дворец.

Тихо ночью в лесу. Спал Полоз в покоях. Десять гадюк глаз не смыкали, покой царя охраняли.

Как солнышко взошло, гадюки Муравьёв увидели, страшным голосом зашипели, змеиный мир разбудили.

Проснулся Полоз. Свернулся в большое колесо и на мурашишек кинулся, а за ним вся погань змеиная. Пышет огнём Полоз, страшен он. А муравьи всё бегут и бегут, нет конца их рати несметной.

Долго бились гадюки, а одолеть Муравьёв не смогли. Облепили муравьи всё кругом, не стало ходу воинам змеиным. Верно в старину люди поговорку сложили: «Бывает и так, муравей льва одолевает». Так оно и получилось: хоть и долго мурашишкам с Полозом биться пришлось, но победителями вышли.

Как упала последняя змея, от бессилья по земле растянулась, муравьи поползли на гору, где дворец Полозов стоял, да весь его по песчинке и разнесли. Все золотые песчинки в землю снесли, зарыли поглубже.

Слежалась земля — слежалось и золото. Вот откуда будто у нас в горах золото появилось...

Задания:

1. Прочитай следующий сказ — «Про Великого Полоза» П.Бажова.

2. Сравни, как записали сказы о Великом Полозе С.Власова и П.Бажов.

Павел Бажов

(1879-1950)

ПРО ВЕЛИКОГО ПОЛОЗА

Жил в заводе мужик один. Левонтьем его звали. Старательный такой мужичок, безответный. Смолоду его в горе держали, на Гумешках то есть. Медь добывал. Так под землёй все молодые годы и провёл. Как червяк в земле копался. Свету не видел, позеленел весь. Ну, дело известное — гора. Сырость, потёмки, дух тяжёлый. Ослаб человек. Приказчик видит — мало от него толку, и удобрился перевести Левонтия на другую работу — на Поскакуху отправил, на казённый прииск золотой. Стал, значит, Левонтий на прииске робить. Только это мало делу помогло. Шибко уж он нездоровый стал. Приказчик поглядел-поглядел да и говорит:

— Вот что, Левонтий, старательный ты мужик, говорил я о тебе барину, а он и придумал наградить тебя. Пускай, говорит, на себя старается. Отпустить его на вольные работы, без оброку.

Это в ту пору так делывали. Изробится человек, никуда его не надо, ну, и отпустят на вольную работу.

Вот и остался Левонтий на вольных работах. Ну, пить-есть надо, да и семья того требует, чтобы где-нибудь кусок добыть. А чем добудешь, коли у тебя ни хозяйства, ничего такого нет. Подумал-подумал, пошёл стараться, золото добывать. Привычное дело, с землёй-то, струмент тоже не ахти какой надо. Расстарался, добыл и говорит ребятишкам:

— Ну, ребятушки, пойдём, видно, со мной золото добывать. Может, на ваше ребячье счастье и расстараемся, проживём без милостины.

А ребятишки у него вовсе ещё маленькие были. Чуть побольше десятка годов им.

Вот и пошли наши вольные старатели. Отец еле ноги передвигает, а ребятишки — мал-мала меньше — за ним поспешают.

Тогда, слышь-ко, по Рябиновке верховое золото сильно попадать стало. Вот туда Левонтий заявку сделал. В конторе тогда на этот счёт просто было. Только скажи да золото сдавай. Ну, конечно, и мошенство было. Как без этого. Замечали конторские, куда народ бросается, и за сдачей следили. Увидят —

ладно пошло, сейчас то место под свою лапу. Сами, говорят, тут добывать будем, а вы ступайте куда в другое место. Заместо разведки старатели-то у них были. Те, конечно, опять свою выгоду соблюдали. Старались золото не показывать. В контору сдавали только, чтобы сдачу отметить, а сами всё больше тайным купцам стуряли. Много их было, этих купцов-то. До того, слышь-ко, исхитрились, что никакая стража их уличить не могла. Так, значит, и катался обман-от шариком. Контора старателей обвести хотела, а те опять её. Вот какие порядки были. Про золото стороной дознаться только можно было.

Левонтию, однако, не потаили — сказали честь-честью. Видят, какой уж он добытчик. Пускай хоть перед смертью потешится.

Пришёл это Левонтий на Рябиновку, облюбовал место и начал работать. Только силы у него мало. Живо намахался, еле жив сидит, отдышаться не может. Ну, а ребятишки, какие они работники? Всё ж-таки стараются. Поробили так-то с неделю либо больше, видит Левонтий — пустяк дело, на хлеб не сходится. Как быть? А самому всё хуже да хуже. Исчах совсем, но неохота по миру идти и на ребятишек сумки надевать. Пошёл в субботу сдать в контору золотишко, какое намыл, а ребятам наказал:

— Вы тут побудьте, струмент покараульте, а то таскать-то его взад-вперёд ни к чему нам.

Остались, значит, ребята, караульщиками у шалашика. Сбегал один на Чусову-реку. Близко она тут. Порыбачил маленько. Надёргал пескозобишков, окунишков, и давай они ушку себе гоношить. Костёр запалили, а дело к вечеру. Боязно ребятам стало.

Только видят — идёт старик, заводской же. Семёнычем его звали, а как по фамилии — не упомню. Старик этот из солдат был. Раньше-то, сказывают, самолучшим кричным мастером[22] значился, да согрубил что-то приказчику, тот его и велел в пожарную отправить — пороть, значит. А этот Семёныч не стал даваться, рожи которым покарябал, как он сильно проворный был. Известно, кричный мастер. Ну, всё же-таки обломали. Пожарники-то тогда здоровущие подбирались. Выпороли, значит, Семёныча и за буйство в солдаты сдали. Через двадцать пять годов он и пришёл в завод-от вовсе стариком, а домашние у него за это время все примерли, избушка заколочена стояла. Хотели уж её разбирать. Шибко не корыстна была. Тут он и объявился. Подправил свою избушку и живёт потихоньку, один-одинёшенек.

Только стали соседи замечать — неспроста дело. Книжки какие-то у него. И каждый вечер он над ими сидит. Думали, может, умеет людей лечить. Стали с этим подбегать. Отказал: «Не

знаю, — говорит, — этого дела. И какое тут может леченье быть, коли такая ваша работа». Думали, может, веры какой особой. Тоже не видно. В церкву ходит о Пасхе да о Рождестве, как обыкновенно мужики, а приверженности не оказывает. И тому опять дивятся — работы нет, а чем-то живёт. Огородишко, конечно, у него был. Ружьишко немудрящее имел, рыболовную снасть тоже. Только разве этим проживёшь? А деньжонки, промежду прочим, у него были. Бывало, кое-кому и давал. И чудно этак. Иной просит-просит, заклад даёт, набавку, какую хошь, обещает, а не даст. К другому сам придёт:

— Возьми-ка, Иван или там Михаил, на корову. Ребятишки у тебя маленькие, а подняться, видать, не можешь.

Однем словом, чудной старик. Чертознаем его считали. Это больше за книжки-то.

Вот подошёл этот Семёныч, поздоровался. Ребята радёхоньки, зовут его к себе:

— Садись, дедушко, похлебай ушки с нами.

Он не посупорствовал, сел. Попробовал ушки и давай нахваливать — до чего-де навариста да скусна. Сам из сумы хлебушка мяконького достал, ломоточками порушал и перед ребятами грудкой положил. Те видят — старику ушка поглянулась, давай уплетать хлебушко-то, а Семёныч одно свое — ушку нахваливает, давно, дескать, так-то не едал. Ребята под этот разговор и наелись как следует. Чуть не весь стариков хлеб съели. А тот знай похмыкивает:

— Давно так-то не едал.

Ну, наелись ребята, старик и стал их спрашивать про их дела. Ребята обсказали ему всё по порядку, как отцу от заводской работы отказали и на волю перевели, как они тут работали. Семёныч только головой покачивает да повздыхивает: охо-хо да охо-хо. Под конец спросил:

— Сколь намыли?

Ребята говорят:

— Золотник, а может, поболе, — так тятенька сказывал.

Старик встал и говорит:

— Ну, ладно, ребята, надо вам помогчи. Только вы уж помалкивайте. Чтоб ни-ни. Ни одной душе живой, а то... — и Семёныч так на ребят поглядел, что им страшно стало. Ровно вовсе не Семёныч это. Потом опять усмехнулся и говорит:

— Вот что, ребята, вы тут сидите у костерка и меня дожидайтесь, а я схожу — покучусь кому надо. Может, он вам поможет. Только, чур, не бояться, а то всё дело пропадёт. Помните это хорошенько.

И вот ушёл старик в лес, а ребята остались. Друг на друга

поглядывают и ничего не говорят. Потом старший насмелился и говорит тихонько:

— Смотри, братко, не забудь, чтобы не бояться. — А у самого губы побелели и зубы чакают. Младший на это отвечает:

— Я, братко, не боюсь, — а сам помучнел весь. Вот сидят так-то, дожидаются, а ночь уж совсем, и тихо в лесу стало. Слышно, как вода в Рябиновке шумит. Прошло довольно дивно времечка, а никого нет, у ребят испуг и отбежал. Навалили они в костёр хвои, ещё веселее стало. Вдруг слышат — в лесу разговаривают. Ну, думают, какие-то идут. Откуда в экое время? Опять страшно стало.

И вот подходят к огню двое. Один-то Семёныч, а другой с ним незнакомый какой-то и одет не по-нашенски. Кафтан это на ём, штаны — всё жёлтое, из золотой, слышь-ко, поповской парчи, а поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, тоже из парчи, только с зеленью. Шапка жёлтая, а справа и слева красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо жёлтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась. Так и видно, не разогнёшь их. Только глаза зелёные и светят, как у кошки. А смотрят по-хорошему, ласково. Мужик такого же росту, как Семёныч, и не толстый, а, видать, грузный. На котором месте стал, под ногами у него земля вдавилась. Ребятам всё это занятно, они и бояться забыли, смотрят на того человека, а он и говорит Семёнычу шуткой так:

— Это вольны-то старатели? Что найдут, всё заберут? Никому не оставят?

Потом прихмурился и говорит Семёнычу, как советует с им:

— А не испортим мы с тобой этих ребятишек?

Семёныч стал сказывать, что ребята не балованные, хорошие, а тот опять своё:

— Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за моё охвостье поймаются, так откуда только на их всякой погани налипнет.

Постоял, помолчал и говорит:

— Ну, ладно, попытаем. Малолетки, может, лучше окажутся. А так ребятки ладненьки, жалко будет, ежели испортим. Меньшенький-то вон тонкогубик. Как бы жадный не оказался. Ты уж понастуй сам, Семёныч. Отец-то у них не жилец. Знаю я его. На ладан дышит, а тоже старается сам кусок заработать. Самостоятельный мужик. А вот дай ему богатство — тоже испортится.

Разговаривает так-то с Семёнычем, будто ребят тут и нет. Потом посмотрел на них и говорит:

— Теперь, ребятушки, смотрите хорошенько. Замечайте, куда

след пойдёт. По этому следу сверху и копайте.

И вот видят ребята — человека того уж нет. Которое место до пояса — всё это голова стала, а от пояса — шея. Голова точь-в-точь такая, как была, только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная. И вот из-под земли стало выкатываться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом тулово выгнулось прямо на костёр, вытянулось по земле, и поползло это чудо к Рябиновке, а из земли всё кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет. И то диво, костёр-то потух, а на полянке светло стало. Только свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холодом потянуло. Дошёл змей до Рябиновки и полез в воду, а вода сразу и замёрзла по ту и по другую сторону. Змей перешёл на другой берег, дотянулся до старой берёзы, которая тут стояла, и кричит:

— Заметили? Тут вот и копайте! Хватит вам по сиротскому делу. Чур, не жадничайте!

Сказал так-то и ровно растаял. Вода в Рябиновке опять зашумела, и костерок оттаял и загорелся, только трава будто всё ещё озябла, как иней её прихватил.

Семёныч и объяснил ребятам:

— Это есть Великий Полоз. Всё золото в его власти. Где он пройдёт — туда оно и подбежит. А ходить он может и по земле, и под землёй, как ему надо, и места может окружить, сколько хочет. Оттого вот и бывает — найдут, например, люди хорошую жилку, и случится у них какой обман либо драка, а то и смертоубийство, и жилка потеряется. Это, значит, Полоз побывал тут и отвёл золото.

А то вот ещё... Найдут старатели хорошее, россыпное золото, ну, и питаются. А контора вдруг объявит — уходите, мол, за казну это место берём, сами добывать будем. Навезут машин, народу нагонят, а золота-то и нету. И вглубь бьют и во все стороны лезут — нету, будто вовсе не бывало. Это Полоз окружил всё то место да пролежал так-то ночку, золото и стянулось всё по его-то кольцу. Попробуй, найди, где он лежал.

Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял. Ну, а если для себя стараются, тем ничего, поможет ещё когда, вот как вам. Только вы смотрите, молчок про эти дела, а то всё испортите. И о том старайтесь, чтобы золото не рвать.

Не на то он вам его указал, чтобы жадничали. Слышали, что говорил-то? Это не забывайте первым делом. Ну, а теперь спать ступайте, а я посижу тут у костерка.

Ребята послушались, ушли в шалашик, и сразу на их сон навалился. Проснулись поздно. Другие старатели уж давно

работают. Посмотрели ребята один на другого и спрашивают:

— Ты, братко, видел вчера что-нибудь?

Другой ему:

— А ты видел?

Договорились всё ж таки. Заклялись, забожились, чтобы никому про то дело не сказывать и не жадничать, и стали место выбирать, где дудку бить. Тут у них маленько спор вышел. Старший парнишечко говорит:

— Надо за Рябиновкой у берёзы начинать. На том самом месте, с коего Полоз последнее слово сказал.

Младший уговаривает:

— Не годится так-то, братко. Тайность живо наружу выскочит, потому — другие старатели сразу набегут полюбопытствовать, какой, дескать, песок пошёл за Рябиновкой. Тут всё и откроется.

Поспорили так-то, пожалели, что Семёныча нет, посоветовать не с кем, да углядели — как раз посерёдке вчерашнего огневища воткнут берёзовый колышек.

«Не иначе, это Семёныч нам знак оставил», — подумали ребята и стали на том месте копать.

И сразу, слышь-ко, две золотые жужелки залетели, да и песок пошёл не такой, как раньше. Совсем хорошо у них дело сперва направилось. Ну, потом свихнулось, конечно. Только это уж другой сказ будет.

Вопросы и задания:

1. Какой сказ понравился тебе больше и почему?

2. Если хочешь узнать, что случилось с ребятами дальше, найди и прочитай сказ П.Бажова «Змеиный след».

4 КЛАСС

Ася Горская

(1937-2003)

ЗВЁЗДНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Наша Земля вращается,
Звёзды над ней меняются,
Падают иногда...
А небо одно навсегда.
Небо такое звёздное,
Детство — пора серьёзная.
Каждый мечтает и выбирает
В жизни свою звезду.

Моря на Земле глубокие,
Горы на ней высокие,
Разные города...
А небо одно навсегда.
Небо такое громадное,
Детство — пора отрадная.
Каждый мечтает и выбирает
В жизни свою звезду.

Наша Земля — красавица,
Жить на ней детям нравится —
Пусть мелькают года...
А небо одно навсегда.
Небо такое красивое,
Детство — пора счастливая.
Каждый мечтает и выбирает
В жизни свою звезду.

Вопросы:

1. Как ты думаешь, почему автор назвал стихотворение «Звёздный калейдоскоп»?

2. Как ты понимаешь строки «Каждый мечтает и выбирает в жизни свою звезду»?

Олег Юлдашев

(1957-1992)

ЗИМНИЙ ЛЕС

Протянулась из детства дорожка,
Серебрясь, как снежинок полёт.
Словно память скребётся в окошко
И заснуть мне никак не даёт...

...Розовеет под солнцем тайга.
Тишина. Только изредка ветка
На морозе вдруг хрустнет, да белка
Снег уронит во время прыжка...

Мир тайги, и земной и чудесный,
Первозданной живой красоты,
Словно с детства любимая песня,
Окрыляет слова и мечты.

Вопрос:
С чем автор сравнивает зимний лес?

Александр Гольдберг

(1909)

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

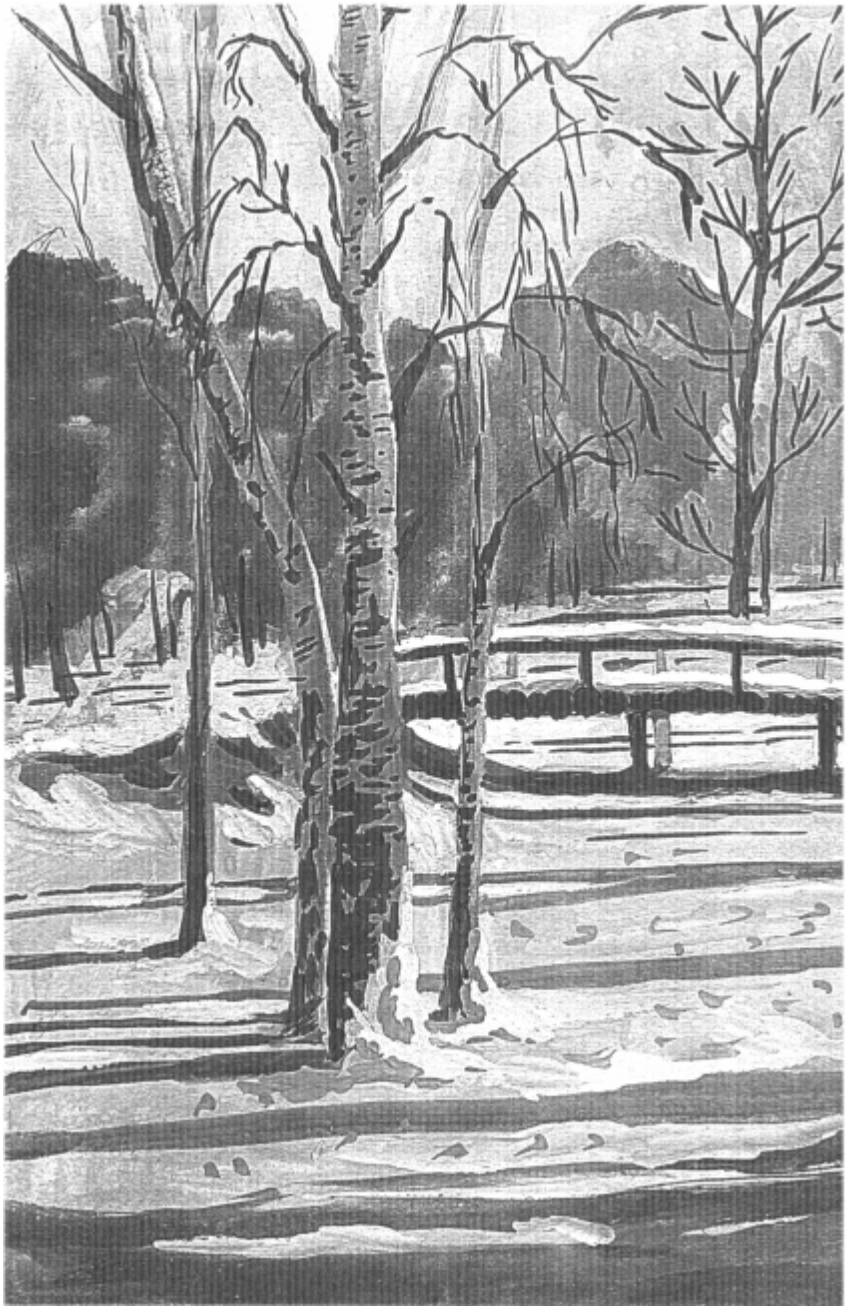
Есть что-то забавное,
Милое очень
В морозном дыханьи
Уральской зимы.
То дремлет она,
То задорно хохочет,
То пляшет
В степи, наметая холмы.
То щиплется больно,
То ластится в блёстках,
То в лес увлекает
В глубоких снегах,
Где, словно Снегурочка,
Смотрит берёзка
На рослого кедра
В собольих мехах.
Всё в зимнем лесу
В ослепительных красках.
Нарядный снегирь
Запевает в тиши...
На лыжи, дружище,
На лыжи и — в сказку!
В волшебную
Русскую сказку спеши!

Вопросы:
1. Какой автор видит уральскую зиму?
2. Почему у нас зима особенная?

ГОВОРЯТ, ЧТО ЗДЕСЬ...

Говорят, что здесь
Звезда упала,
Пролежала сто веков в грязи.

А потом,
Потом водою стала,
Озером с названьем Аргази.
Говорят, что Салават Юлаев
Перед боем искупался тут,
Что с тех пор
Его ни пуля злая,
Ни клинок,
Ни пушка
Не берут...
Говорят с таинственной улыбкой
Старики, толкая в нос табак,
Что словили пушкинскую рыбку
И вернули волю ей за так!
Говорят...
И эти разговоры
Мне милы у костерка во мгле.
Если бы не жили фантазёры,
Не было бы сказок на земле.



Камиль Мустафин

(1932)

СЛЁЗЫ

Ревёт малыш...
Потерян бурый мишка...
Большие слёзы катятся из глаз.
За жизнь свою короткую
Мальчишка,
Наверное, теряет в первый раз.
Он взрослым стал...
Находки и потери
Сменялись для него,
Как дождь и снег...
И вдруг беда
В его стучится двери:
Потерян самый близкий человек.
На сердце камнем
Навалилась полночь.
Но нету слёз — сухи его глаза...
О, если бы
Пришла ему на помощь
Из детских лет
Хотя б одна слеза!
(перевод Л.Смирнова)

Вопросы:
1. Всегда ли плакать стыдно?
2. Когда слёзы приносят человеку облегчение?

УЛЫБКА

Улыбнулся малыш.
Улыбнулся малыш.
В первый раз улыбнулся,
И все голуби тихо
Спустились с крыш,
И все звёзды

Застыли в окне.
Удивительный мир
Наступил вокруг —
В доме, в городе, на земле.
А ведь был и Освенцим,
И Равенсбрук[23],
И трава в человечьей золе.
Много вынесли люди
Суровых гроз —
Непосильный для сердца
Груз, —
Чтобы жил и смеялся,
И к солнцу рос
Этот маленький карапуз.
Пусть растёт он и помнит
Простого бойца,
Что у нас в земле
Погребён...
И улыбку свою
Сбережёт до конца,
До конца,
Как последний патрон.
(перевод Л.Смирнова)

Вопросы:

1. Во имя чего люди во время войны отдавали свои жизни?
2. Что мы должны сделать, чтобы их жертва не оказалась напрасной?

* * *

Птицу ищу из чудесной страны:
С павлиньим хвостом необычной длины,
С перьями цвета лесной тишины,
С клювом, стучащимся в детские сны.
— А птица, — мне говорят друзья, —
Живёт в стране, где и жить нельзя,
Поёт на древе, которого нет...
Так что
Оставь свою блажь,
Поэт!
А я вчера, от друзей уходя,
Видел на небе после дождя

Через мир перекинутый, словно мост,
Её дивный хвост,
Её дивный хвост...

Вопрос:
Что называет автор «птицей из чудесной страны»?

Катиба Киньябулатова

(1920)

БУДЬ СЧАСТЛИВОЙ, РОДИНА МОЯ!

Тихо.
Словно пламя, пышет солнце.
Только жаворонок не заглох.
Вниз беспечно сыплется и льётся
Трелей посеребренный горох.
Этой песне рада я, как в детстве,
Край родной! Страны моей оплот!
На тебя не может наглядеться
Птаха и от счастия поёт.
Степь моя!
Хлебов разлив да травы.
Речка вьётся синим пояском.
Тучи, как пугливые отары,
Незаметно сбились над леском.
И внезапно хлынул с громом ливень,
Я ловлю в ладони спелый дождь.
Степь моя!
Сейчас меня счастливей
На земле, пожалуй, не найдёшь.
Дождь колосья тонкие колышет,
Радугой сквозь солнышко горя.
И шепчу я в небо еле слышно:
— Будь счастливой, Родина моя!
(Перевод Е.Совинова)

БУДЬ СЧАСТЛИВОЙ, РОДИНА МОЯ!

Тихо.
Словно пламя, пышет солнце.
Только жаворонок не заглох.
Вниз беспечно сыплется и льётся
Песня, как серебряный горох.

Я тебя заслушалась, как в детстве...

Ничего в себе не утая,
Верно, ты не можешь наглядеться
На родную землю, как и я.

Степь моя!
Хлебов разлив да травы.
Речка вьётся синим пояском.
Тучи, как пугливые отары,
Незаметно сбились над леском.

И внезапно хлынул с громом ливень,
Я ловлю в ладони спелый дождь.
Степь моя!
Сейчас меня счастливей
На земле, пожалуй, не найдёшь.

Дождь колосья тонкие колышет,
А цветёт — весны маяк.
И мой звонкий голос людям слышен:
— Будь счастливой, Родина моя!
(Перевод Н.Матвеевой)

Вопросы и задания:

1. Могут ли переводы одного и того же произведения быть разными? Как ты думаешь, почему?

2. Сравни два перевода одного стихотворения. Какой тебе понравился больше?

Нина Кондратковская

(1913-1991)

ТАЙНА АБЗАКОВСКОЙ ЛИСТВЕННИЦЫ

Жил на свете мудрый человек,
Доживал в заботах долгий век
И перед кончиною своей
Он призвал джигитов-сыновей:
— Оставляю всем троим завет:
Поглядите, дети, белый свет,
Испытайте силу, честный труд.
А завет в земле хранится, тут,
Где постройте мне навечно дом
Под берёзой на холме крутом.
А пройдет семь лет — и в этот час
Всё добро, что я скопил для вас,
Капля в каплю, будто в сотах мёд,
Вам из сердца в сердце перейдёт.
Схоронили старика сынки,
Спать легли в кибитке у реки,
Но не дремлет старший сын Салим —
Клад отца маячит перед ним.
Он встаёт, от жадности дрожит:
«Может, золотишко там лежит?
За семь лет успеешь околеть,
А богатство выроет медведь!»
Средний брат Садык не жмурит глаз:
«Может, спрятан там большой алмаз?
С голоду зачахнешь за семь лет,
А барсук утащит самоцвет!»
Лишь Абзака не тревожит клад.
Крепко спит меньшой беспечный брат.
А у старших жаркий спор идёт,
Кто к рукам наследство приберёт.
И спешат к холму за вором вор.
Ночь темна, не виден их позор.
Люди были — нет уже людей,
Каждый зверя лютого лютей.
Пересилить жадность не смогли,
За ножи схватились, полегли...

Встал Абзак. Заря плыла с низин.
— Ай, проспал я, непутёвый сын!
А мои два брата-молодца
Первые послушались отца!
Что ж, пойду на добрые дела,
Чтобы совесть чистая была.
Я отцовский выполню наказ
И завет приму в урочный час.
Он отцовым словом дорожил,
Честь и хлеб работой заслужил,
Горьким потом силы накопил,
И людей, и землю полюбил.
Год за годом, день за белым днём
Проскакали солнечным конём.
Миновав семь лет, как сотню вёрст,
Сын к отцу явился на погост.
Видит диво дивное Абзак —
Лиственницу — отчей воли знак.
Хвоя в небо вознеслась венцом
Из семян, посеянных отцом.
Обнялись по-братски три ствола,
Воспарили кроны — три орла.
Будто говорит отец: «Салам!
Глубже корни — мой завет сынам!»
Где же братья — радость разделить,
Сердце в сердце верность перелить?
Ждал весь день, у дерева кружа,
А нашёл два горя — два ножа.
Разглядел, узнал, похолодел:
— Как же я вас, братья, проглядел?
Виноват я в этом или нет,
А за вас и мне держать ответ.
Не враждой отвечу на беду,
В отчий край людей я приведу,
Там, где лес и горная река,
Пустим в землю корни на века...
Бедняков, что жили так и сяк,
Поселил в богатый край Абзак.
Сотни лет ветрами намело,
Расцвело весёлое село.
Нет Абзака, но в родных местах
Имя у народа на устах.
У людей Абзаково в чести,
Широки в Абзаково пути,

Плещет радость песней молодой,
А уж дружбу не разлить водой.
И растёт, и славит горный лес
Лиственница — чудо из чудес.
Нежная игольчатая вязь
Малахитом в небе отлилась,
И стволов могучие тела
Верность нерушимая сплела,
В новый век закинула крыла,
В старый век тропу не замела.

Вопросы:

1. Какой клад нашёл Абзак?

2. Как ты думаешь, смогли бы оценить этот клад его братья? Объясни свой ответ.

3. Выполнил ли Абзак волю отца? Докажите.

Нэлли Ваторопина

(1938)

КОНВЕРТ БЕЗ АДРЕСА

Перебирая снимки из семейного архива, я наткнулась на старую фотографию. На стуле стоит маленькая девочка, а рядом — немолодая женщина в белом платочке, с грустной улыбкой. Пожелтевшая от времени, выцветшая, потерявшая чёткость, фотография из того страшного года в самом разгаре войны.

Эта девочка — я.

Нахлынули воспоминания.

Отца своего я помню довольно смутно, а вот его мать, мою бабушку, я буду помнить до последнего своего часа, до последней минуты. Бабушка, мамочка моя, как ты мне нужна сейчас, спустя полвека, когда у меня самой взрослые дети и подрастают внуки, твои праправнуки! Как мне необходим сейчас твой совет, твоё успокаивающее слово, твой строгий и в то же время такой любящий взгляд, твои добрые ласковые руки.

Этот снимок, где мы вдвоём с бабушкой, был сделан в мае 1943 года по просьбе отца. Мы долго и торжественно собирались в фотографию. Бабушка сменила свой тёмный платок на светлый, попыталась улыбнуться в объектив. А я, приодетая понаряднее, так и не сумела улыбнуться. Всё-таки и здесь, далеко-далеко от войны, была война, и было страшно без отца.

В каждом письме на фронт я писала печатными буквами: «ПАПА, СКОРЕЕ ЗАКАНЧИВАЙ ВОЙНУ И ПРИЕЗЖАЙ ДОМОЙ. МЫ ЖДЁМ ТЕБЯ». В последнем письме он предупредил, что его переводят в другую часть, изменится номер полевой почты, и он напишет нам, как только сможет.

Готовая фотография уже несколько дней лежала на столе в конверте, на котором не было адреса. Мы ждали письма с фронта.

И дождались.

В тот день к нам в комнату вместе с почтальонкой вошли соседи. Письмо! Бабушка выхватила у почтальонки конверт-треугольник и поднесла его к глазам.

— Это не Мишин почерк. Может, из госпиталя?

Быстро развернула треугольник письма и начала: «Дорогая Екатерина Ивановна!..»

Голос её прервался, и она передала листок соседке.

— Не могу. Читай ты.

Приглушённым голосом, почти шёпотом соседка произнесла первые слова: «Дорогая Екатерина Ивановна! Пишет вам друг вашего сына Иван Жар...»

— Ну вот! Я же говорю, что из госпиталя. Читай! — вырвалось у бабушки.

«Ваш сын, гвардии старший сержант Спицын Михаил Степанович, геройски погиб, возвращаясь из разведки...»

Молча, не вскрикнув, не застонав, падала бабушка. В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как ветер, влетев в открытое окно, пытается вырвать из рук соседки листок с чёрной вестью и унести его куда-нибудь... куда-нибудь...

Соседка тихонько положила письмо на стол рядом с конвертом без адреса, в котором была наша с бабушкой фотография. Отправлять её было уже некому...

С тех пор прошло почти шестьдесят лет. Я держу в руке старую пожелтевшую фотографию. На ней — пожилая женщина в белом платочке, с грустным лицом, а рядом на стуле — маленькая девочка с широко открытыми глазами.

Эта девочка — я...

Вопрос:

Почему соседи зашли вместе с почтальонкой?

* * *

Песок был тёплым и рассыпчатым.
На платье звёздочки бледны.
Пекла девчонка в речке «блинчики»,
Как в печке бабушка блины.
Текла река неторопливая,
Смывая детские следы.
Пекла я «блинчики», счастливая,
За полминуты до беды.

22 июня 1941 года.
Челябинск, река Миасс, утро

Вопрос:

Почему все пережившие войну люди не могут забыть июнь 1941 года?

Михаил Львов

(1917-1988)

ВЫСОТА

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам
Пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на неё подняться.
И высота была взята.
И знают уцелевшие солдаты:
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрём,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы всё-таки берём.

Вопросы:

1. Как ты понимаешь строки «У каждого есть в жизни высота, которую он должен взять когда-то»?

2. Почему про русских солдат говорят, что они сражались «не на жизнь, а на смерть»?

Людмила Татьяничева

(1915-1980)

ЩЕНОК

У зверей
Прощения не просят.
До чего ж мне ненавистен тот,
Кто, прицелясь,
Острый камень бросит
И щенёнку лапу перебьёт.
Это он
Бьёт лошадей наотмашь.
Это он
Тиранит голубей...
Не скули,
Пушистый мой найдёныш,
Лапу быстро вылечим тебе.
Станешь псом ты
Добродушней многих.
И дружить научишься с детьми.
Только, чур,
Мучителей двуногих
За людей случайно не прими!

Вопросы:
1. Кого автор называет двуногими мучителями?
2. Почему автор говорит:

«Мучителей двуногих
За людей случайно не прими!»?

* * *

Не для себя
Деревья плодоносят.
И реки чистых вод своих

Не пьют.
Не просят хлеба для себя
Колосья.
Дома не для себя хранят уют...
Себя мы с ними
Сравнивать не будем,
Но каждый знает,
Эту жизнь любя,
Что чем щедрее отдаёшь
Ты людям,
Тем радостней живёшь
И для себя!

Задание:

Найди строчки, в которых выражена главная мысль стихотворения.

Михаил Чучелов

(1898-1919)

ЛАНДЫШ

Свежистый ландыш —
Сплетенье грёз —
В лесу я встретил,
Сорвал тихонько
И в дом унёс.
Но ландыш нежный
В кольце стекла
Поник головкой,
В нём радость жизни
Смерть отняла.

ВЕТЕРОК

Лёгкий вольный ветерок
Нам лепечет быль за былью,
Ткёт узоры тонкой пылью
И размашистой кадрилью
В танце гибком мнёт снежок.
В беспрерывном, вольном беге
Струйки смелые ловлю,
В высь бросаю, тороплю,
Гонки звонкие люблю,
Оставляя след на снеге!..
И стихийный, непонятный,
Белокурый молодой
Ветер мощный удалой
С неба павшею звездой
Мчится в дали необъятной...

ЗАПАХ СНЕГА

Есть у снега запах лилий,

Запах тонкий чайной розы,
Одуванок-легкокрылий,
Распустившейся берёзы.
Есть у снега запах клёна,
Запах вишен и сирени,
Липы, летом расцвечённой,
И лесной прохладной тени.
Есть у снега песни пташек,
Гимны вольные кенара,
Лики жёлтые ромашек,
Злое золото пожара.
Есть у снега были-сказки,
Есть узывчатые трели,
Что в лесу, прищуря глазки,
Слышат млеющие ели.
Есть у снега зелень сосен,
Зелень с запахом зелёным —
Всю под снег сложила осень
Ароматность с тихим звоном.
Кто мне скажет:
— Это глупость,
Нет у снега аромата,
В снеге только злая скупость,
Злые сумерки заката, —
Тот не знает, что у снега
Есть приветливая ласка,
Опьяняющая нега,
Ослепительная краска;
Тот не знает, что в паденьи
Каждой маленькой снежинки
Есть душистое цветенье,
Есть цветочные пылинки;
Тот не знает, что с цветами
Вместе солнце их родило
И над пёстрыми полями
Белый цвет сильней взлюбило.

Вопросы и задания:

1. Эти стихи написаны в начале прошлого века; найди слова, которые кажутся тебе необычными для сегодняшнего дня.

2. Определи настроение стихотворений.

3. Что ты представляешь, читая эти стихи?

Лидия Преображенская

(1908-1991)

СТАРАЯ ТЕЛЕГРАММА

Клочок обёрточной бумаги, пожелтевшей от времени и клея. Узкие полоски телеграфной ленты с выцветшим текстом: «2 адреса Челябинск ЧТЗ 7 участок 23 квартира 13 Кузнецову Копия Преображенской Москвы Сердечно благодарю желаю успехов Маршак». И на круглом телеграфном штемпеле дата: «10-11-47»...

Тридцать пять лет хранится у меня эта телеграмма. Хранится вместе с маленькой книжечкой С.Маршака «Стихи», на титульном листе которой размашистая авторская надпись: «Дорогой Лидии Александровне Преображенской с пожеланием счастья и поэтических успехов».

Как знакомы и дороги мне эта надпись и эти стихи! Я вновь перечитываю их, и мне кажется, что вижу добрые глаза поэта за толстыми стёклами очков, вновь слышу его глуховатый голос, его затруднённое дыхание...

Это было в 1947 году.

За окнами вагона мелькали опалённые сентябрём осинки, золотились берёзки. Поезд «Челябинск—Москва» увозил нас от родного города. Василий Николаевич Кузнецов, автор детской сказки «Базар», и я ехали в далёкую Москву по направлению писательской организации, рекомендовавшей нас в Союз писателей. Невольно заползала в сердце тревога: «Как-то всё получится? Примут ли нас в члены Союза?» Василий Николаевич старался ободрить меня, шутил, уверял, что всё будет хорошо.

И вот, наконец, мы в Москве. В Союзе писателей нас приветливо встретила управляющая делами А.Я.Годкевич. Она посоветовала нам обратиться за рекомендацией к С.Я.Маршаку. Это взволновало нас. И я, и Василий Николаевич представляли себе Самуила Яковлевича, по отзывам многих, очень строгим и даже резким человеком. Но Анна Яковлевна успокоила: «Он не любит молодых зазнаек, а вы на них не похожи, идите смело».

Чтобы договориться о встрече, зашли в будку телефона-автомата. Признаюсь, если бы я была одна в Москве, я, вероятно, постыдно сбежала бы в Челябинск, так и не увидев Маршака. Но со мной был товарищ, я видела, он тоже волновался, но старался скрыть своё волнение. И хотя смуглое лицо Василия Николаевича

покрылось неровными пятнами румянца, он храбро набрал номер телефона, поприветствовал Самуила Яковлевича и попросил разрешения зайти к нему.

— Мы из Челябинска, — добавил он.

— Откуда? Откуда? Из Челябинска? — живо переспросил Маршак. — Дайте подумать... Ну что ж, если не обидитесь на меня за то, что буду принимать вас лёжа, то, пожалуйста, сегодня в половине восьмого вечера милости прошу. Приболел я немного, извините...

Какая тут обида? Больной, старый человек, не откладывая, назначил встречу на тот же день. Мы были так рады, так благодарны ему.

Ровно в половине восьмого мы поднимались по лестнице в доме номер 14/16 по улице Чкалова. Самуил Яковлевич лежал на диване. Свистящее дыхание говорило о его болезненном состоянии, но он был приветлив и внимателен. После знакомства с нашими стихами он пришёл в хорошее настроение, объявил нам, что мы «способные ребята», удивился тому, что печатались только в Челябинске, тут же позвонил редактору «Пионерской правды», рекомендовал нас ему.

Принесли чай. За чаем Самуил Яковлевич расспрашивал нас о Челябинске, о нашей жизни, прочёл с десяток своих стихов, подарил нам по книжечке, пригласил в ТЮЗ на премьеру его пьесы «Двенадцать месяцев».

Мы уходили взбудораженные, окрылённые и счастливые. Та теплота, которой одарил нас этот человек, давала нам бодрость и веру в свои силы.

А на следующий день нас встретили в Союзе писателей восклицанием: «Куда же вы исчезли? Вас уже ищет журнал “Пионер”, а через два дня состоится обсуждение ваших стихов на детской секции. Сам Самуил Яковлевич будет председательствовать».

Все так и случилось. «Пионер» нас принял хорошо. Стихи наши скоро появились на его страницах и в «Пионерской правде». И на премьере «Двенадцати месяцев» мы побывали. Видели Самуила Яковлевича в окружении его маленьких друзей. И на детской секции нас слушали, одобрили и рекомендовали в Союз писателей.

Как самую дорогую память о чудесном человеке и поэте я бережно храню маленькую книжечку стихов и выцветшую от времени телеграмму — ответ на наше поздравление с днём рождения.

Вопросы:

1. Вспомни, какие книги Маршака ты читал.

2. Почему Лидии Александровне Преображенской так дорога телеграмма Маршака?

Виль Андреев

(1925)

БЕЛЫЙ ЛЕС

(в сокращении)

С Яшкой, моим неразлучным другом, мы давно уже облазили все окрестные горы. Однако самым любимым местом, куда мы чаще всего забирались, была отвесная скала, что возвышается над ревущим внизу Абаканом.

Начитавшись Обручева и Жюля Верна, мы мечтали о далёких и опасных путешествиях и на свой лад переиначивали весь окружающий нас мир. Саяны превращались у нас в Кордильеры, тайга — в непроходимые тропические джунгли, случайный прохожий — в беглого каторжанина, а орёл — в птеродактиля. С самодельными луками мы охотились на «динозавров», деревянными саблями рубили головы «рыжим карликам». Одно нас удручало: нам не довелось повоевать по-настоящему. Не доросли ещё.

Но случилось событие, которое отвлекло нас от привычных игр.

Я доставал из колодца воду, выбирая длинный шест, закреплённый на конце журавля, когда на изгороди, что разделяла дворы, появился Яшка.

— Есть новость, — сказал он.

Я отнёс в избу вёдра и вернулся во двор.

— Слыхал? — спросил Яшка. — У сельмага фотографы-китайцы появились. Карточки делают. Бежим туда!

В нашем затерянном далеко в горах посёлке это было необыкновенным событием не только для нас, мальчишек, но и для взрослых. В центре посёлка, под навесом, где раньше хранилась пустая тара, стоял на треноге похожий на гармошку большой фотоаппарат и был отгорожен чёрной тканью закуток. Возле аппарата мы с Яшкой увидели толпу мальчишек и очередь взрослых. Но самое прямо-таки невероятное было то, что через несколько минут фотограф уже вручал готовые, ещё мокрые фотографии заказчику.

Вечером, когда мы возвращались домой, Яшка мечтательно сказал:

— Вот это да! Нам бы вот так...

Я промолчал, но в глубине души уже загорелся желанием обзавестись таким же аппаратом и творить это чудо — переносить на листочки бумаги лица людей и красивейшие виды мест возле нашего посёлка. Однако осуществление мечты было невозможно по двум причинам: фотоаппаратов в нашем магазине не было, а если бы и были, на что бы я купил?

Загоревали мы с Яшкой, даже в лес перестали ходить. Всё время вертелись возле фотографов, хотя уже наизусть знали каждое их движение. И тут не помню кто подсказал мне, будто у нашего приятеля Илюшки без дела валяется старый фотоаппарат. Я и пристал к нему:

— Продай!

Поглядел Илюшка на мои залатанные штаны и криво усмехнулся:

— Тоже мне, миллионер нашёлся! На что купишь-то?

Что я мог ему ответить?

Вдруг я вспомнил, что у мамки в сундучке хранится машинка для стрижки волос. Вот бы уговорить мамку, чтобы разрешила поменять её у Илюшки на аппарат.

Выслушала она меня, помолчала и спросила:

— Чем же я стричь тебя буду?

— Ножницами, — не задумываясь, ответил я.

— Ну, смотри... — сказала она и вздохнула.

На этот раз уговаривать Илюшку не понадобилось — хромированная блестящая машинка сделала своё дело.

От Илюшки мы помчались в сельмаг. Продавец, пожилой щеголеватый дядька, насмешливо сказал:

— Пластинки? Да я их уже года два не получал. Вот фотобумага и реактивы есть.

Нас это не обескуражило. Стали снимать на бумагу. Получалось негативное изображение, но мы были рады и ему.

Как-то в самый разгар лета прибежал ко мне Яшка и говорит:

— Пошли к деду на пасеку. Мёду поедим.

Когда не часто перепадает сладкое, разве откажешься? Я засунул в авоську фотоаппарат, написал мамке записку, и мы отправились в путь.

До пасеки километров пять. Она расположена в распадке, за мысом горы Благодать, в том месте, где сливаются две речушки.

Сквозь густой черёмушник мы ещё издали увидели рубленый дом. Правей его, за жердяной изгородью, — ульи. А в углу двора — конюшня и сеновал.

Бабка сидела на крыльце и чистила чугунок. Увидела нас, радостно вскрикнула:

— Яшенька! Пришёл! — она обняла его за плечи и, пока мы

шли к дому, не умолкая, говорила: — А я вас таким душистым мёдом угощу — отродясь не едали!

Она усадила нас за стол, поставила перед нами по чашке с сотами, положила по деревянной ложке.

Добрая у Яшки бабка, хоть и некрасивая. О ней говорят, будто наготавливает за лето уйму всяких варений, а потом всё раздаёт. Узнает, что кто-то заболел — и бежит с туеском. Но и другое говорили о ней люди. Зная наперечёт все ягодные места, она ни разу никого с собой не взяла. В тайгу уходила затемно, чтобы никто не выследил или, хуже того, не увязался.

Когда мы уже кончали лакомиться, появился дед. Он поставил на лавку дымарь, на стену повесил шляпу с защитной сеткой, присел к столу и, лукаво сощурясь, спросил:

— Ну, что, медведята? Как медок?

— Во! — Яшка поднял большой палец.

— Старуха! — повернулся к бабке дед. — Есть у нас свободные туески?

— Куда им деваться? Найду.

— Вот и нальёшь мальчишкам, как пойдут домой. Да полнее!

Когда с мёдом было покончено, Яшка потащил стариков во двор — фотографироваться.

— А меня-то зачем? — изумилась бабка. — Страхолюдину этакую!

Но Яшка и слушать не стал: пошли и всё!

Усадили мы их на солнышко, сфотографировали, а потом полезли в подпол, проявлять. И вот на столе мокрые снимки.

Старики долго разглядывали их, молчали. Наконец дед поскрёб в затылке и сказал:

— Чегой-то не пойму. Тут всё у вас шиворот-навыворот. Небо чёрное, а лес белый.

— Экий ты пентюх! — возмутилась бабка. — Погляди получше. Вишь, как ладно вышло! И мы с тобой похожи.

— Только малость будто сажей измазаны.

— Не придирайся! — прикрикнула бабка. Яшка вздохнул и печально сказал:

— Деда прав. Пока на снимках всё наоборот. Вот были бы пластинки...

— Ага! — смекнула бабка, и к деду: — Слышь? Выстругай им чего надобно! Пусть мальчишки порадуются.

— Нет, бабушка, — сказал Яшка. — Нам нужны фотографические, а не деревянные. А в продаже их нет. В город надо.

— Ах, в город, — разочарованно проговорила бабка и покачала головой. — Вот кто-нибудь туда поедет — мы и

закажем.

Утром мы отправились на гору Маяк. Тропинка, карабкаясь в зарослях, уходила всё выше, пока лог не раздвоился. Нас обступил густой сосновый лес. В нём, как в глубоком ущелье, синее небо лишь местами проглядывало в переплетении ветвей. Наш путь то и дело перегораживали обомшелые валежины. Подопрелая кора в любой момент могла предательски соскользнуть, оголив лоснящийся мокрый ствол. И вдруг вижу: Яшка вскарабкался на толстенную валежину, выпрямился, и не успел я его предостеречь, как он уже лежал на земле и, подтянув колени к животу, стонал от боли.

Я подбежал к нему и в растерянности замер, увидев, что его правая нога неестественно вывернута.

Превозмогая боль, Яшка закричал:

— Беги за дедом!

Я без колебаний сказал:

— Сам тебя понесу!

Спускаться по крутизне было нелегко. Много раз я падал на усыпанную хвоей землю и лежал, дожидаясь, когда перестанет стучать в висках. А потом поднимался и тащил Яшку снова.

Дед был в доме один. Увидел нас, подхватил Яшку на руки, уложил в постель, а потом осмотрел ногу.

— М-да-а, — озабоченно промычал он. — Жаль, старухи нет. Она у нас лекарь по части вывихов. Ну, да справимся и без неё, — он поглядел на меня и указал глазами на дверь. — А ты выдь пока.

Спустя минуту из избы донесся отчаянный Яшкин крик. Я повременил ещё немного и вошёл. Яшка вытирал кулаками слёзы и всхлипывал. Дед копался в шкафчике, перебирал склянки и ворчал:

— Куда её нелегкая унесла!

Но вот в его руках оказалась бутылочка с бурой жидкостью. Дед вытащил пробку, понюхал и стал пропитывать тряпицу. Обмотав ею Яшкину ногу, он весело сказал:

— Ну, вот и порядок! Дня через три будешь бегать. Где это тебя угораздило?

Яшка принялся рассказывать, а когда умолк, дед поглядел на меня удивлённо и хмыкнул:

— Гляди ты! Неужто от самой вершины тащил? Как же ты смог?

Я только пожал плечами. Поутру, выйдя во двор, я увидел бабку. Она топталась возле костра, помешивая большой поварёшкой в казане. Я в нерешительности постоял, потом подошёл ближе и спросил:

— Долго Яшке лежать?

— Да уж придётся. Если нет перелома — с недельку. А если есть... — она вздохнула и поглядела на меня. — А ты, может, домой вернёшься?

— Как домой? — удивился я. — Жалко Яшку. Скучно ему будет одному.

— Спасибо, Павлуша, — растроганно промолвила бабка. — Спасибо, милок. А уж я...

Но так и не договорила.

Дед смастерил для Яшки костыли, под навесом устроил лежанку. Только разве удержишь в общем-то здорового мальчишку в постели? В гору, конечно, на одной ноге не уйдёшь, но на берег речушки мы с ним выбрались.

Речушка маленькая, перекатывается по камушкам, журчит и ослепляет солнечными зайчиками. Я сбегал на пасеку за лопатой и принялся углублять дно. Получилась небольшая яма, в которую Яшка плюхнулся животом. Из воды торчали только его голова да

забинтованная нога...

Вскоре нога у Яшки зажила, и мы вернулись в посёлок. Там меня ждало письмо из железнодорожного техникума. Мои документы приняли. Надо было выезжать на экзамены.

Яшка провожал меня до самого перевала через хребет. А там, когда стали прощаться, дрожащим голосом вопросил:

— Ты уж летом приезжай. На каникулы. Как я тут без тебя...

Однако приехать мне не удалось. Началась война. Пришлось всё лето проработать на строительстве бараков для эвакуированных, а в сорок третьем я сам добровольцем ушёл на фронт.

Правда, повоевать мне довелось недолго. Уже через год, после тяжёлого ранения, я вернулся в посёлок и первым делом отправился к соседям узнать о Яшке.

Я по привычке перелез через изгородь и, опираясь на трость, вошёл в избу. Навстречу мне поднялся дед. Его трудно было узнать. Из могучего старичины он превратился в костлявого худого старца. Подслеповато щурясь, он некоторое время разглядывал меня. Узнал, но радости не выразил, отступил к лавке и сел.

— Проходи, — пригласил меня. — Отвоевался?

— Да. По ранению.

Дед покивал головой, потом с горечью сказал:

— А Яша не вернулся. Когда ушёл на войну, старуха, хоть от веры в Бога и отошла, а тут иконы завела. Свечи постоянно ставила. Да что толку. Убили Яшу. Похоронка на него пришла. Видел бы ты, как убивалась старая... Нахлынет на неё, выскочит во двор и давай махать топором. Два огромных сутунка[24] в щепы изрубила. Умается так, затихнет на какое-то время, а потом опять. Вскорости и умерла.

Дед оглянулся на стену, и там я увидел нашу фотографию, которую мы с Яковом делали ещё на пасеке, — ту самую, где небо и лица были чёрными, а лес белым...

Вопросы:

1. Что значит выражение «неразлучные друзья»?
2. Можно ли так назвать мальчиков? Докажи.
3. Смогла ли война разрушить настоящую дружбу?

Леонид Конторович

(1901-?)

КОЛЬКА И НАТАША

(отрывок)

Над Волгой раздавался весёлый звон топоров, визг пил.

По всему берегу, куда ни бросишь взгляд, у вмёрзших в лёд барж и плотов копошился народ. Людей много. Одни пилят брёвна, другие колют, третьи складывают дрова в клетки. Большая группа рабочих железнодорожного депо — путейцы и вагонники — разбивают старые баржи.

Нелегко вырубать брёвна из льда. Но Колька, Наташа и несколько ребят так же, как и взрослые, трудились без устали.

Мальчики были с улицы, где когда-то жил Колька. Он с ними заранее договорился.

Один из них — Вася, самый маленький, восторженно воскликнул:

— Мы сделаем столько, столько — здорово сделаем!

Настроение у всех было приподнятое. К этому располагала и ясная морозная погода, и большое количество людей, добровольно пришедших на субботник.

Работами распоряжался Глеб Костюченко. Он успевал побывать во многих местах. Одному даст совет, другого отругает, третьего шуткой подбодрит.

Только и слышно было:

— Глеб Дмитриевич! Товарищ Костюченко!

Другой бы изнервничался, сбился с ног и вскоре вышел бы из строя. А матрос словно окунулся в родную стихию и, ни секунды не отдыхая, трудился напряжённо и радостно.

— Флотцы, а флотцы, — кричал он рабочим лесопильного завода так громко, что за версту было слышно, — флотцы, ни одного брёвнышка не оставим Волге-матушке, всё — госпиталям и пекарням!

«Флотцы» так же шутливо отвечали:

— Есть, товарищ капитан!

— Что вы, братцы, да какой я капитан? — подмигивал матрос и отодвигал бескозырку почти на самый затылок, вызывая восхищение мальчишек, из которых не один ломал себе голову, каким образом держится у Глеба головной убор.

В душе, понятно, Глеб был весьма польщён тем высоким званием, которое ему присвоил народ.

Один из рабочих с наивной серьёзностью спросил:

— Удивляюсь, как у вас, товарищ моряк, уши не мёрзнут.

— Военная тайна, браток, но по секрету могу сказать: снегом растираю...

...Матрос подошёл к ребятам. Он весело поздоровался с ними: «Здоровы, молодцы» — и, заметив, что Наташа никак не может попасть топором в одно и то же место, сказал:

— Дорогу старому дровосеку. Погоди-ка, Наташа, отойди в сторону, — он решительно взял у неё топор и легко, словно играя, отбил лёд с одной стороны бревна. После этого, быстро постукивая топором, обошёл вторую сторону, подсунул лом, и бревно с сухим треском выкатилось изо льда.

— Так держать! — скомандовал он и, нахлобучив одному, другому шапки на лоб, пошёл к красноармейцам.

Колька трудился изо всех сил. Несмотря на холод, на лице у него выступили капельки пота.

Приведённые им Миша и Боря освоились с делом. Хуже было с Васей. Маленького роста, с заострённым от недоедания лицом, он очень скоро уставал, тяжело дышал. Видя, как Борис, высокий, худощавый, почти безотрывно отбивал брёвна, а Миша, белобрысый паренёк, одетый в материнское, широкое в плечах, пальто, с залихватским видом при каждом ударе топора ухал и даже сбросил матерчатые рваные рукавицы, — видя всё это, Вася тяжело переживал своё отставание. Он часто дышал на замёрзшие пальцы и с горечью признавался:

— Ничего не получается!

Колька его успокаивал:

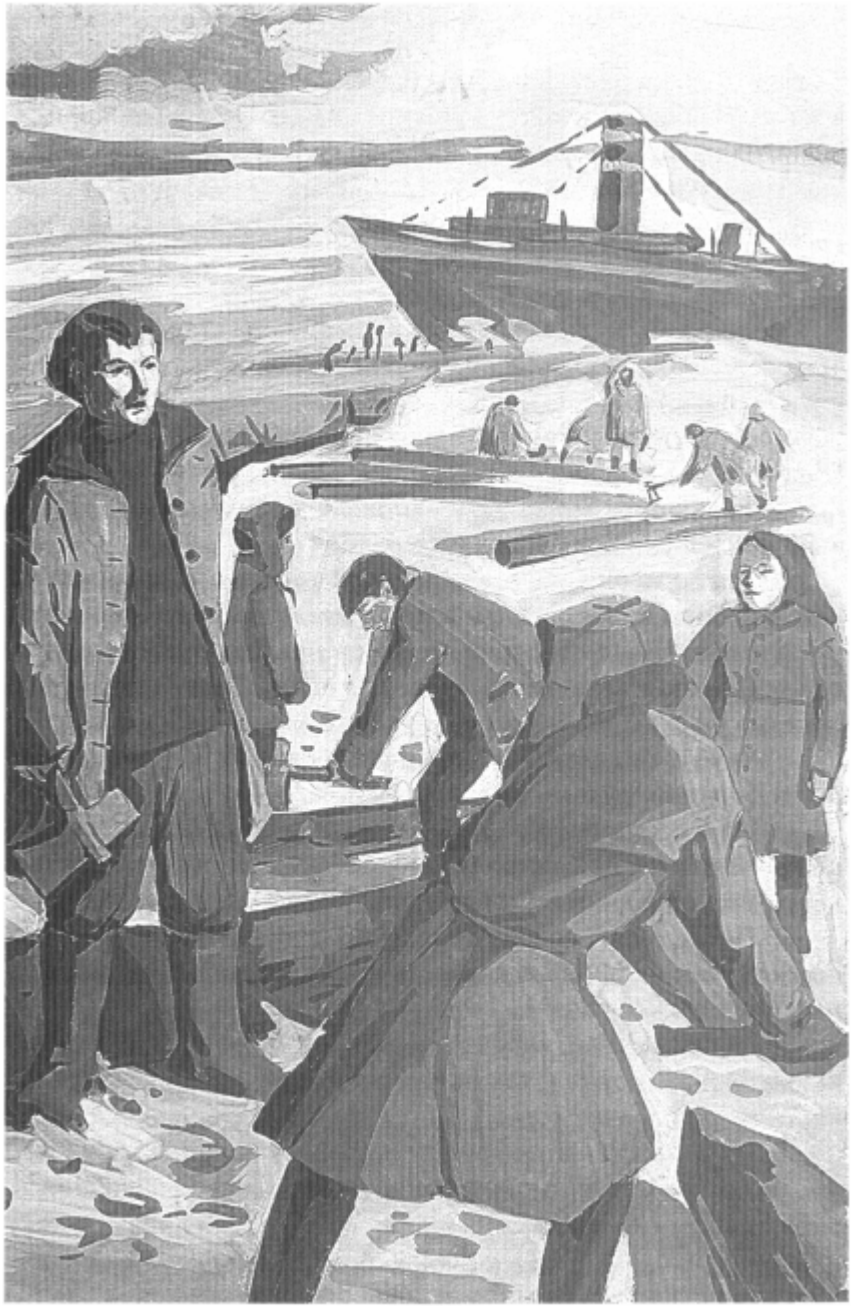
— Пойдёт, увидишь, Вася, наловчишься!

— Верно, верно, — пряча волосы под старый шерстяной платок, поддерживала его Наташа. После того, как вырубили около двадцати брёвен, Колька объявил перерыв, и усталые, но довольные ребята присели отдохнуть.

Самые приятные минуты. Можно беззаботно, с чувством заслуженного отдыха, немножко поболтать и повеселиться.

Мальчики разговорились. Вася был очень удручён своими неудачами. Борис решил подбодрить его. Терпеливо и настойчиво поучал он молчавшего мальчика:

— Не унывай, чего нос повесил? Ну вначале ни тпру ни ну.



Не пошло — эка беда. Стал бы я нос вешать! Ты послушай меня, Васька. Не бойся ты топора: вцепись в него покрепче, приподними, нацелься, да как жахни во всю силу. Бревно напополам. Ей-богу, сразу напополам.

Борис схватил топор и проделал три-четыре взмаха в воздухе.

— Видел? То-то же. А ну, повтори, хлопче, да смелее!

Маленький Вася, следуя его примеру, схватил топор и изо всех сил ударил в стоявшую чурку. Та разлетелась, как расколотый орех.

Все ахнули, особенно были потрясены Вася и его учитель Борис.

Колька осмотрел топоры. У Миши он притупился. Колька взял его и с укоризной покачал головой:

— И что ты, Мишка, всё ухаешь да ухаешь... Как филин какой. Мог бы и полегче, топоры-то чужие, возвращать придётся.

Он развернул свёрток, лежавший около бревна, достал осёлок[25] и стал затачивать лезвие топора. Сразу посыпались советы.

— Наискось давай, честное слово, наискось, — клялся Борис и бил себя руками в грудь.

— Поплюй на осёлок, да не жалей, слышь, что говорят! — оживился Вася, почувствовавший себя после своего могучего удара не последним в этой группе.

— Ты бы, Коля, сверху вниз, — признавая свою вину, осторожно говорил Миша и даже приподнялся на носки, показывая, как следует точить.

— Не слушай его, хлопче! — надрывался Борис. — Ты, Мишка, не лезь, испортил, так не суйся. Давай, Колька, наискось, честное слово, наискось.

В эту ответственную минуту на берегу появился Генка.

Заметив Кольку в окружении товарищей, он напустил на себя храбрый и независимый вид.

Приход его был отмечен взрывом возгласов:

— Минор идёт, ишь, как форсит.

— Плывёт, как лодочка, — шумели друзья Кольки.

Генка даже глазом не моргнул. Держа во рту подобранный на улице огрызок папиросы и презрительно улыбаясь, он медленно приблизился к Кольке. Он подражал портовому забияке. На самом деле Генка был далеко не из храброго десятка.

С минуту в воздухе царила напряжённая тишина:

— Наше вам почтение, шпингалеты, — презрительно оттопырив нижнюю губу, снизошёл наконец Генка. — Что раскудахтались?

Колька молчал. Появление Генки предвещало драку, а ему было сейчас не до неё.

Генка вызывающе пустил в лицо Кольке клубы дыма.

— Бросай топор и осёлок. Померяемся.

Вёл он себя вызывающе, убеждённый в своём превосходстве над Колькой.

Колька закашлялся, отмахнул рукой дым. Рядом с ним стал

Мишка.

— Ты что, Минор, привязался!

Ребята как по команде сгрудились около Кольки и Генки.

Раздались воинственные выкрики:

— Музыкант несчастный!

— Бей его!

— Давай проучим зайца-кролика.

Крупными шагами к ним приблизился Борис.

Готовый вот-вот броситься на Генку, он нервно мял снежный ком.

— Сейчас же укатывайся, слышишь, хлопче. Живо!

Генка струсил:

— Значит, все на одного, эх вы, головастики, — побледнев, отступил он.

— Сейчас узнаешь, вобла, — Борька с силой замахнулся. Но его руку перехватил Колька.

— Пусти, говорят, — горячился, вырываясь, Борис, — я ему покажу, где раки зимуют, он у меня, несчастный музыкант, узнает, как задирать. Пусти, слышишь, Колька, а то, ей-богу, и тебе влетит.

Колька, оттолкнув его от себя, сурово нахмурил брови.

— Подожди, Борис, не к тебе Минор пришёл, — и круто повернулся к Генке. Лицо у Кольки побледнело, шлем сбился на сторону. Огромным напряжением воли заставил себя сдержаться, чтобы тотчас же не проучить распоясавшегося хвастунишку.

— Минор, — тихо проговорил он вздрагивающим от душившего его гнева голосом, — от стычки не отказываюсь. Но, ты сам видишь, народ кругом.

Генка понял положение Кольки и, злорадствуя, зашумел.

— Ага, испугался!

— Я испугался! — возмутился Колька. Взгляд у него потемнел. Кулаки сжались. — Молчи, слышишь, замолчи! — и он толкнул Генку.

— Ребята! — прогудел голос матроса. — Ребята, что у вас там такое шибко бурное затевается? Никак драться задумали? Смотрите, а то всех на берег спишу!

— Нет, — помолчав, откликнулся Колька, — это мы так!..

Колька остыл. Драться он не станет. Во всяком случае здесь. Он примирительно подал Генке запасной топор:

— Успеем ещё... Бери, потягаемся, кто больше сделает...

...Генка, стараясь угадать, шутит ли Колька или издевается, с недоумением вертел в руках топор...

...Все занимались своим делом.

Вот Миша с особенным остервенением громко заухал. Вот

Вася после нескольких ударов в минутном отдыхе разогнул спину. Недовольный Борис, красный и потный, откатывал ломом большущее бревно.

Генку упорно никто не замечал. Ладно! Он засвистел и вяло ударил топором по льду. Ишачить он не собирался. Всё-таки он сын музыканта, а не крючника.

Колька неодобрительно посмотрел на него. И зачем мне понадобился этот музыкант? Что он фасонит? Прогнать бы Минора, да с треском. А может быть, ещё раз поговорить с ним, попытаться ещё раз...

...Колька, понизив голос, с раздражением говорил:

— Уходи, я с тобой по-хорошему, а ты... бросай топор, уходи, слышишь, уходи.

— Вот и не заставляй, нечего, — ворчал Генка. — А насчёт топора — захочу, так запущу, что и концов не сыщешь. Понял?

Колька отступил, глубоко набрал воздух и деланно безразлично махнул рукой: как хочешь, мол.

«Значит, и в самом деле надо мною никто не подшучивает», — подумал Генка и сперва неохотно, но постепенно всё более увлекаясь работой, застучал топором, жмурясь от ледяных брызг.

«Подумаешь, — яростно орудуя топором, размышлял он, — подумаешь, велика наука колоть дрова, вот посмотрим, кто ещё позади останется».

...Солнце высоко поднялось над широкими просторами реки. Удивительно чист был воздух. Далёкий противоположный берег с рыбачьими посудинами казался почти рядом. Хорошо просматривались колокольни деревянных церквушек, расположенных по обыкновению на возвышенных местах, а ближе — тёмные деревья с обнажёнными ветвями. Ветерок с Каспия доносил солоновато-горький раздражающий запах моря.

Судостроители, железнодорожники, ловцы, домашние хозяйки торопились поскорее управиться с порученным делом...

Вопросы и задания:

1. Что произошло у ребят на субботнике?
2. Выручила ли ребят их дружба? Докажи.
3. Составь план рассказа и перескажи его.

Анатолий Дементьев

(1921)

СКАЗКА ЗИМНЕГО ЛЕСА

Сибирскую косулю у нас на Южном Урале обычно называют диким козлом, а чаще просто козлом. Встретить косулю трудно, не в каждом лесу она есть, надо знать места, где обитает это пугливое и осторожное животное.

Но бывают случаи, когда косули, спасаясь от преследования волков, забегают в деревни, ищут защиты у человека. В тяжёлые месяцы зимней бескормицы они также стараются держаться поближе к человеческому жилью, выходят к стогам сена вблизи леса. Увидев хотя бы раз косулю, вы навсегда запомните встречу с ней. Косуля — грациозное животное, буро-серой окраски зимой и рыжей летом, с белым пятном сзади — зеркальцем, как говорят охотники. Голову козла венчают небольшие красивые рожки. Бродят косули большей частью в лиственных или смешанных лесах небольшими группами, иногда парами и в одиночку...

— Раньше-то, бывало, — рассказывал мой дед, — этих самых козлов по здешним местам водилось не меньше, чем зайцев. Выйдешь в лес за деревню и обязательно увидишь следы. Пройдёшь подальше, глядь — и рогач выскочил, да не один. А теперь днём с огнём не разыщешь. Совсем не стало зверя. А всё браконьеры.

В Челябинской области охоту на косуль разрешили только в последние годы, да и то в немногих районах и на короткий срок. Причём охотнику надо иметь специальное разрешение — лицензию.

Среди охотников-любителей, наверно, мало найдётся таких, кто бы отказался участвовать в редкой и интересной охоте на косулю. Поэтому, когда в октябре 1951 года на Южном Урале дозволили отстрел козлов, среди моих знакомых стала организовываться бригада любителей зверовой охоты. Я тоже примкнул к ним, больше из любопытства, так как об охоте на косулю знал только по рассказам.

Наша бригада из пяти человек дважды выезжала в леса в районе села Бродокалмак, но неудачно. Приезжая на место, мы приглашали знакомых сельских охотников и с их помощью начинали искать косуль. Половина стрелков становилась на

номера, как и при любой другой охоте нагоном, а остальные шли в загонщики. Они прочёсывали лес, постукивая и покрикивая, старались выгнать животных на линию огня. Потом стрелки подменяли загонщиков, а загонщики занимали места стрелков. При втором загоне прочёсывался другой участок леса. Несколько раз удавалось заметить косуль на далёком расстоянии, но пугливые животные уходили, минуя стрелковую линию...

И вышло так, что первая встреча с косулями произошла совсем неожиданно для меня, уже после двух таких выездов.

В один из воскресных дней я взял ружьё, лыжи и отправился в сторону озера Кременкуль. Думал покропить зайцев, если посчастливится. Ночью выпала отличная пороша, и на чистом, мягком, как нежнейший пух, снегу были хорошо видны следы лесных обитателей.

Я старался найти свежие, или, по выражению охотников, горячие следы беляков, но зайцы куда-то попрятались и, видимо, ночью, после пороши, не выходили кормиться.

Солнце уже прошло зенит и потихоньку стало спускаться к западу. Синеватые тени от деревьев на искрящемся снегу быстро удлинялись. Зимний день короток, часа через три-четыре начнёт смеркаться. До города было не близко, и я решил возвращаться, не желая ночью блуждать по лесу. К тому же мороз крепчал. По отлогому склону скатился в небольшую низину и собирался пересечь видневшуюся сквозь ветки деревьев поляну. И тут неожиданно я увидел косуль. Их было три: две стояли вместе, третья чуть поодаль.

Я замер на месте, боясь малейшим неосторожным движением выдать себя и спугнуть животных. Стоял как завороженный, стоял и любовался. И нельзя было не залюбоваться этими прекрасными созданиями природы, достигшей здесь удивительного совершенства. Пропорции и изящество всех линий животных были поразительны.

Припомнилась виденная давно картина какого-то художника, фамилию его я, к сожалению, не запомнил. Он изобразил точно такой же зимний лес, только залитый холодным лунным светом, а возле засыпанного снегом кустика — двух косуль, настороженно повернувших головы в сторону леса: вероятно, оттуда донёсся подозрительный шорох. Врагов у косуль немало, и единственное спасение от них — бегство. Позы животных передавали готовность мгновенно сорваться с места и, как вихрь, умчаться дальше от опасного места.

Бывают моменты, когда охотник уступает место человеку, которому великая природа говорит: смотри, любуйся, но не поднимай руку на эту красоту. Она создана для тебя, человек,

береги её.

Не знаю, у кого бы поднялась рука на этих косуль и спокойно послала бы смертоносный заряд. У меня она не поднялась...

Никогда раньше не охотясь на козлов, я ещё не успел заразиться желанием добыть редкий трофей, и это тоже, быть может, сыграло какую-то роль...

...Сколько прошло времени — не знаю. Может быть, минута, а может, десять. В таких случаях теряешь контроль. Косули, не подозревая о присутствии человека (слабый ветерок дул на меня), спокойно обкусывали мелкие ветки на деревьях. Внезапно все они разом повернули головы в мою сторону и замерли. Чем-то я себя всё-таки выдал, или ветер, чуть изменив направление, донёс до них тревожный подозрительный запах, предупреждая об опасности.

Секунду-другую косули ещё стояли не двигаясь. Потом, словно по молчаливому уговору, все повернулись к лесу, пересекли поляну и скрылись среди деревьев. Чудесная картина — сказка зимнего леса — исчезла.

Вопросы и задания:

1. Почему рассказ называется «Сказка зимнего леса»?
2. Составь план рассказа и перескажи его.

Виктор Савин

(1900-1975)

НАЙДА

— Папка, я собаку нашёл!

В руках у меня чёрный щенок. Мну его, ощупываю. Он ещё совсем маленький, мордастый, мягкий, шелковистый. Таращит на меня глаза. А глаза у него будто виноватые, маслянистые.

— Где ты его взял, Сергей? — спрашивает отец.

— На улице, у кинотеатра. Бежит за мной, ласкается.

— Ну, вот и отнеси туда. Хозяин, наверно, с ног сбился, ищет собачонку. Нехорошо брать то, что не твоё.

— Да он, папка, беспризорный. За всеми гоняется, а никто его не возьмёт, не пожалеет. Он голодный, покормить надо.

— Ну, накорми.

Я всё-таки уговорил отца. И щенок остался у нас. Смастерили ему на дворе конуру, привязали на шнурок. Поставили две миски: одна — с водой, другая — с едой. Мальчишки со всей улицы приходили посмотреть мою собаку. И все завидовали мне. Ведь ни у кого из них нет такого щенка!

Отец помог мне придумать имя собаке, а потом будто и забыл о ней. У него были свои две, охотничьи: легавая и гончая. И жили они в избе без привязи. Спали на мягких подстилках. А моя собака была беспородная, отец говорил, что она помесь сеттера и дворняжки. У глаз, на груди и на лапках у неё рыжие подпалины. Но мне ладно и такая. Мне рано ещё на охоту ходить. Зато на городской пруд, на реку, в горы моя Найда всегда следовала за мной. Она быстро подрастала и становилась очень понятливой.

Как, бывало, отец, я начал её обучать всяким премудростям: отыскивать спрятанные вещи, приносить брошенную щепку, подавать голос, когда ей покажешь кусочек сахару или хлеба. Команды «ищи», «дай», «сюда», «проси» она уже знала назубок. Потом стала понимать приказы «вперёд», «назад», «к ноге», «в воду». Вначале всё это она делала, конечно, за плату: за сахар, за конфеты, за колбасу. А после оставалась благодарна и за то, что я ласково поглажу, потреплю её по спине. В ответ на это она помахивала хвостом, тяжёлым, как пихтовая ветка, глядела мне в глаза и словно говорила: «Приказывай ещё, я готова сделать для тебя всё». И тут же прыгала с лапами ко мне на грудь, стараясь

лизнуть в лицо.

Это была первая ступенька в обучении Найды, ставшей уже взрослой. Но я хотел сделать её необычной, отменной собакой, какой не было ни у кого в нашем городе.

Дружил я в ту пору с Андрейкой Чернопятовым, худым, высоким, рыжим, как таракан. Учились мы с ним в одном классе. Он пятёрочник по всем предметам, ну, а я хватал тройки по математике, по физике. Что-то не лежала душа к этим наукам. Мне часто приходилось обращаться к товарищу за помощью. А жил он от нас не очень близко. С каждым вопросом не побежишь к нему. Про меня и дома-то говорили, что я не по годам толстый и ленивый. Вот я и решил приспособить Найду в посыльные. Долго ломал голову над этим. И всё же придумал.

Как-то пришёл ко мне Андрейка. Мы иногда вместе с ним натаскивали Найду.

И вот снова взялись за её обучение. Достал я из кармана авторучку, вырвал из блокнота листок, нарисовал на нём, так, для смеха, чёртика и сказал собаке:

— Найда, это записка. Её нужно доставить по адресу и принести ответ. Понятно?

Собака вильнула хвостом. Я прикрепил бумажку к ошейнику.

— А теперь вперёд!

И сам пошёл за ворота. Она меня обогнала.

У ворот команду перенял Андрейка:

— Вперёд, вперёд, Найда!

Я остался на месте, а мой товарищ пошёл за собакой.

У Чернопятовых она уже бывала не раз и взяла направление сразу туда.

Дома Андрейка отвязал бумажку от ошейника, дал её понюхать Найде, а потом попотчевал её сахаром, колбасой. Пока она ела сахар и колбасу, смаковала, облизывалась, просила ещё, усиленно работая хвостом, парень нарисовал на этой же бумажке ещё одного чёртика и прикрепил к ошейнику.

— Вот и всё, Найда. Ступай домой, вперёд!

Домой собаку и провожать не надо было за ворота. Кто не знает свой дом? Даже лошадь и та, зачуяв жильё, прибавит ходу, поспешит на конюшню, где ждут её кормёжка и отдых.

В этот день Найда одна сбегала по заказу с записками к Чернопятову раз пять, досыта наелась сахару и колбасы. А на другой день сама, только увидела, что прикрепили бумажку к ошейнику, кинулась стремглав со двора и помчалась к Андрейке.

Так собака стала связным между мною и Чернопятовым. С этого времени я зажил беспечно. Можно было на уроке кое-что и пропустить мимо ушей, не записать домашнего задания.

Андрейка — пятёрочник, он выручит, стоит только послать к нему Найду.

Затем я избавился от ходьбы в булочную. В ближайшем хлебном магазине работала Андрейкина мать. Я научил Найду ходить и туда. Дадут мне поручение сходить за хлебом, а я выйду во двор и дам хозяйственную сумку с застёжкой «молнией» в зубы своей учёной собаке. В сумке лежат записка и деньги.

— Ну-ка, Найдочка, сходи, пожалуйста, за меня в булочную.

И она бежит. Собаку с сумкой в магазин и даже за прилавок пускают беспрепятственно. Мама Чернопятова знает, что Найда — собака не обыкновенная, как все, а умная, чистоплотная и, понятно, не позволит себе чего-нибудь плохого.

Из магазина с хлебом Найда бежит не тротуаром, а посредине улицы. От всех встречных собак удирает стрелой.

Всё было хорошо. Но однажды моя Найда вернулась без сумки. Её преследовали три больших пса. Виновато поджав хвост, она нырнула в свою конуру и там затаилась. Я разозлился на чужих собак и прогнал их камнями.

А хлеб нам нужен был к обеду. Нужно было садиться за стол. Вот тут-то я призадумался. Как быть? Если отец узнает про случившееся, мне несдобровать.

Пришлось изворачиваться. В булочной мама Чернопятова дала мне хлеба в долг. А вот как быть с сумкой? Дома я сказал, что сумку у меня попросил Андрейка. Ему надо было что-то унести от мамы из магазина. На этот день я выкрутился перед домашними, но совершенно потерял покой.

Однако всё обошлось благополучно. Сумка оказалась в столе находок при милиции, куда Чернопятовы посоветовали мне обратиться. С той поры я закаялся посылать Найду одну в булочную. Хожу сам, иногда только позволяю ей нести сумку в зубах, идти рядом, по команде «к ноге». Иду так-то, и все встречные обращают на неё внимание, а мальчишки, девчонки, так те останавливаются, открывают рты. Дескать, вот какой помощник у толстого парнишки.

Вскоре моя собака стала, можно сказать, знаменитой. Андрейка везде хвастался Найдой. Вот, мол, у нас с Серёжкой собака так собака. Мировая! Мы её выучили, и она понимает всё, как человек. Говорить только не может. А делает то и то. Даже в магазин за хлебом ходит... И про Найду пошла слава в школе, на улице, по всему городу.

Как сейчас помню вечер. Мы сидели за ужином. Отец и спрашивает:

— Правда, Сергей, что ты посылал Найду в булочную, а сам отсиживался дома?

«Ну, — думаю, — началось!» Потупился и отвечаю:

— Правда.

— Гм!.. Что, она у тебя очень понятливая?

Смотрю на отца. Усмешки у него на лице не видно. Ободрился и говорю:

— Она, папа, очень умнущая, моя Найда.

— Умная, а не умнущая. Грамотей! Ну, рассказывай, чему ты её научил.

Я обрадовался этому разговору. Папа всегда хвалится своими охотничьими собаками перед сослуживцами и приятелями. Тут же, на деле, показывает их «работу», а моей Найды будто и на свете не существует. Меня это сильно задевало.

Может, поэтому я и взялся с азартом обучать Найду, чтобы она была не хуже легавой и гончака.

— Она у меня, папа, знает и выполняет все команды, какие ты даёшь своим породистым собакам. Только я учу её по-русски, а не по-твоему, не знаю по-каковски. У тебя команды: «шарш», «пиль», «тубо», а у меня — «ищи», «возьми», «нельзя»... Моя Найда даже в посыльных работает, вроде почтальона. Мои записки носит к Андрейке, а от него — ко мне. Ну, и за хлебом тоже ходила с сумкой... Хочешь, я тебе покажу всё, что она делает? Хочешь, а?

— Ладно, завтра покажешь, — говорит отец. — Уроки учить — так ты ленивый, а с собакой возиться тебе не надоедает.

Посмотрел отец «работу» Найды на дворе на другой день, а потом заявил:

— Я её испробую на охоте.

Было это в начале сентября. Прихожу из школы. Ну понятно, прямо к конуре. Найды нет, на земле валяется цепочка. Значит, отец ушёл с моей собакой на охоту. У него отпуск. Нарочно приурочил к началу охотничьего сезона.

Вернулся отец с дичью. Кругом обвешался утками-кряквами, большими, жирными.

Не было Найды в конуре и в последующие дни. Смекаю: «Ага, выходит, и для охоты собака дельная».

— Ну как, папа, Найда? — спрашиваю вечером отца, когда он выкладывал уток на стол.

— Молодчина! — отвечает. — Отлично шурует по камышам. Выгонит утку, а убьёшь — из воды достанет, принесёт. Цены нет такой собаке. Надо её испробовать ещё по боровой дичи.

Отпуск у отца четырёхнедельный. И я почти на целый месяц был разлучён со своей посыльной. Пришлось к Андрейке ходить самому.

Оказывается, и по боровой дичи Найда идёт на пятёрки. Отец говорит, что у неё верхнее чутье, ходит в поиске челноком,

прекрасно облаивает глухарей.

Однажды среди дня Найда прибежала из лесу с запиской. Развернули бумажку, а там: «Вышлите с Найдой патронов. Они в моём шкафу, в патронташе. Двадцать четыре штуки. Напал на тетеревиные выводки. Вернусь завтра. Привет из лесной избушки на Большой елани».

Собака доставила патроны по назначению. А вернувшись, отец сказал:

— Ну-с, Сергей Трофимович, придётся вам расстаться со своей посыльной. Извольте ходить к Андрейке сами. Разминочка вам полезна. Своего легаша я со двора метёлкой. А Найда будет моя.

Меня словно по затылку ударили.

Хватаюсь за соломинку:

— Она же, папа, непородистая.

— Всякое бывает, сынок!

Отца разве переспоришь. Так я лишился моей Найды. Из конуры она перекочевала в квартиру, на мягкую подстилку. Собаке хорошо. А мне-то каково?

Прошло два года. Теперь я не обижаюсь, что папа отобрал у меня собаку. И вот почему. Недавно Найда прибежала из лесу одна. Принесла сигнал бедствия. Отец, видимо, превозмогая боль, нацарапал на лоскутке бумаги: «Сломал ногу. Потерял много крови. Нахожусь у Серебряного ключа под горой Медвежьей».

И вот мы с Найдой каждый день ходим в больницу за город. Шагаем рядом. Я налегке, а собака несёт хозяйственную сумку с гостинцами для отца.

Вопросы:

1. Как Найда появилась в доме?
2. Чему Сергей её научил?

Нина Цуприк

(1914-?)

ЧАЙ С МЁДОМ

(в сокращении)

...Колхозный пчеловод Василий Андреевич, или как называли его ребята, дядя Василий, осматривал ульи. Возле его ног стоял дымарь. Это была конусообразная коробка, сделанная из жести, с круглым отверстием для дыма вверху и маленькими мехами сбоку.

Старик, обутый в мягкие войлочные шлёпанцы, доставал из улья прямоугольные рамки, затянутые дырчатыми сотами. По сотам ползали пчёлы, и дядя Василий поминутно отгонял их струйкой дыма из дымаря.

Пчёлы не спеша ползали по рукам дяди Василия, его спине, лицу, не защищённому сеткой. Движения пчеловода были плавными, спокойными. Любитель поговорить, он и с пчёлами не молчал.

— Куда, куда, ты, глупышка! Придавлю и не пикнешь. И дух из тебя винтом. Ну вот, в бороду поползла, — бормотал он, не замечая ребят.

— Как это они его не жалят? — шёпотом спросил ребят любознательный Венька.

— Жалят... Да он, видно, привык. Даже сетку не надевает. Он говорил недавно в правлении колхоза, что пчелиный яд к нему привился, — так же шепнул товарищу сведущий во всех делах Лёшка.

В это время пчеловод подошёл к улью, возле которого находились ребята, и открыл крышку. Вокруг загудели пчёлы.

— Ай, укусят! — закричал Федюнька, отчаянно отмахиваясь руками. Он согнулся и спрятал лицо в коленки. Отмахнулся от назойливой пчелы и Лёшка. Только Венька стоял спокойно, не шевелясь.

— Это что за гости? Я вроде вас не звал, — оторвался от своего занятия дядя Василий. С некоторых пор он недоверчиво относился ко всем мальчишкам. Произошло это после того, как в прошлом году какие-то озорники, пытаясь полакомиться мёдом, опрокинули улей и поломали соты.

— Мы, дедушка, смотрим, что вы делаете, — ответил за всех

Венька, смущённо улыбаясь...

...Старик неожиданно чихнул несколько раз подряд.

— Будьте здоровы, дядя Василий! — сказали ребята и придвинулись к нему поближе, видя, что дед сложил ноги калачиком и приготовился что-то рассказывать.

— Помню, мальцом был, таким, как вы, — начал он, поглаживая седую бороду. — Провалился весной в полынью и простудил ноги. Бойкому-то везде клин да яма... Ребятишки на полянке в шаровки играют, а у меня коленки разнесло — не ступить. Лежу это я, стало быть, на полатях да охаю. Отец, он в те поры две семьи пчёл держал, слушал, слушал да и говорит: «Хватит охать, пойдём лечиться». Пошёл я за ним в огород, где ульи стояли. Поставил он меня возле летка. «Стой, — говорит, — не шевелись». Да ка-ак стукнет кулаком по улью! А пчёлы шума не любят, взбунтовались и давай меня жалить, облепили всего. Я реву, а не шевелюсь. «Беги теперь!» — кричит отец. С той поры и хворь прошла. Бегаю, как молодой.

— Да вот оно! — и старик сковырнул ногтем с тыльной стороны ладони крошечное пчелиное жало, похожее на колючку шиповника, и показал его ребятам. — А это пузырёк, в котором пчелиный яд. Он так и вырывается вместе с жалом из пчёлки.

— И пчёлка уж больше не укусит? — спросил Лёшка.

— Нет, малец, не укусит. Умрёт она. Так уж ей на пчелином роду написано...

Ребята молчали. Рассказ деда очень заинтересовал их. А пчёлы повсюду гудели, стремительно летая взад и вперёд.

— Работают. Запасы на зиму носят... Радуются тёплым дням, — сказал, словно про себя, пчеловод, следя за своим многочисленным семейством.

— А что они носят? Мёд? — спросил Венька.

— Сок из цветов, такой сладкий-сладкий. Нектаром он называется. Слыхали, может? А уж из него пчёлы и мёд делают, — ответил старик...

...Дядя Василий был рад, что у него появились такие любознательные слушатели и хорошие помощники. Особенно интересовался жизнью пчёл Венька.

— А кто им соты делает? — спрашивал он.

— Сами пчёлы. Кто же ещё? Тут, брат, как в хорошем колхозе, никто без дела не сидит. У каждой своя работа. Одни собирают пластинки из воска, что сами же выделяют. Другие лепят из этих пластинок ячейки, в которых они и запасы хранят, и деток выращивают.

— Вы поглядите, какая работа! Все ячейки, как одна, ровные да аккуратные, — говорил дед. — Гляньте, чистота какая —

залюбуешься! Что у хорошей хозяйки в избе: ни соринки, ни пылинки.

— Дядя Василий, а почему они крылышками машут? Летать учатся? Тренируются? — не унимался Венька, наклоняясь к летку.

— Которые? А, эти! Нет, мальцы, это они свежий воздух гонят в улей, чтобы их детки не задохнулись. Вроде как бы вентиляторы, — ответил пчеловод.

— А эти, которые выстроились? Отдыхают, наверно? — заметил Лёшка, указывая на пчёл, неподвижно сидевших на летке.

— Не угадал, сынок. Это сторожа, охрана стоит на посту. Они своё гнездо от чужих пчёл да шмелей стерегут, если тем вздумается даровым медком полакомиться.

— У них даже штукатуры имеются, — продолжал пасечник. — Как же! Вот, видите: столяр сделал улей, да не доглядел, трещинку в стенке оставил. Пчёлы живо её замазали клеем. Этот клей они весной с берёзовых почек собирают. Прополис называется.

— А как они мёд делают? — Этот вопрос больше всего интересовал Веньку.

— Это дело нелёгкое. Сперва пчёлки-сборщицы вытягивают из цветов сладкий сок хоботками и набирают его в зобик. В улье сборщицы отдают другим пчёлкам, приёмщицам. А те разбрызгивают его по ячейкам, потом заглатывают и в другие ячейки переносят. Так по несколько раз. Думаете, почему они вроде такой бестолковой работой занимаются? Не-ет, в работе этой большой толк! Сок становится густым, влага из него испаряется. Потом, когда ячейки наполняются доверху, пчёлы их наглухо запечатывают восковыми крышечками. В сотах мёд хоть сто лет простоит, ничего ему не сделается...

...Неожиданно послышался неясный шум. Пчеловод насторожился, тревожно оглядываясь по сторонам.

— Ай-ай-ай! Батюшки мои! Заболтался я с вами, рой ушёл! Совсем ушёл! Изъян колхозу! — и он побежал к сторожке возле пасеки.

— Мальцы! Не упускайте пчёл из вида! Возьмите ведёрко, вон на колышке висит. Воды зачерпните в речке... Да веником брызгайте вверх, будто дождь. Они боятся...

Ребята едва поняли, что от них требовал пчеловод. Посмотрев вверх, они сразу сообразили, в чём дело. Прямо над их головами, почти касаясь верхушек деревьев, кружась, пролетали пчёлы. Их было много, они летели к реке густым клубком, похожим на тёмное облачко.

Теперь командование на себя взял Венька.

— Лёшка, ты воды в речке зачерпни! Федюнька, веник наломай и за мной! А я за ними побегу, — распорядился он и помчался за пчёлами, помня наказ дяди Василия...

...Вскоре мальчик догнал пчёл. Они летели то снижаясь, то поднимаясь вверх, словно плыли по волнам.

— Я тебя потерял... потом на пашне след увидел... — услышал Венька сзади себя тяжёлое прерывистое дыхание Лёшки. Лёшка пыхтел, отдувался, обтирая рукавом лицо. В одной его руке было пустое ведро, а в другой свежий берёзовый веник. Воду он расплескал по дороге.

А пчёлы всё летели вперёд и вперёд.

— Дождя бы... Где-то тут болото было... Ты поищи, а я за ними дальше побегу, — распорядился Венька. Лёшка нашёл болото, зачерпнул воды между кочек и догнал товарища. Ребята принялись разбрызгивать с веника воду вверх, создавая «дождь».

Тем временем рой быстро поднялся вверх и так же быстро опустился, начав кружиться около ствола высокой кривой берёзы.

— Садятся, — прошептал Венька, едва переводя дух, — «дождя» испугались...

...Вот вдали показалась белая рубаха пчеловода. Дядя Василий старческой рысцой бежал по полю, нагруженный всевозможным инструментом. За ним тянулась кудрявая струйка голубого дыма из дымаря.

...— Теперь будем снимать. Да ведь мне, старому, туда не забраться, прыть-то уж не та. А лесенки нет. Вот беда... Придётся вам, мальцы. Друг дружке на плечи становитесь. Кто — самый смелый? Пчеловодом-то кто хотел быть?

— Я, дедушка... Нет, дядя Василий! Я весом полегче, — вызвался Венька и даже подпрыгнул на месте, доказывая, что говорит правду.

— Засучи рукава-то. А рубаху в штаны заправь. А то пчёлы за пазуху полезут. Да ты не бойся, роевая пчела смирная, не укусит. Только сердить её не надо. Становитесь сюда, мальцы! Так! Полезай теперь.

Когда Венька вскарабкался на плечи товарищей, дед с сожалением заметил:

— Эх, росточком не вышел, маловат. Ну, ничего, попробуем. На-ка роёвню, повесь за петельку на сучок, — и он протянул мальчику холщёвый мешок с клапаном, натянутый на деревянные обручи. — Вот черпачок. Снимай их смелее и в роёвню стряхивай. А я дымить буду.

Над головой Веньки жужжали и копошились пчёлы. Ой, сколько их! И у каждой острое ядовитое жало! А что если все начнут жалить? От этой мысли у мальчика даже коленки

задрожали. Он от страха крепко зажмурил глаза и уже готов был спрыгнуть на землю.

Но медлить нельзя, и будущий пчеловод, отогнав страх, принялся за работу. Роевня висела высоко, а пчёлы сидели ещё выше. С большим трудом мальчику удавалось захватить черпачком немного пчёл. Половина из них скатывалась по черенку прямо ему на руки. В роёвню попадали лишь немногие, да и те вылетали обратно. Они садились на прежнее место или тучей носились вокруг дерева. Казалось, этой бесполезной работе не будет конца. Впервые в жизни Венька был раздосадован на свой малый рост. Но он терпеливо продолжал снимать злополучный рой.

— Ничего, малец, ничего. Они скоро сами туда пойдут, — утешал старик мальчика.

Лёшка с Федюнькой стояли неподвижно и крепко держали Веньку за ноги.

Нечаянно Венька толкнул головой роёвню, и она, сорвавшись с сучка, полетела на землю. Венька хотел было поймать её на лету, не удержался и упал вниз.

Со стороны это могло показаться смешным. Но ребятам было не до смеха. Растревоженные пчёлы набросились на них и начали беспощадно жалить. Рой снимался с дерева.

— Ой! — вскрикивали мальчики, хватаясь руками за ужаленные места и морщась от нестерпимой, обжигающей боли.

— Нате-ка, потрите луковым соком, сразу полегчает. Я на всякий случай прихватил, — сказал дядя Василий, вытаскивая из кармана пучок зелёного лука. — Давайте покажу, — он размял ладонями несколько пёрышек и начал натирать Венькино ухо.

А рой продолжал сниматься.

— Вот беда! Отойдите, мальцы, в сторону, я их быстро успокою, — крикнул пчеловод и начал усиленно кропить пчёл водой. Понемногу рой снова начал садиться на прежнее место...

...Вдруг пчёлы сами пошли в роёвню.

— Матка в роёвню попала! Теперь их оттуда не выгонишь. Наша взяла! — ликовал пчеловод.

— Словили, — просиял своей обаятельной улыбкой Венька.

Радостные возвращались ребята на пасеку, горячо обсуждая события. Мальчики вновь забросали пчеловода вопросами.

— Вы нам про мамку расскажите, — приставал Венька.

— Не мамка, а матка, — поправил дядя Василий.

— Ну всё равно. Мамка лучше... Что она делает?

— Пусть будет мамка, раз так лучше. Ведь она мать и есть всем пчелам. Это вроде как их главная начальница. Они её берегут, ухаживают что за дитём, даже сами умывают и волосики

на брюшке лапками расчёсывают. А «мамка» ничего не делает, только, знай, яички несёт да в ячейки их складывает, в каждую по одному, чтобы новые пчёлы выводились. Она из улья-то редко вылетает, только на прогулку да с роем. Видели, каким клубком они летели вокруг неё, поддерживали лапками да крылышками. Тренировки-то у неё мало...

— А почему рой улетел? Почему ему в улье не сиделось? — задал свой первый вопрос Федюнька. После того, как он сам снял рой, и у него появился интерес к пчёлам, к их жизни.

— Тут вот какое дело, — снова завёл свою речь пчеловод. — Матка, или по-вашему «мамка», несёт яички. Из них выходят пчёлы. И вот им становится в улье тесно. Тогда «мамка» сносит яичко, из которого должна выйти вторая матка. А старая собирает с собой часть пчёл и вылетает с ними из улья. Это и будет новая семья.

Усталые, но довольные пришли они к сторожке. Солнце клонилось к вечеру. Надо было возвращаться домой.

— Э, нет, без угощения я вас не отпущу! И не думайте! Заходите в мои хоромы, гостями будете, — приглашал ребят пчеловод, открывая двери тесной сторожки. — А я в момент самоварчик раздую.

— Чай с мёдом! — воскликнул Венька...

...Когда все чинно уселись за стол, уставленный глиняными чашками с тягучим золотистым мёдом, дед с усмешкой посмотрел на ребят:

— А здорово вас мои пчёлки разукрасили, — и захохотал громко, раскатисто.

Посмеяться было над чем. Мальчики едва походили на себя — так их изжалили пчёлы. У Лёшки перекосило набок лицо, правый глаз его чуть выглядывал из распухших век. У Федюньки раздуло оба уха, и они смешно торчали в стороны. Но больше всех досталось, конечно, Веньке. Мало того, что оба глаза у мальчика почти были закрыты, у него были изжалены ещё и губы. От этого они стали очень толстыми...

...— Вас теперь и дома-то не признают... И ночевать не пустят, — продолжал подтрунивать пчеловод.

— Прижнают! Мы нажовёмся, — комично прошепелявил Венька. И снова раздался дружный смех...

...— Сотового отведайте, — усердно угощал дядя Василий своих гостей. — А ты не раздумал ещё пчеловодом-то быть? — лукаво подмигнул он Веньке.

— Не-е, я не раждумаю, дядя Василий. Вот вырасту, к вам приду учиться, — шлёпнул губами Венька.

...Мальчики расстались с дядей Василием как хорошие

друзья.

— Приходите ко мне, когда мёд будем выкачивать. Для всех работы хватит, — приглашал их пчеловод. — Правда, в ту пору пчёлы злые бывают. Кусу-учие... Да что пустое толковать. Вы теперь народ бывалый, стреляный, — и он снова хитровато улыбнулся, задрав кверху бородку.

Вопросы и задания:

1. Что нового о пчёлах ты узнал из рассказа?
2. Составь план рассказа и кратко перескажи.

Марк Гроссман

(1917-1986)

КИРЮХА

Утром ко мне постучали.

Вошёл дядя Саша и прямо с порога сказал:

— Подари Кирюху, сосед.

— Какого Кирюху?

Слесарь протиснулся на балкон, залез в голубятню и вытащил оттуда грязновато-серого, только что отпищавшегося голубёнка, купленного мной в прошлое воскресенье на рынке.

Голубёнок был с виду ужасно несуразный. Начиная с его немыслимого оперения, длинных красных ног и кончая коротким, как у цыплёнка, хвостом — всё в нём наводило на мысль о помеси вороны с курицей.

— Вот его подари, — сказал дядя Саша.

— Возьми, — усмехнулся я. — А зачем он тебе?

— Резать будет! — решительно заявил слесарь и, прищурив глаза, отодвинул голубя на вытянутую руку. Он повторял этот жест всякий раз, когда хотел всесторонне оценить птицу.

— Такие глаза не голубю, а волку положены, — продолжал мой сосед. — А это что-нибудь да значит!

Что именно это могло значить, едва ли знал и сам дядя Саша, но спрашивать его было бесполезно.

Он ушёл и унёс с собой Кирюху — буро-серого голубёнка с красными ногами и коротким куриным хвостом.

Дядя Саша принадлежит к племени голубятников, для которых голуби — это и спорт, и отдых, и любовь вместе взятые. Сколько я его знаю, у него ни разу не хватило терпения продержать голубя в связках до тех пор, пока тот обживётся на новом месте. Утром купив птицу, дядя Саша уже вечером развязывал её и, размахивая палкой с тряпкой, поднимал в воздух.

Девять голубей из десяти, конечно, улетали немедленно. Десятый не улетал или потому, что был маленьким, или потому, что у него были вырваны перья из крыльев, короче говоря, потому, что он не мог улететь.

Кирюха не избежал общего правила. На следующее утро я услышал свист и вышел на балкон. Дядя Саша стоял на крыше

своего домика и неистово размахивал палкой, к которой был привязан кусок его старой спецовки.

В воздухе длинными зигзагами, будто то и дело натыкаясь на препятствия, носился Кирюха. Летал он тоже не так, как все голуби — кругами или по прямой линии, — а так, точно его всё время дёргали на нитке вверх, вниз, вбок.

Но вот он вдруг пошёл по прямой — и мгновенно скрылся из глаз.

Дядя Саша приблизился к моему балкону, скосил глаза куда-то в сторону и грустно сообщил:

— Выписан из домовой книги.

— Бывает, — сказал я, чтобы окончательно не портить ему настроение. — Раз на раз не приходится.

В это время над нами раздался свист крыльев, и в воздухе рывками промчался грязновато-серый комок. Слесарь бросился к себе: выбрасывать голубей.

Но он не успел даже добежать до домика, как Кирюха плюхнулся на голубятню. Не сел, не спустился, а именно плюхнулся, почти вертикально опустив хвост.

— Ну, что я тебе говорил?! — торжествующе закричал дядя Саша. — Ведь сказывал я тебе: придёт Кирюха, а ты...

И хотя дядя Саша мне совсем другое говорил, я промолчал: в такие минуты лучше ему не возражать.

Каждый новый день Кирюха вытворял невиданные вещи. То он вдруг выскакивал из дворика и начинал бегать по шоссе, как курица, то штопором ввинчивался в небо и оттуда вниз хвостом валился на голубятню.

— Я так полагаю, — совершенно серьёзно философствовал дядя Саша, — что Кирюха от чёрта произошёл.

Одно было ясно — голубёнок недюжинный. Он умудрялся через очень сложные лабиринты дверок и дырок вылезать по утрам из закрытой голубятни. Он умел находить себе пищу в то время, когда другие голуби, нахохлившись, ожидали дяди Сашиной получки. Прожив всего неделю на новом месте, Кирюха отлично ориентировался в местности.

Обычно голуби, поднявшись в воздух, делают над домом правильные круги. Кирюха с другими птицами по кругу не ходил.

В тот день, о котором я хочу рассказать, дядя Саша выбросил Кирюху вместе со всей стаей. Остальные голуби, давно уже отлетавшись, чистили перья на крыше зелёного домика, а Кирюха всё ещё «мотался» невесть где. Надо полагать — колесил над городом.

Но вот он появился на своём кругу и уже стал замедлять полёт, понемногу опуская хвост, что было верным признаком его

желания явиться восвояси.

Мы с дядей Сашей внимательно за ним следили. В этот момент из-за низкой тучи вынырнул ястреб-тетеревятник. Хищник, летевший медленно, вдруг приготовился к нападению. Бесшумно работавшие крылья с огромной силой понесли птицу косо к земле.

Кирюха в тот же миг заметил смертельную опасность. Он рванулся вбок, потом нырнул куда-то между крышами и выскочил уже около моего балкона.

Но ястреб, надо думать, был старый опытный разбойник. Он точно повторил все движения голубя и, не взяв его с первого захода, взмыл вверх. Вот он замер в вышине, трепеща крыльями, точно пустельга, и, прицелившись, снова бросился вниз.

Расстояние между ястребом и голубем сокращалось с чудовищной быстротой. Дядя Саша в волнении бегал по своему дворику, махал руками, кричал что-то несуразное. Но ничего, конечно, сделать не мог.

Ястреб почти настиг Кирюху. Вытянув вперёд лапы с железными когтями и сложив крылья, он со свистом падал на голубя.

И тут случилось неожиданное. Даже в минуту смертельной опасности этот необыкновенный голубь остался верен себе и спасал свою жизнь так, как мог сделать это только он один.

В тот миг между ним и ястребом осталось не больше метра. И вот внезапно Кирюха сделал крутой зигзаг и очутился у трубы моего дома со стороны, противоположной хищнику. Тетеревятник снова набрал высоту и снова, как камень из рогатки, со свистом пошёл на голубя.

Кирюха, на этот раз уже молча, бросился за трубу. Но все ястреба, какие только есть на земле, давно бы уже сдохли с голода, если б не умели брать верх над другими птицами.

Голодный хищник — он, конечно, был очень голоден, если осмелился охотиться в городе! — пошёл в четвёртый заход. Перед самой крышей он резко повернулся, появился над голубем и вытянул лапы.

Кирюха рванулся, очутился за соседней трубой, и так, от дома к дому, потащил старого разбойника за собой. Наконец, он вернулся к нашему дому и стал вертеться вокруг железной трубы над зданием котельной.

Но долго это продолжаться не могло: силы оставляли молодого голубя. Ястреб ещё раз взмыл вверх и ещё раз, сложив крылья и вытянув лапы, устремился к земле.

В этот миг Кирюха очутился у проводов.

Близ наших домов густой сетью тянутся электрические

провода — и вот сюда бросился Кирюха. Но и тут ястреб сейчас же оказался рядом с ним.

...Ветер подхватил серые перья, бросил их вверх и, раскинув веером, понёс над домами. На землю тяжело упало тело птицы.

Я отвернулся: дядя Саша не любил, чтобы ему сочувствовали.

Неожиданно раздался крик дяди Саши. Я бросился к старому слесарю.

На земле под проводами лежал разбившийся о них ястреб, а неподалёку от хищника, весь дрожа, широко разинув клюв и закрыв глаза, сидел Кирюха.

Дядя Саша медленно подошёл к грязновато-серому несуразному голубёнку, взял его на ладонь, погладил дрожащую спину птицы и тихо сказал:

— Спасибо, Кирюха...

Вопросы:

1. Почему дядя Саша попросил подарить ему именно Кирюху?
2. Как ты думаешь, за что в конце рассказа дядя Саша благодарит голубя?

Сергей Черепанов

(1908-1993)

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Парень этот с малолетства в ремках не ходил и обноски не нашивал, ни к одному делу рук не прикладывал. Было у него одно на уме — перед людьми пофорсить, а чего ни наденет, всё казалось ему не в лад, всё невпопад, хоть того одёжа наряднее.

Мать с отцом сами недоедали-недопивали, но его поважали всяко, лишь бы не куксился, не попрекал их.

— Якунюшка, чадунюшка наш!

Отец по найму на водяной мельнице робил. Водянушка не велика, на два постова, да мельник был скуп: других работников не держал, всё на одного Ивана Пантелеича взвалил: зерно из амбара таскать и в бункера на помол засыпать, жернова ковать, муку из ларей выгребать, водяное колесо запускать и вдобавок на дворе со скотом управляться. Тот ел на ходу и пил на ходу. Несёт, бывало, мешок с зерном на загорбке, а Устинья, жена-то, уж наготове, ждёт его на пути. Как он с ней поравняется, рот раскроет, она сунет туда крутое яичко, то хлеба кусок, то даст квасу глоток.

У Якуни ни разу в носу не свербило, что родители этак изводятся. Удочку на плечо — и айда-пошёл на рыбалку. Цельный день на берегу реки проваландается, пескаришек для кошки наловит, а вечером картуз набекрень, гарусным пояском подпояшется, сапоги дёгтем смажет и — на гулянку: улица, расступись, встречные, отойдите в сторонку — Якуня идёт!..

Девки на него немало заглядывались: парень справный на вид, чубатый, глазастый и на язык востёр.

Привечали его, навеличивали:

— Яков Иваныч, милости просим, кадриль станцевать...

Другим парням это было досадно, так они и прозвали его Якуней-Ваней, будто он недоумок.

Про него же и частушку-повертушку сложили:

Я ли, я ли не работал!
Я ли не старался!
За работу тятька бил,
А за гульбу гармонь купил!

Всего-то один-разъединственный раз попросил его Иван Пантелеич:

— Якунюшка, пособи-ко мне перетаскать мешки с зерном из амбара на мельницу. Чего-то у меня поясницу ломит, должно, надсадился.

Тот и наработал ему: один мешок в пруд уронил, из другого мешка всё зерно на землю просыпал.

Устинья прибежала, поохала и сама принялась мужику помогать.

Огорчился тогда Иван Пантелеич, малость на него поругался, а вскоре, лишь бы сына удобрить, годовалую телушку продал и для него гармонь-тальянку купил.

Попиликал на ней Якуня, но терпенья не хватило — голимая маята! Поставил гармонь в чулан и больше в руки не брал.

Соседские бабы не раз Устинье пеняли:

— Не кормилец он у вас, не поилец! Уж на голову выше отца и усы отрастил, а даже палки не переломил.

— Пусть нагуляется досыта! — находилась ответить Устинья. — Нам в жизни вольности не досталось, всё нужда и нужда, а ему того не хотим.

И мельнику подле пруда Якуня глаза намозолил. Подошёл тот к нему улов посмотреть, увидел в ведёрке трёх пескаришек, поусмехался и начал выспрашивать:

— Отчего рыба не ловится?

— Поди-ко, я знаю, — молвил Якуня.

— Может, место не гоже?

— Откудова мне знать?

— Да ты умеешь ли что-нибудь делать?

— В платок умею сморкаться!

— И всё?

— Больше ни в чём не нуждаюсь!

— Значит, только в пруду воду мутишь да небо коптишь, — осердился мельник. — Живо ступай отсюда, не маячь тут, не то удочку отберу!

Согнал его с привычного места, а найти новое, где бы рыбёшка клевала и комары не кусались, опять у Якуни не хватило терпенья. Забросил он удочку на сеновал и попусту начал слоняться: в огороде у огуречной гряды посидит, за воротами двора на скамейке позевает от скуки, то на крышу сарайки взберётся и там полежит, то вдоль улицы прогуляется, еле-еле день скоротает. Даже на безделье у него терпежу не нашлось.

И надумал он в поле ветер поймать. В то лето ветренно было,

берёзы гнуло, зрелые хлеба стали полеглыми, на покосах стога сена размётывало, деревенские мужики уж всяко испроклинали экую непогоду. От того и накатила на Якуню блажь: уж какое-никакое занятие, но будет чем время занять!

Взял он порожний мешок, нашёл в поле большую елань подальше от леса и тут, на просторе, поставил мешок на распялку.

А ветер Сиверко ещё с утра бушевал: в березняке наломал сухостою, с полевой избушки крышу сорвал и свистел по-разбойничьи.

Порожний мешок, как пузырь, сразу вздуло. Кинулся Якуня его устье верёвочкой завязать, чтобы из ловушки ветер не выпустить, а тот через мешковину утёк.

Всяко исхитрялся Якуня, но ветер в мешок не ловился. Иной бы этак-то потешил себя и перестал гоняться за ним, но у Якуни вдруг самомнение взыграло. Встал он супроть Сиверка, кулаком погрозил и похвастался:

— Я не я, коль не одолею тебя!

Только промолвил, в ту же пору с холодной стороны поднялась чёрная туча и во все стороны начала расползаться. И появился посередь неё старик-великан: космы седые растрёпаны, лохматые брови над глазами нависли, бородой можно большущее поле накрыть.

Это сам Сиверко себя оказал.

— Ах ты, шатун-болтун! — загремел он с вышины. — Как посмел похваляться и на меня посыкаться? У тебя же ни на что толку нет!

Якуня хоть и струсил, но виду на то не подал, этак вот подбоченился, сдвинул свой картуз набекрень, как ухарь-молодец.

— И ты шибко не задавайся! Поймаю да зауздаю и стану на тебе по полям гонять...

Кабы надумал сказать: так, мол, и так, хочу, мол, мельницу ветряную построить и ты-де понадобишься её крылья вертеть, в этом случае не осердил бы старика, тот, может, и не отказал бы, ведь всё равно сила у него зазря пропадает, а этакую обиду Сиверко не перенёс.

— Хо! Хо! Хо! — загремел он опять, с краю до краю чёрной тучи молнии засверкали, на землю снежная крупка просыпалась. — Хо! Хо! Покатаю я тебя, только уж не так, как ты пожелал...

Сгрёб парня за шиворот, выше леса поднял и понёс его, поволок невесть куда: над озёрами, над болотами, над горами синими, над степями безводными. Ладно, что на голые камни не сбросил, в реке не утопил, а опустил на каком-то пустыре да напоследок поддал под зад, свистнул и взвился вверх, по небу тучи гонять.

Долго катился Якуня кубарем по пустому полю, покуда не зацепился за колючий куст.

Уж так-то ли его закрутило и завертело — еле опамятовался, с трудом в свой разум вошёл. Огляделся по сторонам — степь, степь и степь, конца-краю нет. Совсем безлюдное, одичалое место. Даже никаких птиц не видать.

И уж вечереть начинало, вот-вот ночь упадёт. Солнышко скатилось с неба. В лёгкой одеже, да на стылом ветру, да натощак стало зябко.

Скорчился Якуня на земле, чуток обогрелся, а никак не мог вздумать, как себя из беды выручить?

Дома-то, в эту пору, уж лежал бы на тёплых полатях, да гладил бы ладонью сытое брюхо, не то смотрел бы дивные сны, но тут за всю ночь глаз не сомкнул.

А Сиверко отбушевался, и тихо стало в степи, будто вся она укрылась чёрным пологом, примолкла после дневной маяты.

На рассвете пал на землю промозглый туман. В нём Якуня совсем растерялся. Иной бы хоть побегал, размялся бы для обогрева, а у него толку на то не нашлось. Скрючился, сгорбился и с места не сдвинулся.

Поблизости от него суслик выбежал из норы. Встал на задние лапки, испугался при виде Якуни и юркнул в нору обратно.

Когда совсем развиднелось, солнышко разогнало туман, даль прояснилась: нигде ни деревца, ни жилья, ни проезжей дороги. И голодное брюхо ворчало: ур да ур, давай-де хоть травы, что ли, не то весь иссохнешь! Попробовал Якуня полынь пожевать и сразу скривился: горечь голимая! Не догадался подальше отойти, где было полно вишняку. Полевой вишни наелся бы досыта. Не

доводилось ведь ягодничать, мать на тарелке готовую подавала: «Ешь, Якунюшка, на здоровье!» Ну, голод ещё можно было стерпеть, а как солнышко начало припекать, испить воды захотелось. Дома-то из кадушки ковшиком воду не брал, ублажался квасом ядрёным.

Нужда и заставила двинуться в путь. С версту прошёл и натакался на неглубокий колодец. Внизу вода свежая, но достать её мудрено, в ладошки не зачерпнуть. Скинул бы Якуня с головы картуз, наклонился бы пониже и достал бы воды, не то из репейного листа свернул бы черпак, а у него и на это толку не нашлось. Опустил он руку в колодец, потом мокрые пальцы обсосал и отправился дальше. Без пути, без дороги, наобум, куда ноги приведут.

Встречный ветер уже начал крепчать, чёрные тучи снова собирались на небе. Тут бы в самый раз обратиться к Сиверку: так, мол, и так, не гневайся на меня, обмолвился-де невольно и зря тебя изобидел, о чём сожалею; доставь меня обратно домой! Доброе слово завсегда отклик получит. А Якуня снова Сиверка обругал:

— Эй ты, холодило паршивое! Обожди, я ещё удумаю, как с тобой поквитаться! Погоняю верхом на тебе, да ещё кнутиком по бокам настегаю!

Того пуще старика изобидел. Тот и напустил на степь ураган. Снова Якуню согнуло. Сам не свой покатился он кубарем по бугоркам и овражкам. То в одну сторону, то в другую, то на одном месте покрутит да вверх подбросит. Всего истрепало. Одежонка, коя была на нём, в клочья порвалась. Картуз потерялся. От сапог отлетели подмётки.

На ту беду и солнышко в этот день палило нещадно. От нагретой земли да на ветру начал Якуня усыхать. И вот уже облик свой потерял. Ни отец, ни мать не признали бы в нём своего родимого. Катится по ветру какая-то сухая трава — шар травяной, где-нибудь за кустик зацепится и снова несёт его и несёт по степи, будто и сама земля не желает его приютить. Перекати-поле такая трава называется. А у нас в деревне её Якуней-Ваней зовут. И бездельников, хвастунов, кои зря по белу свету шатаются, презирают:

— Э, да что с ним толковать: он ведь Якуни-Вани не лучше!

Вопросы:

1. Для чего Якуня ловил ветер?
2. За что Сиверко наказал Якуню?

Павел Бажов

(1879-1950)

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

(в сокращении)

...В хорошем-то житье Данилушко живо поправляться стал и к Прокопьичу тоже прильнул. Ну, как! — понял прокопьичеву заботу, в первый раз так-то пришлось пожить. Прошла зима. Данилушке и вовсе вольготно стало. То он на пруд, то в лес. Только и к мастерству Данилушко присматривался. Прибежит домой, и сейчас же у них разговор. То, другое Прокопьичу расскажет да и спрашивает — это что да это как? Прокопьич объяснит, на деле покажет. Данилушко примечает. Когда и сам примется. «Ну-ко, я...» — Прокопьич глядит, поправит, когда надо, укажет, как лучше.

Вот как-то раз приказчик и углядел Данилушку на пруду. Спрашивает своих-то вестовщиков:

— Это чей парнишка? Который день его на пруду вижу... По будням с удочкой балуется, а уж не маленький... Кто-то его от работы прячет...

...Привели Данилушку. Приказчик спрашивает:

— Ты чей?

Данилушко и отвечает:

— В ученье, дескать, у мастера по малахитному делу.

Приказчик тогда хвать его за ухо:

— Так-то ты, стервец, учишься! — да за ухо и повёл к Прокопьичу.

Тот видит — неладно дело, давай выгораживать Данилушку:

— Это я сам его послал окуньков половить. Сильно о свеженьких-то окуньках скучаю. По нездоровью моему другой еды принимать не могу. Вот и велел парнишке половить.

Приказчик не поверил. Смекнул тоже, что Данилушко вовсе другой стал: поправился, рубашонка на нём добрая, штанишки тоже и на ногах сапожнёшки. Вот и давай проверку Данилушке делать:

— Ну-ко, покажи, чему тебя мастер выучил?

Данилушко запончик[26] надел, подошёл к станку и давай рассказывать да показывать. Что приказчик спросит — у него на всё ответ готов...

Пытал-пытал приказчик да и говорит Прокопьичу:

— Этот, видно, гож тебе пришёлся?

— Не жалуюсь, — отвечает Прокопьич.

— То-то, не жалуешься, а баловство разводишь! Тебе его отдали мастерству учиться, а он у пруда с удочкой! Смотри! Таких тебе свежих окуньков отпущу — до смерти не забудешь, да и парнишке невесело станет.

Погрозился так-то, ушёл, а Прокопьич дивуется:

— Когда хоть ты, Данилушко, всё это понял? Ровно я тебя ещё и вовсе не учил.

— Сам же, — говорит Данилушко, — показывал да рассказывал, а я примечал.

У Прокопьича даже слёзы закапали — до того ему это по сердцу пришлось.

— Сыночек, — говорит, — милый, Данилушко... Что ещё знаю, всё тебе открою... Не потаю...

Только с той поры Данилушке не стало вольготного житья. Приказчик на другой день послал за ним и работу на урок стал давать. Сперва, конечно, попроще что: бляшки, какие женщины носят, шкатулочки. Потом с точкой пошло: подсвечники да украшенья разные. Там и до резьбы доехали. Листочки да лепесточки, узорчики да цветочки. У них ведь — у малахитчиков — дело мешкотное. Пустяковая ровно штука, а сколько он над ней сидит! Так Данилушко и вырос за этой работой.

А как выточил зарукавье[27]-змейку из цельного камня, так его и вовсе мастером приказчик признал. Барину об этом отписал: «Так и так, объявился у нас новый мастер по малахитному делу — Данилко Недокормыш. Работает хорошо, только по молодости ещё тихо. Прикажете на уроках его оставить али, как и Прокопьича, на оброк отпустить?»

Работал Данилушко вовсе не тихо, а на диво ловко да скоро. Это уж Прокопьич тут сноровку поимел. Задаст приказчик Данилушке какой урок на пять дён, а Прокопьич пойдёт да и говорит:

— Не в силу это. На такую работу полмесяца надо. Учится ведь парень. Поторопится — только камень без пользы изведёт.

Ну, приказчик поспорит сколько, а дней, глядишь, прибавит. Данилушко и работал без большой натуги...

...Барин на приказчиково известие отписал: «Пусть тот Прокопьичев выученик Данилко сделает ещё точёную чашу на ножке для моего дому. Тогда погляжу — на оброк отпустить али на уроках держать. Только ты гляди, чтобы Прокопьич тому Данилке не пособлял. Не доглядишь — с тебя взыск будет».

Приказчик получил это письмо, призвал Данилушку да и

говорит:

— Тут, у меня, работать будешь. Станок тебе наладят, камню привезут, какой надо.

Прокопьич узнал, запечалился: как так? что за штука? Пошёл к приказчику, да разве он скажет... Закричал только: «Не твоё дело!»

Ну, вот пошёл Данилушко работать на новое место, а Прокопьич ему наказывает:

— Ты, гляди, не торопись, Данилушко! Не оказывай себя.

Данилушко сперва остерегался. Примеривал да прикидывал больше, да тоскливо ему показалось. Делай — не делай, а срок отбывай — сиди у приказчика с утра до ночи. Ну, Данилушко от скуки и сорвался на полную силу. Чаша-то у него живой рукой и вышла из дела. Приказчик поглядел, будто так и надо, да и говорит:

— Ещё такую же делай!

Данилушко сделал другую, потом третью. Вот когда он третью-то кончил, приказчик и говорит:

— Теперь не увернёшься! Поймал я вас с Прокопьичем. Барин тебе, по моему письму, срок для одной чаши дал, а ты три выточил. Знаю твою силу. Не обманешь больше, а тому старому псу покажу, как потворствовать!...

...Так об этом и барину написал и чаши все три предоставил. Только барин — то ли на него умный стих нашёл, то ли он на приказчика за что сердит был — всё как есть наоборот повернул. Оброк Данилушке назначил пустяковый, не велел парня от Прокопьича брать — может-де вдвоём-то скорее придумают что новенькое. При письме чертёж послал. Там тоже чаша нарисована со всякими штуками. По ободку кайма резная, на поясе лента каменная со сквозным узором, на подножке листочки. Однем словом, придумано. А на чертеже барин подписал: «Пусть хоть пять лет просидит, а чтобы такая в точности сделана была».

Пришлось тут приказчику от своего слова отступить. Объявил, что барин написал, отпустил Данилушку к Прокопьичу и чертёж отдал.

Повеселели Данилушко с Прокопьичем, и работа у них бойчее пошла. Данилушко вскоре за ту новую чашу принялся. Хитрости в ней многое множество. Чуть неладно ударил — пропала работа, снова начинай. Ну глаз у Данилушки верный, рука смелая, силы хватает — хорошо идёт дело. Одно ему не по нраву — трудности много, а красоты ровно и вовсе нет. Говорил Прокопьичу, а он только удивился:

— Тебе-то что? Придумали — значит, им надо. Мало ли я всяких штук выточил да вырезал, а куда они — толком и не знаю.

Пробовал с приказчиком поговорить, так куда тебе. Ногами затопал, руками замахал:

— Ты очумел? За чертёж большие деньги плачены. Художник, может, по столице первый его делал, а ты пересуживать выдумал!

Потом, видно, вспомнил, что барин ему заказывал — не выдумают ли вдвоём-то чего новенького — и говорит:

— Ты вот что... делай эту чашу по барскому чертежу, а если другую от себя выдумаешь — твоё дело. Мешать не стану. Камня у нас, поди-ко, хватит. Какой надо — такой и дам.

Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять мудрости немного надо, а своё придумать — не одну ночку с боку на бок повертишься. Вот Данилушко сидит над этой чашей по чертежу-то, а сам про другое думает. Переводит в голове, какой цветок, какой листок к малахитовому камню лучше подойдёт. Задумчивый стал, невесёлый...

...И стал чуть не каждый день в лес бегать. Время как раз покосное, ягодное. Травы все в цвету. Данилушко остановится где на покосе либо на полянке в лесу и стоит, смотрит. А то опять ходит по покосам да разглядывает траву-то, как ищет что. Людей в ту пору в лесу и на покосах много. Спрашивают Данилушку — не потерял ли чего? Он улыбнётся этак невесело да и скажет:

— Потерять не потерял, а найти не могу.

Ну, которые и запоговаривали:

— Неладно с парнем.

А он придёт домой и сразу к станку да до утра и сидит, а с солнышком опять в лес да на покосы. Листки да цветки всякие домой притаскивать стал: черемицу да омег, дурман да багульник, да резуны всякие. С лица спал, глаза беспокойные стали, в руках смелость потерял. Прокопьич вовсе забеспокоился, а Данилушко и говорит:

— Чаша мне покою не даёт. Охота так её сделать, чтобы камень полную силу имел... Вижу, поди-ко, какой у нас камень, а мы что с ним делаем? Точим да режем, да полер наводим и вовсе ни к чему. Вот мне и припало желанье так сделать, чтобы полную силу камня самому поглядеть и людям показать... По дурман-цветку свою чашу делать буду.

Прокопьич отговаривать принялся. Данилушко сперва и слушать не хотел, потом, дня через три-четыре, как у него какая-то оплошка вышла, и говорит Прокопьичу:

— Ну, ладно. Сперва барскую чашу кончу, потом за свою примусь. Только ты уж тогда меня не отговаривай... Не могу её из головы выбросить.

Прокопьич отвечает:

— Ладно, мешать не стану, — а сам думает: «Уходится

парень, забудет. Женить его надо. Вот что! Лишняя дурь из головы вылетит, как семьёй обзаведётся».

Занялся Данилушко чашей. Работы с ней много — в один год не укладёшь. Работает усердно, про дурман-цветок не поминает. Прокопьич и стал про женитьбу заговаривать:

— Вот хоть бы Катя Летемина — чем не невеста? Хорошая девушка... Похаять нечем...

...А Данилушко своё твердит:

— Погоди! Вот с чашкой управлюсь. Надоела мне она. Того и гляди — молотком стукну, а он про женитьбу! Уговорились мы с Катей. Подождёт она меня.

Ну, сделал Данилушко чашу по барскому чертежу. Приказчику, конечно, не сказали, а дома у себя гулянку маленькую придумали сделать. Катя — невеста-то — с родителями пришла, ещё которые... из мастеров же малахитных больше. Катя дивится на чашу.

— Как, — говорит,— только ты ухитрился узор такой вырезать и камня нигде не обломил! До чего всё гладко да чисто обточено!

Мастера тоже одобряют:

— В аккурат-де по чертежу. Придраться не к чему. Чисто сработано. Лучше не сделать да и скоро. Так-то работать станешь — пожалуй, нам тяжело за тобой тянуться.

Данилушко слушал-слушал да и говорит:

— То и горе, что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый, резьба по чертежу, а красота где? Вон цветок... самый что ни есть плохонький, а глядишь на него — сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует? На что она?...

...А где, спрашиваю, красота камня? Тут прожилка прошла, а ты на ней дырки сверлишь да цветочки режешь. На что они тут? Порча ведь это камня. А камень-то какой! Первый камень! Понимаете, первый!...

...Мастера и говорят Данилушке, что ему Прокопьич не раз говоривал:

— Камень — камень и есть. Что с ним сделаешь? Наше дело такое — точить да резать.

Только был тут старичок один. Он ещё Прокопьича и тех — других-то мастеров — учил. Все его дедушком звали. Вовсе ветхий старичоночко, а тоже этот разговор понял да и говорит Данилушке:

— Ты, милый сын, по этой половице не ходи! Из головы выброс! А то попадёшь к Хозяйке в горные мастера...

— Какие мастера, дедушко?

— А такие... в горе живут, никто их не видит... Что Хозяйке

понадобится, то они и сделают. Случилось мне раз видеть. Вот работа! От нашей, от здешней, на отличку[28].

Всем любопытно стало. Спрашивают, какую поделку видел.

— Да змейку, — говорит, — ту же, какую вы на зарукавье точите.

— Ну, и что? Какая она?

— От здешних, говорю, на отличку. Любой мастер увидит, сразу узнает — не здешняя работа. У наших змейка, сколь чисто ни выточат, каменная, а тут как есть живая. Хребтик чёрненький, глазки... Того и гляди — клюнет. Им ведь что! Они цветок каменный видали, красоту поняли.

Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика. Тот по совести сказал:

— Не знаю, милый сын, слыхал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет...

...Разошлись гости, а у Данилушки тот разговор из головы не выходит. Опять стал в лес бегать да около своего дурман-цветка ходить, а про свадьбу и не поминает...

...И повадился он на медный рудник — на Гумешки-то. Когда в шахту спустится, по забоям обойдёт, когда наверху камни перебирает. Раз как-то поворотил камень, оглядел его да и говорит:

— Нет, не тот...

Только это промолвил, кто-то и говорит:

— В другом месте поищи... у Змеиной горки.

Глядит Данилушко — никого нет. Кто бы это? Шутят, что ли... Будто и спрятаться негде. Поогляделся ещё, пошёл домой, а вслед ему опять:

— Слышишь, Данило-мастер? У Змеиной горки, говорю.

Оглянулся Данилушко — женщина какая-то чуть видна, как туман голубенький. Потом ничего не стало.

«Что, — думает, — за штука? Неуж сама? А что, если сходить на Змеиную-то?»...

...Вот на другой день и пошёл туда Данилушко. Горка хоть небольшая, а крутенькая. С одной стороны и вовсе как срезано. Глядельце[29] тут первосортное. Все пласты видно, лучше некуда.

Подошёл Данилушко к этому глядельцу, а тут малахитина выворочена. Большой камень — на руках не унести — и будто обделан вроде кустика. Стал оглядывать Данилушко эту находку. Всё, как ему надо: цвет снизу погуще, прожилки на тех самых местах, где требуется... Ну, всё, как есть... Обрадовался Данилушко, скорей за лошадью побежал, привёз камень домой, говорит Прокопьичу:

— Гляди-ко, камень какой! Ровно нарочно для моей работы. Теперь живо сделаю. Тогда и жениться. Верно, заждалась меня Катенька. Да и мне это не легко. Вот только эта работа меня и держит. Скорее бы её кончить!

Ну, и принялся Данилушко за тот камень. Ни дня, ни ночи не знает. А Прокопьич помалкивает. Может, угомонится парень, как охотку стешит. Работа ходко идёт. Низ камня отделал. Как есть, слышь-ко, куст дурмана. Листья широкие кучкой, зубчики, прожилки — всё пришлось лучше нельзя. Прокопьич и то говорит — живой цветок-от, хоть рукой пощупать. Ну, а как до верху дошёл — тут заколодило. Стебелёк выточил, боковые листики тонёхоньки — как только держатся! Чашку, как у дурман-цветка, а не то. Неживой стал и красоту потерял. Данилушко тут и сна лишился. Сидит над этой своей чашей, придумывает, как бы поправить, лучше сделать. Прокопьич и другие мастера, кои заходили поглядеть, дивятся — чего ещё парню надо? Чаша вышла — никто такой не делывал, а ему неладно. Умуется[30] парень, лечить его надо. Катенька слышит, что люди говорят — поплакивать стала. Это Данилушку и образумило.

— Ладно, — говорит, — больше не буду. Видно, не подняться мне выше-то, не поймать силу камня, — и давай сам торопить со свадьбой...

...Назначили день. Повеселел Данилушко. Про чашу-то приказчику сказал. Тот прибежал, глядит — вот штука какая! Хотел сейчас эту чашу барину отправить, да Данилушко говорит:

— Погоди маленько, доделка есть.

Время осеннее было. Как раз около Змеиного праздника свадьба пришлась. К слову, кто-то и помянул про это — вот-де скоро змеи все в одно место соберутся. Данилушко эти слова на приметку взял, вспомнил опять разговоры о малахитовом цветке. Так его и потянуло: «Не сходить ли последний раз к Змеиной горке? Не узнаю ли там чего?» — и про камень припомнил: «Ведь

как положенный был! И голос на руднике-то... про Змеиную же горку говорил».

Вот и пошёл Данилушко. Земля тогда уже подмерзать стала, и снежок припорашивал. Подошёл Данилушко ко крутику[31], где камень брал, глядит, а на том месте выбоина большая, будто камень ломали. Данилушко о том не подумал, кто это камень ломал, зашёл в выбоину. «Посижу, — думает, — отдохну за ветром. Потеплее тут». Глядит — у одной стены камень-серовик, вроде стула.

Данилушко тут и сел, задумался, в землю глядит, и всё цветок тот каменный из головы нейдёт. «Вот бы поглядеть!» Только вдруг тепло стало, ровно лето воротилось. Данилушко поднял голову, а напротив, у другой-то стены, сидит Медной горы Хозяйка. По красоте-то да по платью малахитову Данилушко сразу её признал. Только и то думает: «Может, мне это кажется, а на деле никого нет». Сидит — молчит, глядит на то место, где Хозяйка, и будто ничего не видит. Она тоже молчит, вроде как призадумалась. Потом и спрашивает:

— Ну, что, Данило-мастер, не вышла твоя дурман-чаша?

— Не вышла, — отвечает.

— А ты не вешай голову-то! Другое попытай. Камень тебе будет по твоим мыслям.

— Нет, — отвечает, — не могу больше. Измаялся весь, не выходит. Покажи каменный цветок.

— Показать-то, — говорит, — просто, да потом жалеть будешь.

— Не отпустишь из горы?

— Зачем не отпущу! Дорога открыта, да только ко мне же ворочаются.

— Покажи, сделай милость!

Она ещё его уговаривала:

— Может, ещё попытаешь сам добиться! — Про Прокопьича тоже помянула: — Он-де тебя пожалел, теперь твой черёд его пожалеть. — Про невесту напомнила: — Души в тебе девка не чает, а ты на сторону глядишь.

— Знаю я, — кричит Данилушко, — а только без цветка мне жизни нет. Покажи!

— Когда так, — говорит, — пойдём, Данило-мастер, в мой сад.

Сказала и поднялась. Тут и зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушко, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Ну, всякие... Только живые, с сучьями, с листочками. От ветру-то

покачиваются и голк дают, как галечками кто подбрасывает. Понизу трава, тоже каменная. Лазоревая, красная... разная... Солнышка не видно, а светло, как перед закатом. Промеж деревьев-то змейки золотенькие трепыхаются, как пляшут. От них и свет идёт.

И вот подвела та девица Данилушку к большой полянке. Земля тут, как простая глина, а по ней кусты чёрные, как бархат. На этих кустах большие зелёные колокольцы малахитовы и в каждом сурьмяная[32] звездочка. Огневые пчёлки над теми цветками сверкают, а звёздочки тонёхонько позванивают, ровно поют.

— Ну, Данило-мастер, поглядел? — спрашивает Хозяйка.

— Не найдёшь, — отвечает Данилушко, — камня, чтобы так-то сделать.

— Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу, — сказала и рукой махнула. Опять зашумело, и Данилушко на том же камне, в ямине-то этой оказался. Ветер так и свистит. Ну, известно, осень.

Пришёл Данилушко домой...

...Прокопьич давно спал. Данилушко потихоньку зажёг огонь, выволок свои чаши на середину избы и стоит, оглядывает их. В это время Прокопьича кашлем бить стало. Так и надрывается. Он, вишь, к тем годам вовсе нездоровый стал. Кашлем-то этим Данилушку, как ножом по сердцу, резнуло. Всю прежнюю жизнь припомнил. Крепко жаль ему старика стало. А Прокопьич прокашлялся, спрашивает:

— Ты что это с чашами-то?

— Да вот гляжу, не пора ли сдавать?

— Давно, — говорит, — пора. Зря только место занимают. Лучше всё равно не сделаешь...

...Данилушко лёг, только сна ему нет и нет. Поворочался-поворочался, опять поднялся, зажёг огонь, поглядел на чаши...

...Потом взял балодку да как ахнет по дурман-цветку, — только схрупало. А ту чашу, по барскому-то чертежу, не пошевелил! Плюнул только в серёдку и выбежал. Так с той поры Данилушку и найти не могли.

Кто говорил, что он ума решился, в лесу загинул, а кто опять сказывал — Хозяйка взяла его в горные мастера.

На деле по-другому вышло. Про то дальше сказ будет.

Вопросы:

1. Как ты думаешь, почему Данила разбил цветок?
2. Можно ли Данилу назвать настоящим мастером?

Биографии

АНДРЕЕВ Виль Фролович (1925)

Виль Андреев родился в 1925 году в поселке Абаза в Сибири.

В 1940 году, после смерти отца, семья переехала в Красноярск, где Виль Андреев поступил в школу военных техников железной дороги, но не закончил ее — в 1943 году ушел добровольцем на фронт. Затем попал в офицерское училище в Ачинске. Его закончить также не удалось, поскольку по приказу Сталина училище было расформировано, а курсантов отправили на фронт. Был тяжело ранен, почти полгода провел в госпитале, откуда вернулся на родину. Награжден медалью «За храбрость».

В Челябинск Андреев приехал по приглашению сестры. Здесь он стал работать на ЧТЗ: начинал чертежником, а на пенсию его проводили уже в должности начальника конструкторского бюро.

Виль Фролович оказался уникальным, талантливым конструктором. Был настоящим генератором идей, автором множества уникальных приспособлений, технически грамотных решений. И такому, как у себя, творческому подходу ко всем вопросам учил окружающих.

Не имея высшего образования, был членом всесоюзного научно-технического совета по сварке. На ЧТЗ работал более 30 лет — до 1980 года. Долгое время был председателем клуба любителей фантастики при библиотеке завода.

В конце 50-х годов заводская газета начала печатать повесть «Это было в Сибири» о партизанском движении на Дальнем Востоке. Тогда читатели впервые услышали фамилию Андреева.

С 1956 года писатель становится участником литературного объединения ЧТЗ. В 1966 году в Южно-Уральском книжном издательстве вышла детская повесть Виля Андреева «Санька».

Виль Фролович — автор нескольких произведений научно-фантастического жанра и интересных рассказов, в том числе и детских, которые публиковались в «Челябинском рабочем», «Вечернем Челябинске», коллективных сборниках «Весенняя ветка» и «Лицо души».

Как-то раз на завод приехал корреспондент «Литературной газеты». Ему посоветовали познакомиться с Вилем Андреевым. Московский гость был поражен интеллектом и широтой знаний Виля Фроловича.

Виль Фролович живет в Челябинске и по сей день. Это веселый, остроумный, талантливый, но удивительно скромный

человек.

БАЖОВ Павел Петрович (1879-1950)

Автор знаменитой «Малахитовой шкатулки» родился не на Южном Урале, но, как он сам говорил, «живал не раз» в наших краях. Трудно привить детям любовь к Уралу и его людям без чтения сказов Бажова.

Родился Павел Петрович 28 января 1879 года в поселке Сысертского завода, недалеко от Екатеринбурга, в семье потомственных рабочих металлургического завода. Закончив заводскую школу, он поступил в духовное училище в Екатеринбурге. На гимназию в семье денег не было. Позже Бажов окончил духовную семинарию в Перми. В 1899 году стал народным учителем сначала в глухой уральской деревушке Шайдурихе, а потом преподавал в Екатеринбурге.

К началу гражданской войны у Бажова была большая семья, устроенный быт. 1918-1920 годы были очень сложными. Павлу Петровичу пришлось воевать на Алтае, работать в газете «Окопная правда», скитаться по дороге домой на Урал. Не раз он был на пороге смерти. Семья оставалась на Урале и тоже чудом спаслась. И после войны жизнь не щадила Бажова. Из семерых детей выжили только трое. Особенно горька Бажову была потеря уже взрослого сына.

В 1923-1930 годы Павел Петрович работает в редакции «Крестьянской газеты» в Свердловске, ездит по области, знакомится со многими людьми.

В 1924 году выходит в свет его первая книга «Уральские были», очерки о дореволюционной жизни рабочих Сысертского завода.

Но еще с детства у Бажова копились в памяти рассказы и легенды старых уральских мастеров. Во время учительства он исходил множество уральских дорог, вел записи живых наблюдений. В 1936 году Павел Петрович начинает работу над уральскими сказами.

В 1937 году Бажова исключают из партии, лишают работы. Целый год Павел Петрович ждал ареста, не выходил на улицу. Днем работал в огороде, а по ночам писал. Работа над сказами спасала его от тревог, горьких раздумий. Так рождалась «Малахитовая шкатулка», которая много изменила в жизни самого Павла Петровича и открыла миру Урал во всем его величии и красоте.

Издали «Малахитовую шкатулку» в 1939 году. Тогда в нее входило 14 сказов (всего Бажовым написано 52 сказа). Сказы были так хороши, что эту книгу послали на международную выставку в Нью-Йорк. Ее несколько раз переиздали. В военные годы книгу брали с собой на фронт, ее читали и дети, и взрослые в тылу.

Во время войны Павел Петрович возглавил писательскую организацию в Свердловске. Он очень много сделал, чтобы принять и устроить эвакуированных из Москвы писателей и их семьи, помочь свердловским писателям.

В это же трудное время он пишет сказы, особенно близкие южноуральцам: «Коренная тайность» (о металлурге П.Аносове), «Иванко-Крылатко» (о Златоустовском художнике по металлу И.Бушуеве), «Чугунная бабушка» (о каслинском художнике-литейнике В.Торокине).

В 1943 году Бажов становится лауреатом Сталинской государственной премии, в 1944-м получает орден Ленина, становится депутатом Верховного Совета СССР.

Но ничего не изменилось в его характере, жизни. Его называли «совестью писателей». Он жил в том же деревянном доме, где всегда было много народа, детей. Очень много работал и как писатель, и как депутат.

К сожалению, Бажов недолго прожил после Великой Победы. Похоронен Павел Петрович на высоком холме на Ивановском кладбище в Екатеринбурге. Не случайно слова из сказа «Чугунная бабушка»: «Работа — она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется» — написаны на памятнике Павлу Петровичу Бажову.

У писателя много внуков и правнуков. Его младшая дочь Ариадна, главная его помощница в последние годы, вышла замуж за сына Аркадия Гайдара. Так породнились две замечательные писательские семьи.

На Южном Урале были и есть последователи творчества Бажова — С.Власова, С.Черепанов, Ю.Гребеньков.

В нашей области именем Бажова названы поселки, улицы, библиотеки. С 1993 года появилась в области добрая традиция — проводить каждое лето Бажовские фестивали во имя сохранения природы, культуры, языка Урала.

Книги Павла Петровича Бажова есть в каждой детской библиотеке.

БОЛЬШАКОВА Татьяна Дмитриевна (1945)

Родилась 11 апреля 1945 года в Ленинграде. После окончания школы поступила в Ленинградское художественно-графическое педагогическое училище. Получив диплом, выпускница Большакова в 1964 году по распределению была направлена в Снежинск и начала работать там учителем рисования и черчения.

Творческий поиск и вдохновение учителя всегда вели за собой в мир фантазии, созидания и ее учеников. Логическим продолжением педагогического поиска стала работа в изостудии Дворца пионеров.

С 1983 года и по сей день «первопроходец» в воспитании юных снежинских художников — Татьяна Дмитриевна трудится в Центре дополнительного образования детей имени В.Комарова.

Но Татьяна Дмитриевна — не только художник. Она пишет удивительно добрые сказки для детей. В 1987 году Большакова участвовала во Всероссийском семинаре детских и юношеских писателей (Абхазская ССР). А в 1994 году в Челябинске выходит книга ее сказок — «Разноцветная ракушка».

«Сложно предвидеть и регламентировать творческий процесс, — говорит Татьяна Дмитриевна, — можно лишь разбудить мечту, научить не бояться фантазировать и смело выражать свои мысли, ценить их неповторимость и уникальность, бережно поддерживать ростки ребячьего вымысла...»

БОРЧЕНКО Аркадий Георгиевич (1937-2004)

Аркадий Георгиевич Борченко — коренной челябинец. Родился 13 августа 1937 года в семье служащих. После окончания школы в

1955 году поступил на историко-филологический факультет пединститута. Еще не закончив институт, пришел на работу в редакцию областной газеты «Комсомолец», где проработал десять лет. Потом 32 года работал в газете «Вечерний Челябинск».

Стихи начал писать еще в пятом-шестом классах. С 1953 года занимался в литературно-творческом кружке во Дворце пионеров, которым руководила Л .Преображенская. Позже этот кружок стал известным литературным объединением «Алые паруса». Еще школьником публиковался в журнале «Пионер», в альманахе «Уральские огоньки».

В пединституте Борченко занимался вместе с Л.Рахлисом в литературном кружке, выпускал студенческую стенгазету, где были не только его стихи, но и его рисунки (после школы он

прошел по конкурсу в Ленинградскую академию художеств, но не поехал учиться).

При газете «Комсомолец» было литературное объединение молодых авторов. Руководил им Борченко. В газете «Вечерний Челябинск» Аркадий Георгиевич организовал детскую страничку «Терем-теремок», которая была популярна среди детей и их родителей и просуществовала больше десяти лет.

Стихи Борченко звучали по областному радио, печатались в периодике, в сборнике «Читайка», журнале «Тропинка». А вот с изданиями своих сборников Аркадию Георгиевичу не везло. Победил в областном конкурсе на рукопись детской книги, а книга так и не вышла. Сумела выйти в свет только одна: «Кузнец»-«Обновка» — книжка-раскладушка.

Имя Аркадия Георгиевича Борченко известно в нашей области. Он не писал для взрослых, он — настоящий детский поэт, прозаик. В его активе — стихи, загадки, скороговорки, рассказы о природе.

Не случайно Аркадию Георгиевичу Борченко было присвоено звание заслуженного работника культуры России.

Обращая внимание на творчество Борченко, известный писатель и поэт Марк Гроссман сказал: «Он родился, учился, женился и “стихнулся” в Челябинске. Значит, наш человек, значит, не упустите его из внимания. Мое слово — за!». «За» — говорят его читатели от дошкольного до самого позднего школьного возраста.

ВАТОРОПИНА Нэлли Михайловна (1938)

Родилась 7 апреля 1938 года в Челябинске. Ей было всего пять дней, когда умерла мать. Воспитывала Нэлли бабушка, отец погиб на войне.

Нэлли Михайловна вспоминает, что счастливым в ее детстве был только один год, когда они с бабушкой во время войны жили в селе Пески (Курганская область) в доме дяди — директора школы. Была родня, забота, богатая библиотека в доме. Там в шесть лет Нэлли пошла в школу. Но в 1945-м погиб любимый дядя. Детство кончилось.

В 1945-1948 годах Нэлли с бабушкой жила в Бродокалмаке. Об этих трудных годах она не любит вспоминать. В 1948 году переехали в Челябинск. Нэлли закончила семь классов, потом дошкольное педагогическое училище. С 1955 года 15 лет отработала воспитателем в детском саду. А затем 21 год работала

на заводе в Челябинске.

С раннего возраста Нэлли полюбила поэзию. Хранит с детства 15 общих тетрадей и столько же блокнотов, исписанных любимыми стихами. Но это были чужие стихи.

Писать свои стихи Нэлли Михайловна начала в 50 лет. «Поставила детей на ноги, — говорит она, — и стала писать...» Ее первое стихотворение было о дожде. «Все первые стихи были с надрывом, с болью... Как-то на работе прочитала женщинам одно стихотворение. Понравилось, потом попросили еще, потом еще. А я в это время подошла к такому порогу, что не могла не писать. Я стеснялась читать стихи людям, но они вырывались из меня...» — рассказывает Нэлли Михайловна.

В 1993 году решилась показать свои стихи в литобъединении ЧТЗ. И уже через год «Вечерка» напечатала сразу десять ее стихотворений. Так состоялось открытие нового челябинского поэта.

За последние годы опубликовано три сборника стихов Ваторопиной: «Автограф осени», «День между прошлым и будущим» и «Душа-недотрога». Читатели и пресса высоко оценили лирику Нэлли Михайловны.

Книгу прозы «Неотправленная фотография» Нэлли Михайловна посвятила памяти своего погибшего отца и всех южноуральцев, не вернувшихся с войны. Книга небольших рассказов, адресованных детям, говорит о военном детстве. Ее нельзя читать равнодушно. Эта книга — умный и добрый вклад в воспитание детей.

Нэлли Михайловна активно работает в общественном движении «Память сердца» (дети погибших на войне родителей).

Теперь литературное объединение ЧТЗ трудно представить без нее. Она ответственный секретарь и душа объединения.

Нэлли Михайловна Ваторопина — лауреат литературной премии ЧТЗ.

ВЛАСОВА Серафима Константиновна (1901-1972)

Серафиму Константиновну Власову современники называли продолжательницей традиции, заложенных П.Бажовым. Она написала около десяти книг, включивших в себя многие сказы об Урале. Самые известные из них — «Голубая жемчужина», «Уральские сказы», «Сказание о Щелконе и Сулее», «Поют камни», «Герцогиня Акуля», «Клинок Уреньги», «Клады Хрусталь-горы» и другие.

Родилась Серафима Константиновна в 1901 году в Томске. Отец ее был шорником. Это был чрезвычайно одаренный человек: на хомутах выводил прекрасные узоры из сыромятины и одновременно рассказывал дочке смешные истории и небылицы; прекрасно, очень артистично пел старинные песни. Его артистичность передалась маленькой Серафиме. Училась она в церковно-приходской школе, затем — в высшем начальном училище. Потом закончила школу второй ступени и получила право учительствовать.

В 1920 году вышла замуж и уехала на Верх-Исетский завод под Свердловском. Здесь начала свой долголетний педагогический труд.

Долгое время она жила в Сысерти — на родине Бажова, где узнала таинственные истории из жизни заводчиков Демидовых, о хозяйке Медной горы, о подземных уральских сокровищах. Серафима Константиновна с удовольствием их слушала, не подозревая, что они когда-нибудь оживут под ее пером.

С 1952 года Серафима Константиновна жила в Челябинске.

Писать Власова начала поздно, уже после выхода на пенсию. Одним из первых сказов Серафимы Власовой стал «Сказ об Урале». Первая книга — «Уральские сказы» — вышла в 1957 году.

В 1965 году Власова стала членом Союза писателей СССР.

«Чтобы писать сказы, — говорила Серафима Константиновна, — надо хорошо знать народ, его поэзию, безгранично любить свой край». А о том, что она свой край знала и безгранично любила, много говорить не надо, достаточно упомянуть те географические названия, о которых она повествует в своих сказах.

Об озерах Увильды, Акакуль, Башкуль, Сабанево, Зюраткуль говорится в сказе «Песни Сабаная», о Тургояке и Инышко — в сказе «Пугачевский клад», об Ильменском озере — в сказе «Клинок Уреньги», о Кусе — в сказе «Улин камень», в сказе «Тылсымлы-тау» говорится о Тамерлановой башне, в сказе «Глядень-гора» — о Таганае, в сказе «Герцогиня Акуля» действие происходит в Кыштыме.

«Без сказок скучно жить на свете», — говорит Серафима Константиновна Власова устами своего героя в сказе «Ансаровы огни». Сказ «Улин камень» начинает так: «Уральские сказки, что камешки в горе. Один копнешь — на целый занорыш наткнешься, и такой, что цены не будет ему».

Одна из любимых тем Серафимы Константиновны — тема творческих возможностей человека. Об уральских умельцах говорится в сказах «Чугунная цепочка», «Поют камни» и во многих других.

Вот как начинается сказ «Васяткин сапожок»: «Про наше каслинское литье да его мастеров, что своим умом да смекалкой до большого дела в литье доходили, как из чугуна не только сковородки отлить, а самонастоящие кружева сплести или такую красоту в поделке смастерить, что диво людей брало, — слава по всему миру давным-давно гуляет...»

Однако, несмотря на богатство языка Власовой, не все ее сказы были равноценны по содержанию. Сегодняшние читатели могут заметить явную идеологизированность, свойственную многим произведениям того времени.

В последнем издании — «Золотыми тропами легенд» (С.Власова и Ю.Гребеньков, 1997) — собраны сказы, связанные с историей Кыштыма.

ГЕРШУНИ Самуил Матвеевич (1920-2003)

Самуил Матвеевич Гершуни родился в 1920 году на Украине. Спасаясь от голода, семья Гершуни из восьми человек перебралась в Москву, где удалось снять маленькую комнатку. Отец будущего писателя был разнорабочим, его денег на еду не хватало.

В знойные летние дни Самуил бегал по Сухаревке с большим чайником и нараспев выкрикивал свои первые рифмованные строчки:

Есть свежая холодная вода!
Холодна как лед,
Сладка как мед,
Пятачок за кружку,
Угости подружку!

Количество покупателей после такой рекламы увеличивалось.

После седьмого класса из школы пришлось уйти. Устроился учеником электрика, а потом работал монтером на стройках и учился в вечерней школе.

В 1939 году был призван в армию. Попал в артиллерийскую часть и стал разведчиком.

Во время войны получил офицерское звание, служил командиром взвода. Был ранен, около года лечился в госпитале. Из рядов Советской Армии был уволен в запас в звании капитана в 1953 году как инвалид войны. Награжден 14 государственными

наградами, среди которых орден Отечественной войны I степени, две медали «За боевые заслуги», медаль Жукова и другие.

Еще во время службы окончил английское отделение Центральных заочных курсов иностранных языков. После увольнения работал в школе учителем английского. Тогда и стал писать для детей. Потом работал переводчиком, журналистом телевидения, газет.

С 1957 по 1963 год в Челябинске у Гершуни вышли четыре книги для детей: «Золотые руки», «Чудесный ящик», «Молодцы», «Мы мальцы-удальцы», а также сборник басен и сатирических стихов «Подлежит списанию». В 1962 году по сценарию Самуила Матвеевича был снят кукольный фильм «Где ночует солнце», тиражированный центральным телевидением. В 1967 году челябинский театр кукол поставил его пьесу «Петя и Ералаш». Публиковался в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках Москвы, Свердловска, Челябинска. Повести, рассказы, стихи, басни, очерки, художественные переводы, телепостановки Самуила Матвеевича Гершуни транслировались на телевидении и радио.

ГЛЕБОВ Николай Александрович (1899-1984)

Николай Александрович Глебов был широко известен в 50-70-е годы XX века и занимал значительное место в уральской литературе.

Родился он в 1899 году в селе Косулино Куртамышского района Курганской области. Юношеские годы жил в Куртамыше, был участником гражданской войны.

Первый рассказ напечатал в 1924 году в газете «Красный Курган». Долгие годы работал в газетах «Красный Курган», «Челябинский рабочий», «Звезда Алтая».

Член Союза писателей СССР с 1949 года.

Все свои основные произведения посвятил Уралу и Зауралью.

Писатель восемь лет жил и работал на Алтае, изучал быт и нравы, историю алтайского народа, интересовался народными легендами, сказаниями. Результатом этой большой работы и явилась детская повесть «Карабарчик» — о дружбе алтайского мальчика-сироты и сына русского батрака, об их жизни и приключениях.

Повесть была впоследствии переведена на казахский язык, а затем — на болгарский, китайский, немецкий.

Кроме «Карабарчика», Глебовым для детей были написаны и

изданы в Челябинске «Асыл», «Флаг над рощей», «Колокольчик в тайге», «Детство Викеши» и другие.

Есть у писателя и исторический роман о событиях второй половины XVIII века на Урале — «Даниил Кайгородов», трилогия «В степях Зауралья» (1954-1963), повествующая о революционных событиях в Зауралье.

Кроме романов и повестей, Глебов писал рассказы, очерки, публицистические статьи, мемуары.

ГОЛЬДБЕРГ Александр Яковлевич (1909)

Родился 8 декабря 1909 года в Днепропетровске в семье музыканта. С 16 лет начал самостоятельную жизнь. Работал лифтером, обойщиком, кухонным рабочим, буфетчиком, сотрудником в Московском областном комитете профсоюза работников кооперации и госторговли. Затем был литсотрудником в газетах «Рабочая Москва», «Вечерняя Москва», руководителем литобъединения при газете «Строительный рабочий». Учился в Литературном институте имени Горького.

Стихи Гольдберга печатались в журналах «Молодая гвардия», «Новый мир», «Октябрь», «Огонек». Выпущен ряд сборников Александра Гольдберга. Это «Во имя отечества» (1941), «Мужество» (1944), «На уральской земле» (1948), «В той степи глухой» (1958), «Ковыль горит» (1959) и другие.

В годы войны работал в газете Челябинского тракторного завода.

В период освоения целинных и залежных земель Александр Яковлевич принимал активное участие в работе агитбригад областного отделения Союза писателей СССР, выпускал агитплакаты, «окна сатиры».

Член Союза писателей с 1961 года.

Александр Гольдберг писал и для детей. Среди сборников детских стихов известны такие, как «Для тебя» (1953), «Союз отважных» (1957), «С добрым утром!» (1959) и другие.

ГОРСКАЯ Ася Борисовна (1937-2003)

Имя челябинской поэтессы Аси Горской хорошо известно горожанам. Она — автор 12 книг для детей и взрослых, четырех музыкальных альбомов. Диапазон творчества Аси Борисовны был

достаточно широк: поэт-лирик, песенник, детский поэт, прозаик, руководитель «Кораблика» — школьного литературного клуба и единственного в области музея южноуральских писателей и поэтов (при школе № 15). Горская была организатором конкурса детского творчества «Ищет Пушкина планета».

Ася Горская родилась в 1937 году в Минске, в семье служащих. С началом войны семья была эвакуирована в Челябинскую область. В конце войны вернулся с фронта отец, семья переехала в Челябинск, где Ася закончила школу.

Стихи начала писать рано. Занималась в студии «Алые паруса» при Дворце пионеров (руководила студией Л.Преображенская). У Горской был прямой путь в Московский литературный институт. Но тяжело заболела мать, уехать из дома было нельзя. Ася поступает на естественно-географический факультет Челябинского педагогического института.

В 1959 году по окончании института Горская с мужем, тоже учителем, была направлена в поселок Октябрьский. Школа, в которую пришли молодые учителя, скоро стала центром культуры, притяжением для всего поселка. Через девять лет учительскую семью перевели в Челябинск, во вновь открытую школу № 15, где Ася Борисовна проработала более 30 лет.

Первая ее повесть «Инка + Дик = ?» (1982) была адресована школьникам. Рукопись книги заняла первое место в закрытом областном писательском конкурсе (1978). Книга о подростках и о свойственных этому возрасту серьезных проблемах: становлении личности, поисках цели в жизни, взаимоотношениях детей и взрослых, памяти о войне... В книге много автобиографического. Повесть была хорошо принята читателями-подростками и взрослыми.

Прошло несколько лет, и вышел поэтический сборник Горской «Открытый урок» (1991). В стихах есть такие точные педагогические ситуации, что по книге был проведен шоу-конкурс «Учитель года» (1997). Задания строились по стихам «Открытого урока». Книга быстро нашла своего читателя. «Урок» открыл для читателя Горскую как талантливую поэтессу, положил начало целому ряду поэтических сборников.

Особое место в творчестве поэтессы заняли стихи, посвященные Пушкину: сувенирное издание «Это — Пушкин», часть книги «Живите любимы»... Горская нашла такие слова, так по-своему открыла поэта для себя и читателей, что он стал еще более близким, живым, современным.

...А мы в холодном школьном зале
На сцене Пушкина играли,

И было все на самом деле:
Лицей и Царское село...

Очень важное место в поэзии Аси Борисовны занимает родной город, челябинцы, Урал и уральская природа. Именно ее сборник «Челябинск поэтическим пером» стал победителем городского конкурса «Мой подарок родному городу» (1999). С такой искренностью и любовью, теплотой и нежностью пишет поэтесса о своих земляках, об улицах Челябинска. Город у нее живой, близкий, как человек:

Протяни мне ладони твои,
Застегни распахнувшийся ворот.
Я тебе объясняюсь в любви,
Мой усталый, простуженный город.

Наверное, многие челябинцы подписались бы под словами поэтессы:

Город на Южном Урале,
Город на речке Миасс,
Самый красивый едва ли,
Самый любимый для нас...

В конце книги есть ноты лучших песен о Челябинске и челябинцах, написанных на стихи Аси Борисовны. Кроме того, вышел и литературно-музыкальный альбом «Только в Челябинске», в котором — песни композитора А.Сафонова на стихи Горской.

Ася Борисовна писала так, что ее стихотворения, адресованные взрослым, интересны и детям. В ее стихах «Камни поют», «Молочко на губах не обсохло у одуванчика» есть «время чистопада» и даже «время года с именем Любовь...».

Но она была и детским поэтом, умела разговаривать с самыми маленькими. Ее детские стихи полюбились композиторам. Это и А.Кривошей, Е.Поплянова, Р.Шеховцев. В.Ярушин написал более 50 песен на стихи поэтессы. О своем соавторе он пишет: «...ее стихи очень певучие, сейчас это редко встретишь. Они настоящие, добрые...». Выпускаются литературно-музыкальные альбомы «Аквариум детства», «Мечты девчонки», музыкальный альбом «Про Маринку и Мишутку и всерьез, и в шутку». Выходят аудиокассеты с песнями Аси Горской. Кассета

«Читалочка-засыпалочка» — «Разноцветный ветер» была первой челябинской кассетой песен для детей. Стали гимнами песни Горской на детских фестивалях «Хрустальная капель», «Звездный калейдоскоп».

На межрегиональном вокальном конкурсе «Арт-старт-2000» Горская получила приз как самый исполняемый поэт.

Ася Горская однажды написала: «Я знаю, вам сейчас не до поэзий, одним еще, другим уже...» Но читатели так не думают. На поэтическом вечере в Челябинской областной универсальной научной библиотеке прозвучал экспромт читателя:

...Знайте же, Ася, души откровения:
В дни злобы, террора, войны
Ваши прекрасные стихотворения
Людям очень нужны...

ГРОССМАН Марк Соломонович (1917-1986)

Марк Соломонович Гроссман родился 22 января 1917 года в Ростове-на-Дону, а на Урал попал 14-летним пареньком в 30-е годы на строительство Магнитогорского комбината. Он полюбил этот край навсегда. В своих воспоминаниях он писал: «Я родился на Дону, но почти всю жизнь прожил на Урале... Я гордился, что имею отношение к этому краю сильных и добрых людей».

Детство Гроссмана быстро закончилось: на строительстве Магнитки пришлось вступать во взрослую жизнь. В автобиографическом рассказе «Мама» он писал: «Я избороздил много дорог и перепробовал множество дел: рубил железо, досиня избивая молотком левую ладонь ... стоял за токарным станком, строил домны, плотины и электрические станции, чтобы потом сказать себе, что жил как человек...»

В Магнитогорске он был принят в литературную бригаду имени Горького, здесь же закончил педагогический институт, год проработал учителем в школе под Магнитогорском. Здесь он встретился и подружился с Л.Татьяничевой, Б.Ручьевым.

В 1938 году вышла его первая книга стихов «На границе».

А дальше — служба в армии, в Московской пролетарской дивизии. Воинскую службу начал курсантом, затем командовал взводом, позже выпускал печатную газету «За боевую подготовку», руководил литобъединением дивизии.

Потом — финская война, следом за ней — Отечественная. По

ее дорогам он прошагал до самого Берлина.

На фронте Гроссман познакомился и подружился с такими известными писателями и поэтами, как Матусовский, Светлов, Кулешов, Михалков, Стаднюк, Щипачев и другими. Их дружба и переписка продолжалась потом всю жизнь. Вместе с известным на фронте композитором, руководителем ансамбля песни и пляски М.Табачниковым он создал песню «Хозяйка», очень популярную на войне. Ее знали все.

В своих стихах Марк Гроссман писал о трудных буднях войны, о мужестве наших солдат, о будущей победе. Многие из них как бы поднимаются над временем — они как будто написаны и о сегодняшних войнах:

Ржавеет каска на могиле.
Бежит дорожка к блиндажу.
Мы под одним накатом жили.
Мы из одной жестянки пили.
Что я жене его скажу?

После войны Марк Гроссман жил и работал в Челябинске. Занимался профессиональной деятельностью, многие годы руководил челябинской областной писательской организацией. При его непосредственном участии выходили литературные журналы и альманахи «Уральская новь», «Южный Урал», «Уральские огоньки», «Каменный пояс» и другие. Он был уполномоченным Литературного фонда СССР по Челябинской области.

Удивительно широкий диапазон его творчества до сих пор поражает читателей и критиков. Он оставил большие романы о гражданской войне на Урале: «Да святится имя твое», «Камень-обманка», «Годы в огне»; детектив «Капитан идет по следу», книги рассказов «Мой друг Надежда», «Веселое горе — любовь». Писал он и поэмы. За одну из них — «Цыганок» — по итогам российского конкурса на лучшее литературно-художественное произведение о жизни милиции получил первую премию. За 40 лет работы в литературе он создал более 30 произведений, которые были изданы не только в нашей стране, но и за рубежом.

Уралу он остался верен до последнего дыхания. Обращаясь к Уралу и уральцам в одном из своих стихотворений, признавался:

Я ваш не потому, что я когда-то
У вас учился тайнам ремесла
И не по праву сына или брата —
По крепости душевного родства.

Нет, не пропиской — твердостью закала
Гордился по закону на войне,
Когда рвались дивизии Урала
Через огонь и выжили в огне!
Вот почему мне дороги до гроба,
Вот почему — и долг мой, и права —
Твои крутые, как металл на пробу,
Весомые до капельки слова.

Некоторые стихи из взрослой лирики поэта вошли в круг детского чтения: написанное в 1942 году стихотворение «Мальчик на дороге», стихи о природе («На ржавце, на воде стоячей», «Язык у камня и язык у стога», «Убралась зима, раскаясь», «Пса ударили в грудь ножом» и другие).

Писал он стихи и специально для детей, они вошли в книжечку «Вокруг тебя». В 1957 году он написал повесть «Тайна великих братьев». Но самой главной книгой, написанной для детей, является «Птица-радость». Она издавалась неоднократно и в нашей стране, и за рубежом. И везде была любима читателями. Прочитав книгу, А.Фадеев прислал автору телеграмму: «Книга действительно хороша. Очень рад за Вас». А В.Бианки она настолько понравилась, что ему захотелось написать к ней предисловие и послесловие. «С жадностью набрасываюсь я на рассказы Марка Гроссмана», — писал он и желал «Птице-радости» облететь мир.

ДЕМЕНТЬЕВ Анатолий Иванович (1921)

Анатолий Иванович Дементьев создал целую библиотечку книг для детей о природе, животных, птицах Южного Урала. Никто из челябинских писателей не писал для детей так тепло, с таким знанием дела о природе нашего края, о людях, умеющих ценить и беречь природу.

Дементьев родился 21 мая 1921 года в семье фотографа в городе Троицке Челябинской области. Вскоре после его рождения семья переехала в Челябинск. В 1937 году отец будущего писателя был арестован и трагически погиб в челябинской тюрьме.

В 1939 году Анатолий заканчивает школу в Челябинске и поступает в Свердловский медицинский институт. Но его

призвали в армию и отправили на Дальний Восток, где он прослужил семь лет. Был участником войны с Японией. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией» и другими.

С войны вернулся в Троицк, куда переехали его мать и сестра. Именно в Троицке начинается активная журналистская работа Дементьева. В городской газете «Вперед» он пишет статьи, фельетоны, здесь же в 1948 году публикуется его первый рассказ. Около двух лет Анатолий Иванович проработал в Троицком ветеринарном институте.

В 1949 году он вместе с семьей переезжает в Челябинск, где и живет сегодня. Он работал в редакции областной молодежной газеты «Комсомолец», заочно закончил пединститут (факультет русского языка и литературы).

В 1953 году выходит первая книга его рассказов «По следу».

В 50-е годы он много работает над своими книгами. Возглавляя литобъединение «Смена», помогает в творческой работе молодым авторам. Позднее он долгие годы был руководителем секции приключенческой и научно-фантастической литературы при областной писательской организации.

С 1958 году жизнь Анатолия Ивановича связана с областным радио. Здесь он проработал старшим редактором 25 лет.

С 1963 года — член Союза писателей. Автор 12 книг, десять из них написаны для детей. Его произведения разные по форме: рассказы, сказки, повесть и роман (для взрослых). Но по праву его можно назвать мастером рассказа. Первый его рассказ — «Охотничье сердце». Тема охоты становится главной в творчестве Дементьева. Об этом говорят и названия его книг: «Охота пуще неволи», «У охотничьего костра», «Зеленый шум»...

Интерес к охоте у писателя — с детства. Еще в школе он долго экономил деньги на первое ружье. Страстный рыбак и охотник, он часто вместо ружья брал с собой фотоаппарат и записную книжку. Его записи, дневники, непосредственные наблюдения, рассказы бывалых охотников и рыболовов легли в основу произведений Дементьева.

Он исходил множество лесных троп и степных дорог, научился видеть то, чего не замечали другие. Он умеет удивляться и радоваться открытиям в природе и учит этому своих читателей. Он пишет, как после долгих часов ожидания увидел и услышал в лесу вальдшнепов («Весной»), как сделал снимок редких болотных куликов («Турухтаны прилетели»), как увидел на поляне какие-то яркие необыкновенные цветы, оказавшиеся бабочками («Летающие цветы»). Лесные обитатели: лоси, волки,

медведи, лисы, зайцы — герои рассказов Дементьева.

Одно из лучших его произведений, «Малыш», посвящено судьбе зайчонка от рождения весной до первого снега, о том, как малыш постигает мир, какие опасности его подстерегают и каким чудом он выживает.

Рассказы Дементьева — это уроки мудрого человека без назойливой морали. Они о том, как жить с природой в мире, знать ее ценность, уважать ее правила. Старый грибник из рассказа «Малыш» говорит внуку: «Живая тварь лесная, как и человек, волю любит... Посади ее в клетку — сгибнет...» А бывший разведчик Василий из рассказа «Десять тысяч шагов» спасает раненную браконьерами косулю. С больной ногой он несколько километров несет эту нелегкую ношу. В рассказе «Птицы должны летать» автор вспоминает историю своего детства, когда он спас птиц, которых собирался поймать сетью его дед.

Дементьев пишет и о чудаках-охотниках, которые на охоте не охотятся, а пишут стихи («Случай на охоте») или рисуют картины («Старый дом»).

Писателя тревожит будущее леса и природы. С болью пишет он о прежде цветущей поляне, превращенной в свалку («Летающие цветы»).

Кроме охотничьих рассказов, в нескольких сборниках Дементьева есть раздел «Двенадцать братьев-месяцев», который посвящен природным изменениям в течение года, историям названий месяцев.

Наиболее полный сборник рассказов Анатолия Дементьева — «Десять тысяч шагов» (1985).

Есть у Анатолия Ивановича особая книга — повесть «Подземные робинзоны» (1964). Она о приключениях ребят, заблудившихся в пещере «Уральский лабиринт». Приключения ребят придуманы писателем, как и название пещеры, но описание пещеры очень верно, детально. Эта повесть написана не дилетантом. Дементьев глубоко изучил эту тему, советовался с учеными, спелеологами. В предисловии к книге автор пишет: «В этой повести мне хотелось рассказать о чудесах подземного царства, пробудить у читателей, особенно у молодежи, интерес к пещерам нашего края, а может, и желание всерьез заняться их изучением. И если кто-то из вас, дорогие читатели, закрыв последнюю страницу повести, станет разыскивать свой рюкзак, начнет готовиться к туристическому походу в один из районов пещер, я буду считать, что работал не впустую».

Анатолий Иванович написал роман о золотодобытчиках Урала для взрослых. Две книги вышли: «Прииск в тайге» (1962) и «Огни в долине» (1968). А третья — «Вечный металл» —

печаталась только в отрывках.

КИНЬЯБУЛАТОВА Катиба Каримовна (1920)

Катиба Каримовна Киньябулатова родилась 15 сентября 1920 года в деревне Мавлютово Кулуевского района Челябинской области.

В 1939 году окончила башкирский рабфак в Уфе.

До Великой Отечественной войны училась в Башкирском педагогическом институте, окончила его заочно. С 1941 по 1953 год — преподаватель и заведующая учебной частью кулуевской средней школы Челябинской области. Была первым редактором журнала «Дочь Башкирии» и долгое время являлась его главным редактором.

Печатается с 1939 года. На русском языке изданы книги: «Травинка» (1974), «Голос отца» (1965), «Внучка партизана» (1974), «Зови меня» (1969). Некоторые из ее стихотворений могут быть включены в круг детского чтения.

КОМАРОВ Геннадий Афанасьевич (1933)

Родился в 1933 году в Северном Казахстане. После окончания начальной школы в родной деревне он продолжил учебу за 30 километров от своего дома — в средней школе районного центра.

Любимым увлечением было рисование, и он не разлучался с карандашом, акварельными красками и альбомом. Сохранились рисунки тех лет.

Первое стихотворение Геннадия Комарова было опубликовано в воинской газете. Называлось оно «Жду журавлей» и заканчивалось следующими строчками:

И на посту я слышу
В час рассвета
Желанный крик —
Привет с родных полей...
Еще июль. Еще средина лета —
Жду осени. Жду журавлей.

Комаров служил за границей, в Германии, и только в стихах

он мог выразить чувства, которые испытывал в разлуке с родиной. Стихов, которые печатались в армейских газетах и в журнале «Советский воин», за годы службы скопилось довольно много. Уже тогда он почувствовал, что не писать стихов не может.

После армии Геннадий Комаров работал на Челябинском металлургическом комбинате. Там он начал участвовать в литературном объединении «Металлург», считавшемся тогда одним из самых сильных на Урале. Из него вышло много поэтов, известных всей стране. Собирались члены литобъединения по воскресеньям. Читали, слушали и обсуждали произведения друг друга. Получалось так, что поэты учили друг друга и в то же время друг у друга учились. Часто выступали в цехах, общежитиях, школах. Газеты «Челябинский рабочий» и «Вечерний Челябинск» охотно печатали их стихи.

Первые большие подборки стихотворений Геннадия Комарова были опубликованы в коллективных сборниках «Времен невидимая связь», «Окна». За 40 лет работы на комбинате он написал немало стихов о металлургах. Но рабочая тематика не стала основной в творчестве поэта. Геннадий Комаров писал и для детей. В 1997 году вышел в свет его сборник детских стихов — «В день рождения кота», в 1999 — «Веселый коридор».

В 2000 году Комаров был принят в Союз писателей.

КОНДРАТКОВСКАЯ Нина Георгиевна (1913-1991)

Нина Георгиевна Кондратковская родилась 16 ноября 1913 года в городе Лубны Полтавской области. В 1925 году семья переезжает в станицу Звериногояовскую Курганской области. Окончив досрочно школу, Кондатковская весной 1930 года едет на ликвидацию безграмотности в глухую уральскую деревню.

О начале своей педагогической деятельности она позже вспоминала: «Двухкомплектная школа, четыре класса, 32 ученика. С утра хотелось работать, после обеда — больше всего спать и есть. Питалась школьными завтраками, редко когда перепадало что посытнее. Я тогда думала, что есть и спать буду хотеть всегда».

Позже — учеба в Тюменском пединституте, где студентов тогда учили по ускоренной программе: стране были нужны педагоги.

И снова работа в зауральской деревне. Здесь она познакомилась и подружилась с Б.Ручьевым, М.Люгариным. Заехав сюда из Свердловска, Ручьев так увлеченно рассказывал о

Магнитогорске, где они с Люгариным трудились, что в 1934 году Кондратковская принимает решение уехать в Магнитку. Она работает в школе, обучает не только детей, но и их родителей, первостроителей Магнитогорска, становится членом литературной бригады имени Горького.

В годы войны Нина Георгиевна работала в редакции газеты «Магнитогорский металл». В эти трудные для страны и всех людей дни рождаются стихи «Я вернусь» и «Твои письма», напечатанные в «Учительской газете». Публикация стихов вызвала шквал писем бойцов, офицеров. Стихи читали на митингах, в перерывах между боями, переписывали от руки, заучивали наизусть:

Я с тобой везде иду незримо,
Я храню тебя, ты будешь жить!
Знай, что смерть шальною пулей мимо,
Не коснувшись сердца, прожужжит.
Отведу ее своей любовью,
Смертоносный растоплю металл.
Ночи не было, чтоб к изголовью
Светлый голос твой не долетал!

Нина Георгиевна была педагогом не только по профессии, но и по призванию. После победы она преподает в музыкальном училище до ухода на пенсию (1947-1969).

40 лет жизни отданы детям, которых Нина Георгиевна любила и уважала. Есть у нее такие строки:

Нам кажется, что мы умней, чем дети.
Нам в объективе лет, ошибок, дел
Привиделось, что знаем все на свете
И поучать — высокий наш удел.
А дети, если пристальней вглядеться,
Иных высот постигли дух и стать,
И надо нам душой вернуться к детству,
Чтобы от них в дороге не отстать.

Учениками Нины Георгиевны с полным правом могут себя назвать не сотни, а тысячи магнитогорцев. «Своей» ее считали не только ученики, но и журналисты, и музыканты, и педагоги, и актеры — все, кто имел хоть какое-то отношение к культуре и

искусству.

На протяжении многих лет Кондратковская была бессменным руководителем литературного объединения имени Б.Ручьева. В 1981 году она становится членом Союза писателей.

В 1958 году в Челябинске издается сборник детских стихов Кондратковской «Фестиваль во дворе», затем — «Минутки» (1968) и «Вертолет» (1961).

Вышедшая в 1979 году книга для детей «Синий камень» быстро разошлась с полок книжных магазинов. «Эта книга о самом дорогом — о родной земле, прекраснейшем крае России — Южном Урале...», — обращается к юному читателю в предисловии автор. И то, что поэтессе действительно дорога каждая травинка в родном краю, чувствуется сразу. «Сказ о горе Башмак», «Тайна Абзаковской лиственницы», «Предание о Соленом озере», «Чертов палец»... Нина Георгиевна встречалась с разными людьми, по крупицам собирала легенды, предания, сказы об уральской земле. Эти встречи помогли Нине Георгиевне создать целую россыпь уральских сказов. Кондратковская отмечает: «Чем бережнее мы храним память о прошлом, чем зорче вглядываемся в сегодняшний день, тем полнокровнее и ярче становится наша собственная жизнь».

Последний детский сборник писательницы — «Осенняя книга» — вышел в Магнитогорске в 1988 году.

КОНТОРОВИЧ Леонид Исакович (1901 —?)

Родился в Ленинграде в 1901 году. После окончания школы поступил в МГУ на факультет общественных наук.

Писал в основном в жанре очерка. В ленинградском журнале «Наши достижения» была опубликована рецензия на самое первое выступление Аркадия Райкина. Ее автором был Леонид Конторович.

В 1932 году вышла его первая книга «Сахалинские очерки», затем выходит еще несколько: «Чародинская дорога» (1935), «Башкирские рассказы» (1936).

В 1937 году по ложному обвинению был репрессирован и реабилитирован только в 1956 году. В это время он переезжает на Урал и возвращается к литературному труду. В 1959 году написал повесть «Марафонский бег», в начале 70-х годов — сказку для детей «Приключения Крючка в космосе». Но наибольшую популярность обрела детская повесть «Колька и Наташа», выпущенная в Челябинске в 1957 году.

В Челябинске работал старшим редактором челябинского телевидения, был одним из первых председателей комитета по радиовещанию.

В конце 80-х годов Леонид Конторович вернулся на родину в Санкт-Петербург.

У Леонида Исаковича — две дочери, Инна и Наташа, которым посвящена повесть «Колька и Наташа». Они живут в Москве.

Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР.

КУЗНЕЦОВ Василий Николаевич (1893-1953)

Родился 12 февраля 1893 года в крестьянской семье в селе Каратабан Челябинской области. Окончил начальную сельскую школу. Участвовал в строительстве Челябинского тракторного завода. Здесь и начал свою литературную деятельность. Первые стихи были опубликованы в сборнике «Первые звенья» в 1936 году. Этот сборник был составлен из произведений рабочих завода.

Самая известная книга — сказка-шутка «Базар» — вышла в свет в 1937 году и очень полюбилась детям. Благодаря ей писатель приобрел известность за пределами Челябинска. По рассказам тех, кто с ним был знаком, это был веселый черноглазый человек, очень добрый и хороший. Где бы он ни появлялся — в школе, в клубе, в летнем лагере — вокруг него сразу собирались ребятишки, потому что он очень любил с ними общаться и написал для них немало хороших стихотворений.

Всю Великую Отечественную войну Василий Николаевич работал на заводе, писал патриотические стихи о тружениках Южного Урала. В это время подружилась с ним Л.Преображенская. В рассказе «Веселый сказочник» она пишет: «...Писателей тогда в Челябинске было мало, а детских и совсем не было, кроме нас. Трудно работать, если не с кем посоветоваться о новой задумке, о том, что написалось. Вот и шли мы друг к другу с каждым новым стихотворением. Читали, спорили, иногда даже сердито спорили. Василий Николаевич был веселым, жизнерадостным человеком. Любил и посмеяться, и пошутить...»

Больше 30 лет хранила Преображенская телеграмму, которая была прислана ей и Кузнецову от Маршака: «Сердечно благодарю желаю успехов». Эта телеграмма была ответом на их поздравление Маршака с днем рождения. Самуил Яковлевич,

познакомившись со сказкой Кузнецова «Базар», пришел в восторг и рекомендовал уральца в члены Союза писателей СССР.

Преображенская вспоминала: «...юным читателям очень нравились его задорные, веселые, звонкие стихи. Нравились им и разговоры с поэтом, его шутки... Он всегда с удовольствием шел на встречи с читателями».

После войны Кузнецов писал и сатирические стихи, но особую популярность, кроме «Базара», приобрели его сборники стихов для детей, которые выходили не только в Челябинске, но и в Москве. «Дед Мороз» (1944), «Три автобуса веселых» (1955), «Веселый ручеек» (1958), «Всезнайка» (1963) — это далеко не полный перечень его детских книг. Мир детства — главная тема в творчестве писателя. Веселый по натуре, влюбленный в детвору, Василий Кузнецов до последних дней своей жизни ухитрился сохранить юную душу.

ЛЬВОВ Михаил Давыдович (Габитов Рафкат Давлетович) (1917-1988)

Михаил Давыдович Львов родился 4 января 1917 года в башкирском селе Насибаш в семье учителя. Мать умерла, когда Михаилу не исполнилось года.

После начальной и семилетней школы закончил миасский педагогический техникум. Здесь он встретил своего наставника — преподавателя русского языка и литературы Баяна Соловьева, выходца из среды старой русской интеллигенции. Именно он, разглядев во Львове талант, стал заниматься с ним, давать книги.

После техникума — учеба в пединститутах Уфы и Челябинска. Окончил Литературный институт имени Горького.

Работал в заводской многотиражной газете «Наш трактор» (ЧТЗ), в челябинском радиокомитете, преподавателем русского языка и литературы. В первый год войны работал на оборонных стройках Урала, а затем в составе Уральского добровольческого танкового корпуса прошел всю войну.

Первая книжка стихов Львова «Время» вышла в Челябинске в 1940 году. С тех пор в Челябинске выходило несколько его поэтических сборников: «Урал воюет» (1943), «Дорога» (1944), «Стихи» (1947); в Москве были выпущены книги «Мои товарищи» (1945), «Круглые сутки» (1980). Поэт был награжден премией «Орленок» челябинского ОК ВЛКСМ, а также рабочей литературной премией ЧТЗ.

Военная лирика Михаила Львова приобрела большую

известность не только на Урале. Особенно популярно замечательное стихотворение, ставшее классическим:

Чтоб стать мужчиной — мало им родиться.
Чтоб стать железом — мало быть рудой.
Ты должен переплавиться, разбиться
И, как руда, пожертвовать собой,
Как трудно в сапогах шагать в июле.
Но ты солдат, и все сумей принять:
От поцелуя женского до пули —
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти — тоже ведь оружье.
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

Поэзия Михаила Львова во многом связана с Уралом, с Челябинском. Во время своих многочисленных приездов в родной город поэт встречался с рабочими ЧТЗ, с молодежью, с литературной общественностью города. Эти встречи давали поэту необходимые жизненные впечатления. Каждая поездка на Урал оставляла в творчестве Львова большой след: рождались новые стихи, посвященные родному Уралу, его природе, замечательным людям:

Пройдут года — над веком небывалым
Потомки совершат свой поздний суд.
Железо назовут они Уралом
И мужество Уралом назовут.

Многие стихи поэта понятны и юным читателям. Его стихотворение «Двухэтажный человек» неоднократно публиковалось в детских изданиях.

МУСТАФИН Камиль Ахмадиевич (1932)

Мустафин Камиль Ахмадиевич родился в 1932 году в городе Зеленодольске Татарской АССР. В 1956 году окончил физико-математический факультет Казанского университета, по

специальности — инженер.

Печататься начал в 1956 году. Стихи Мустафина публиковались на татарском и русском языках в различных газетах и журналах Казани, Челябинска, Свердловска и Москвы, в частности, в журналах «Казан утлары» («Огни Казани»), «Уральский следопыт», «Огонек», «Юность». В Казани вышли на татарском языке два сборника стихов Мустафина: «Песня зовет в строй» (1966) и «У каждого своя звезда» (1968).

В стихах Мустафина, как правило, нет броских и цветистых образов — они прекрасны благодаря отсутствию прикрас. Поэту свойствен пытливый, ищущий взгляд на мир. Интересно следовать за поворотами его мысли, потому что поэт не стремится подогнать увиденное к какой-то заранее заданной схеме.

Оригинальность и современность поэтического мышления Камиля Мустафина не могут не вызвать отклика в душе читателя. Кроме того, часть его стихотворений может быть использована и для детского чтения.

ПИКУЛЕВА Нина Васильевна (1952)

Родилась Нина Пикулева 19 июля 1952 года в Челябинске. Еще в школе Нина начала писать стихи. Но, уступив настояниям родителей (они хотели видеть Нину инженером), она пошла в политехнический, затем работала на ЧТЗ.

В 1983 году Нину Пикулеву пригласили на должность редактора Дворца культуры ЧТЗ. А в 1984 при Дворце открылась первая в нашем городе студия эстетического воспитания дошкольников «Родничок». Так и началась для Нины Васильевны долгожданная любимая работа с детьми.

Еще со школьных лет Нина Васильевна в этом же Дворце занималась в литературном объединении, которым руководил Е.Ховив. Он и угадал в Нине Пикулевой талант, помог стать настоящим детским поэтом.

Впервые ее стихи были опубликованы в журнале «Нева» (1985). В 1986 году Нина Пикулева стала участницей третьего Всероссийского семинара молодых детских авторов в Юрмале. Ведущий А.Алексин назвал ее «открытием семинара».

Первая книга поэтессы «В гостях у бабушки» вышла в Москве в 1988 году. Она заняла второе место в конкурсе Госкомиздата. За рукопись книги «Играй-городок» Нина Васильевна получила диплом второй степени на Всероссийском конкурсе молодых

авторов «Твой огромный мир» на лучшее произведение для дошколят (1989). Книга вышла в Челябинске в 1989 году.

С 1991 года Нина Васильевна — член Союза писателей России. Лауреат литературной премии ЧТЗ (1995).

Книги Пикулевой изданы в Москве, Киеве, Ростове-на-Дону, Челябинске. Среди них — «Как ловили мы леща», «Угадай-ка!», «Три сороки», «Загадки для малюсеньких», «Уговорушки» и многие другие.

Известный поэт В.Левин написал поэтессе: «...Мне очень понравились Ваши стихи. Особенно — материнская поэзия... Вам во всех стихах для мам удается с великолепной артистичностью оставаться на высоте поэзии...»

Нина Васильевна уверена, что дети, «которых любят, реже болеют и быстрее выздоравливают». Строчки Нины Васильевны действительно легко запоминаются мамами, бабушками. Они сопровождают ребенка с момента его появления на свет, с первых колыбельных.

Дети любят скороговорки, считалки, загадки. И их у Нины Васильевны много:

— Кто ходит сидя? (Шахматист.)

— Что за братец? Вот загадка! У него за носом пятка! (Носок, башмачок.)

Все стихи Нины Васильевны очень ритмичны и музыкальны. Не случайно сложился творческий союз поэта и талантливого композитора Е.Попляновой. Добрые, оригинальные, запоминающиеся мелодии игровых, колыбельных песен, журилок, будилок дарят детям праздник.

Вышло уже несколько книг с музыкальными страницами: «Ой, люшеньки-люшки!», «В нашем садике народ при-пе-ва-ючи живет», «Ой, какие мы большие!», «Жили-были Трали-Вали».

Пикулева ведет уроки поэзии в школе. Эти уроки скорее напоминают умную и веселую игру. Нина Васильевна ставит перед собой сложную задачу научить детей чувству прекрасного, любви к слову, взаимопониманию, доброте.

Поэтесса — прирожденный педагог-воспитатель. Вместе с Е.Попляновой она создала Центр поэтической педагогики, который уже не первый год существует в Челябинске. В 1994 году Пикулева прошла аттестацию как педагог дополнительного образования и получила высшую категорию.

Две дочери Нины Васильевны — ее первые слушатели.

Есть надежда, что еще не одно поколение детей вырастет на стихах Нины Васильевны Пикулевой:

На душе светло, как в храме,

Ни проблем, ни бурь, ни вьюг.
Я пришла к вам — со стихами,
Кто их принял, тот мой друг...

Дышит радостью планета,
Жизнь, как перышко — легка!
В сердце детского поэта
Вновь рождается строка...

ПОДКОРЫТОВ Юрий Георгиевич (1934-1989)

Литературный псевдоним — Ю.Пластов.

Родился в 1934 году в Челябинске, учился и жил в Пласте. До службы в армии — рабочий Челябинского тракторного завода. После армии вновь вернулся на завод. Занимался в литературном объединении ЧТЗ, где пробовал себя в поэзии, сатире, сказках.

В 1960 году вышли первые детские книги, выпущенные в Южно-Уральском издательстве — «Сказки весенних капель» и «Скворец — серебряное горлышко». Его перу принадлежат 12 детских книг общим тиражом более двух миллионов экземпляров. Среди них — «Веселая артелька» (1963), «Дед Куделька и Огонь Великан» (1967), «Сказки о ремесле» (1975), «Шахта под солнцем», «Сестра стальных великанов» (1976), «Сказки из старинной шкатулки» (1980) и другие. Книги Юрия Подкорытова с удовольствием читали и читают дети всех возрастов.

Подкорытов работал звукотехником в драматическом театре имени Цвиллинга и в областном театре кукол, до 1973 года — на челябинской студии телевидения в должности редактора, где снимал короткометражные фильмы по собственным сценариям. Затем вся его дальнейшая жизнь была связана с печатью: он работал корреспондентом «Вечернего Челябинска», выпускающим, а вскоре редактором «Челябинской недели».

С1970 года Юрий Георгиевич — член Союза журналистов СССР; беспартийный, что сказалось в конечном счете на его непринятии в члены Союза писателей.

Кроме того, Подкорытов известен и как драматург. Его перу принадлежат несколько пьес для кукольного и драматического театра, поставленных в Челябинске и ряде других городов страны.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Лидия Александровна (1908-1991)

Родилась Лидия Александровна 27 марта 1908 года в городе Кунгуре Пермской губернии. В своей автобиографии она рассказывает: «Я родилась в маленьком городке Кунгуре, в семье сапожника. Здесь зародилась любовь к искусству и сложились первые стихотворные строчки.

Здесь впервые вошла я под своды художественной школы. После гражданской войны, когда на страну навалился голод, семья переехала в Казахстан. В Семипалатинске я стала студенткой русского педагогического техникума. Четыре года учебы — и вот я в классе. Сбылась моя мечта: я — учительница. Для них, этих любознательных, доверчивых, а иногда озорных и плутоватых существ, и начала я сочинять свои сказки, стихи, рассказы, пьесы. Семь лет работы в школе. Потом болезнь. Врачи предложили оставить работу. Как жить без любимого дела? Совет друзей натолкнул меня на мысль работать в газете».

В 1938 году Преображенская переезжает в Челябинск, работает в редакции пионерской газеты «Ленинские искры».

Первый год Великой Отечественной войны для Преображенской неожиданно ознаменовался выходом первой книжки «Коля на елке».

Решающую роль в литературной судьбе Преображенской сыграла встреча с С.Я.Маршаком — именно он порекомендовал ей посвятить свою жизнь творчеству. И поэтесса осталась верна своему призванию. Она исходит в своем творчестве из того, что ребенок мыслит конкретно, поэтому стремится идти в своих стихах от обычного, повседневного, уже известного ребенку из его первого жизненного опыта. В этом ей помогает постоянное общение с детьми, природный такт и тонкая наблюдательность.

С 1941 года одна за другой выпускались детские книги Преображенской: «Мама — герой», «Сказка о плюшевом медвежонке», «Богатырь Мороз Иванович», «Палочки-считалочки», «Незабудка», «Тяп-Ляп», «Голубая синица» и многие другие.

Лидия Александровна работала во многих жанрах. Это и сказка, и стихотворение, и маленькая инсценировка, и загадка, и прозаический рассказ. Но основным было, конечно, стихотворение. Прочитав ее книги, писатель С.Анисимов сказал: «Каждое ее стихотворение — это маленький горный родничок, такой прозрачно-светлый, чистый и звонкий, пахнущий травами и детством».

Отметили детские писатели и прозаическую книгу «Две сестрички», самыми удачными назвали рассказы «Как ребята осень искали», «Тараторочка», «Самый красивый», «Две

сестрички». В книге «Пусть заблудится ветрище» собраны лучшие стихи поэта о родной природе.

Лидия Александровна много времени отдавала общественной работе. Ее часто можно было встретить в библиотеках, школах. Она читала ребятам свои произведения, рассказывала о своей работе.

В 1957 году стала членом Союза писателей СССР.

Очень много лет успешно руководила она литературно-творческим объединением «Алые паруса» при челябинском Дворце пионеров и школьников на Алом поле. Ребята учились у Лидии Александровны основам поэтического мастерства, а она получала от детей эмоциональный заряд, необходимый для нее как для писателя, помогающий ей сохранить непосредственность восприятия действительности. Многие ее бывшие воспитанники стали профессиональными поэтами, писателями, журналистами. Другие же сохранили любовь к поэзии, к литературе на всю жизнь. В своей книге «Развитие литературных способностей детей» Преображенская делится богатым опытом эстетического воспитания детей.

Произведения своих воспитанников она собрала и опубликовала их в трех книгах: «Искры золотые пионерского костра» (1962), «Золотники» (1968), «Алые поля» (1973). Писатель С.Анисимов сказал об этих книгах: «...Что это за прелесть! Прочитав “Алые поля”, я вполне мог убедиться в истинности начертанных под заглавием слов: “Моя работа, мое сердце в этой книге заключены”».

РАФИКОВ Басыр Шагинурович (1921)

Басыр Рафиков родился 10 февраля 1921 года в Татарстане, в городе Мамадыш. Окончил татаро-башкирский техникум, учительствовал.

Во время Великой Отечественной войны был в стройбате, затем работал на Магнитогорском металлургическом комбинате грузчиком, десятником, экспедитором.

После войны, закончив исторический факультет Магнитогорского педагогического института, работал заместителем директора по заочному обучению Троицкого татаро-башкирского педучилища, завучем, директором школы.

Все это время он писал стихи. Но на суд читателей вынес их только в 1964 году, когда в одном из журналов Татарии была опубликована подборка его стихов.

Дебют оказался успешным: произведения Рафикова стали появляться в татарских районных и республиканской газетах. Впоследствии вышли его поэтические сборники «Тебя воспеваю», «Дорогие минуты», «Родные пороги», «Ветер времени», «Черная береза» (издана на двух языках: русском и татарском), «Степь» (на русском языке). На сегодняшний день у поэта издано 11 сборников стихотворений на русском и татарском языках. На слова поэта написано несколько песен, получивших широкую известность у любителей татарской музыки.

Но Басыр Рафиков пишет не только «взрослые» стихи. В 1999 году в Набережных Челнах был издан сборник детских стихов «Жду солнца». Многие стихи для детей публиковались и публикуются в периодике.

РАХЛИС Лев Яковлевич (1936)

Родился в 1936 году в селе Лугины Житомирской области. В 1959 году окончил Челябинский педагогический институт. Работал воспитателем в школе-интернате, в молодежных общежитиях, доцентом Челябинского института искусства и культуры. Руководил литературным объединением «Экспресс» при ДК ЖД. Публиковаться начал в конце 50-х на страницах областных газет, в журнале «Урал». В 1973 году вышла первая книга для детей «Шишел-мышел», а затем стали появляться и другие детские издания: «То ли правда, то ли нет», «Оляпка», «Между летом и зимой».

Сейчас он живет в США, в Атланте. Он помогает русским детям не забывать родной язык, занимается с ними в воскресной школе. Сам он рассказывает: «Ничего нет прекрасней и благородней детской аудитории. Дети спрашивают: почему “папаха”, а не “мамаха”? Почему “тыква”, а не “выква”? Помочь ребенку мыслить неординарно — трудно, но нужно.

В Америке замечательные книжные магазины, где можно купить томики Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова... но на английском. А стихи Пушкина на английском — это Бог знает что. Вот почему мы, бывшие россияне, поем с детьми русские песни, ставим спектакли».

В стихах Рахлиса всегда присутствует игровой момент. Он дает возможность маленькому читателю увидеть хорошо знакомую вещь с новой стороны. Как и у Чуковского, у него вещи оживают:

Шишел-мышел говорит:
— У меня пальто болит.
Даже хлястик отвернулся
И куда-то вниз глядит...

...Это проще манной каши:
Оттого пальто болит,
Что у пуговицы вашей
Жизнь на ниточке висит.

Поэт замечательно обыгрывает фразеологизмы.

Дети любят все тайное, загадочное. Поэтому Рахлис считает, что в детских стихах должна быть загадка. Ценность этого приема в том, что ребенок как бы становится соавтором, учится образному мышлению. Автор продолжает традиции таких известных поэтов, как Маршак, Хармс.

Воспитывают стихи Рахлиса как бы исподволь, играючи. Дети сами делают открытие, нравственный урок получают ненавязчиво, и длинные стихотворения воспринимаются легко, на одном дыхании.

Выводы, которые сделают, прочитав стихотворение «Соломинка», дети и взрослые, возможно, будут разными. Но, несомненно, оно всех заставит задуматься:

Трижды
В жизни
Я тонул
В ясную погоду.
Но других я не тянул
За собой
Под воду.
Сам тонул,
Сам
Шел на дно,
Сам
Спасался
Все равно.
За соломинку
Хватался
И — поверите —
Спасался.

Когда журналисты спросили самого поэта, что он имел в виду, создавая стихотворение, Лев Рахлис ответил: «Надежду, наверное. Моя творческая судьба нелегко складывалась. Три книги вышли с перерывами более чем в десять лет».

Последняя книга Рахлиса «Тук-тук» выпущена писателем в Атланте в 2001 году.

Критики говорят, что его стихи воспитывают в детях фантазию, чувство доброты и красоты, недаром всеми любимый

Шишел-Мышел как родился —
Первым делом удивился:
До чего чудесен свет,
Ничего чудесней нет!

РУБИНСКИЙ Константин Сергеевич (1976)

Константин Рубинский родился в 1976 году в Челябинске. Стихи начал писать с четырех лет. Публиковался в местной и центральной периодике. С 1988 года Костя являлся стипендиатом Детского фонда и Фонда культуры. С 1990 года — стипендиат международной благотворительной программы «Новые имена». Лауреат первого Всероссийского детского фестиваля культуры и спорта (первое место в поэтической номинации и первое место в конкурсе композиторов). Лауреат международного фестиваля «Рыцари СпАрта» (1991). Принимает участие в творческих вечерах ведущих деятелей российского искусства в Центральном доме литераторов, в гала-концертах программы «Новые имена», «Созвездие молодых талантов» (Москва), публикуется в поэтических альманахах «Новые имена» (1995, 2000). Творчество Рубинского получает высокую оценку у академика Д.Лихачева, А.Цветаевой, поэтов С.Михалкова, Ю.Мориц, А.Кушнера.

Первый сборник стихов — «Фантазия для души с оркестром» — вышел в 1992 году.

В 1994 году Константин окончил Челябинский музыкально-педагогический колледж, а в 2001 — Литературный институт имени Горького в Москве.

В 1997 году вышла новая, большая книга поэта «Календарные песни», где подытоживается творчество последних шести лет.

В 1999 году Константин принят в члены Союза писателей России.

В 2000 году вышла книга «Введение в детствоведение», адресованная педагогам-профессионалам и родителям, а в следующем, 2001 году, издается сборник песен Рубинского «Элегия дождя» на стихи русских (в том числе тексты самого композитора) и зарубежных поэтов.

В челябинских лицеях Константин успешно ведет курс литературного мастерства по оригинальной авторской программе «Развитие литературно-творческих способностей детей», которая победила на городском конкурсе педагогов дошкольного образования.

Публикуются и педагогические труды Рубинского. Он успел показать себя талантливым педагогом, хорошо понимающим детскую душу и творчество, воспитал юных поэтов, занимающих престижные места победителей в городских, областных, всероссийских и международных конкурсах и программах («Серебряное перышко», «Двадцать одно облако», «Мой Пушкин», «Моя маленькая Родина»), публикующихся в центральных и местных изданиях, выпускающих собственные сборники стихов.

В 2001 году на международном конкурсе учителей Константин Рубинский стал победителем и обладателем «Золотого глобуса». Сотрудничает с частным московским лицеем «Троице-лыково», ведет мастер-классы поэзии на Всероссийской творческой школе программы «Новые имена» в Суздале наряду с лучшими творческими личностями России. Получил престижный сертификат Российского фонда культуры.

Имя Константина Рубинского занесено в Золотую книгу «Новые имена планеты. XX-XXI век», один из раритетных экземпляров которой хранится в России, в Кремле.

В челябинском Новом художественном театре успешно идут спектакли, к которым Рубинским написаны сценарии, музыка и аранжировки: «Это все, что от Вас осталось» (композиция по произведениям А.Вертинского) и «Silentium» (театральные медитации на стихи О.Мандельштама). Константином практикуются частые творческие вечера в различных театральных и концертных залах.

Константин считает, что талантливого ребенка легко «пропустить». Он — сторонник практики раннего творческого обучения и развития, главным образом, семейного. «В наше время я не верю в иные институты, кроме как в семейный, — говорит он. — Каждый родитель должен понимать, что школа, несмотря на объем информационного уровня, в конечном итоге все равно казенный дом. Отсюда — большая важность введения эстетических дисциплин в школе. Эти дисциплины собирают детей у творческого “очага” большой семьей по их интересам».

САВИН Виктор Афанасьевич (1900-1975)

Коренной уралец Савин родился 28 сентября 1900 года в семье приискового рабочего. Деды и прадеды его жили и работали на Быньговском заводе Пермской губернии.

С детских лет Виктор Савин сам познал жизнь труженика у заводчиков Демидовых и Шуваловых, был погонщиком на подвозке золотоносных песков, водоливом на драге, токарем на Лысьвенском заводе. Зарабатывая собственным трудом на кусок хлеба, парнишка успевал зимней порой учиться в приисковой школе, а затем в высшем начальном училище.

Участник гражданской войны. В 1923 году, демобилизовавшись из армии, Савин поступил в Московский литературно-художественный институт имени Брюсова, окончил учебу в ленинградском университете.

Встречи с художниками слова — В.Брюсовым, В.Маяковским, общение со студентами — Н.Богдановым, А.Веселым, М.Светловым, Я.Шведовым, А.Кожевниковым — давали не меньше, чем лекции известных профессоров Сакулина и Ушакова.

По окончании учебы Савин был направлен на Урал. Почти четверть века находился на журналистской работе, сотрудничал в редакциях газет в Усолье, Соликамске, Златоусте, Кусе, Челябинске. Эта работа была необходимой ступенью к литературному поприщу.

Его очерки, рассказы публиковались в газетах, журналах, коллективных сборниках. Большинство из них посвящено юным читателям.

В 1925 году вышла в свет первая книга рассказов для детей Савина — «Шаромыжник» — о детях-сиротах гражданской войны, а затем сборники «Беспризорный круг» и «Петяш» (1926). В литературе появилось новое имя — Виктор Горный (под таким псевдонимом издал Савин эти свои произведения). Самой известной его книгой, изданной в Москве, в издательстве «Детская литература», стал сборник повестей и рассказов «Юванко из Большого стойбища», знакомящий юных читателей с удивительным миром уральской природы, с людьми нашего края.

С 1964 года — член Союза писателей.

Савин является автором более 15 книг для детей. Среди них — «Косотурские художники», «Волчье логово», «Старший в доме», «Закалка мужества», «Хитрый заяц» и другие.

ТАТЬЯНИЧЕВА Людмила Константиновна (1915-1980)

Родилась 19 декабря 1915 года в городе Ардатове бывшей Симбирской губернии (ныне Мордовская АССР). Девочка рано лишилась родителей, и ее взяли на воспитание дальние родственники, жившие в Свердловске. Приемный отец Людмилы Константиновны был преподавателем физики, приемная мать преподавала русский язык и литературу. В доме всячески поощряли увлечение девочки поэзией.

Школьные годы будущая поэтесса провела в Свердловске. В 1931 году окончила семилетку и поступила работать на вагоностроительный завод имени Воеводина; одновременно училась на рабфаке. После четвертого курса рабфака в 1933 году была принята в Свердловский институт цветных металлов. Но, проучившись немного, бросила его. Вот как пишет сама Людмила Константиновна об этом периоде: «Окончив два курса института, я поехала на великую стройку у подножия горы Магнитной. Почему? Потому что не поехать туда я не могла! Ведь Магнитка в те годы для молодого сердца значила не меньше, чем Сибирь для молодежи 60-х годов...

Встретил Магнитогорск барачным неуютом, бездорожьем, огромными пустырями... Зато — всюду молодость...»

В течение десяти лет работала в редакции газеты «Магнитогорский рабочий». С Магнитогорском связаны многие знаменательные события в жизни поэтессы: в журнале «За Магнитострой литературы» печатались ее первые стихи (она начала печататься в 1934 году), здесь без отрыва от работы окончила Литературный институт имени Горького.

Весной 1944 года обкомом ВКП(б) Людмила Константиновна была переведена в Челябинск на должность директора областного издательства.

В 1944 году в Челябинске вышел первый сборник стихов Татьяничевой — «Верность», а затем такие книги, как «Синегорье», «Лирические строки», «Малахит», «Самое заветное», «Бор звенит», «Зорянка», за которую в 1971 году поэтесса получила Государственную премию РСФСР имени Горького. За год до смерти она издала большой новый сборник «Калитка в лес осенний», а через год — «Десять ступеней». Этой последней книги она уже не увидела. Символично, что самая первая книга и самая последняя вышли в Челябинске.

В 1945 году поэтесса стала членом Союза писателей, много лет была ответственным секретарем Челябинского отделения Союза писателей, потом — секретарем правления Союза писателей РСФСР.

За общественную и литературную работу Людмила Константиновна награждена двумя орденами «Знак Почета», орденом Трудового Красного Знамени и медалями, удостоена Государственной премии. Стихи Татьяничевой переведены на многие языки народов СССР, некоторые переложены на музыку и стали песнями. В.Федоров в статье, посвященной памяти Татьяничевой, ставит ее имя рядом с именами А.Ахматовой, О.Берггольц.

Как поэт Татьяничева родилась на Урале. И она гордилась этим, называя свою комсомольскую юность прекрасной. Свою любовь к Уралу она выражала как стихами, так и прямыми высказываниями в статьях и очерках. «Мне посчастливилось жить на Урале в интереснейшее время», — признается она в одном из очерков, при этом географически у нее возникает свой золотой треугольник — Свердловск, Магнитогорск и Челябинск. А имя Урала она объясняет сплавом двух понятий: «ур» и «ал», что в переводе означает «земля золотая». Само это изыскание говорит прежде всего о любви поэтессы к легендарному краю.

Полюбив однажды Урал, она полюбила и людей, составляющих его гордость, пусть даже давно ушедших, — таких как создатель первого двигателя Ползунов, изобретатель радио Попов, скульптор Шадр, писатели Мамин-Сибиряк и Бажов. Последний был для нее особенно дорог. Немногие знают, что Людмила Татьяничева была знакома с П.Бажовым с детства. «С ним было надежно и высокогорно», — признавалась она.

Татьяничева писала и замечательные стихи для детей. Она создала целую детскую библиотечку, в которой насчитывается более десяти сборников для разных возрастов. Среди них сборники «На лугу» (1956), «Веселый улей» (1965), «Звонкое дерево» (1973), «Зеленое лукошко» (1985) и другие. И это не считая того, что многие ее стихотворения, совсем не предназначенные детям, благодаря ясным образам близки и понятны им:

Русый дождик-бусенец
Открывает свой ларец.
Дорогому рады гостю
Все и в поле
И в лесу.
Раздает он полной горстью
Самоцветную красу.

ТРЕЙЛИБ Георгий Вилисович (1920-1992)

Когда уходит писатель, остаются его произведения. Детский поэт, прозаик, сказочник Георгий Вилисович Трейлиб, последние годы живший и работавший в Челябинске, успел выпустить только две маленькие книжки. Это сборник загадок «Крашеное коромысло» и «Артист оригинального жанра».

При жизни Трейлиб много публиковался в детском журнале «Мурзилка». Автор очень любил так называемые перевертыши — фразы, которые можно читать справа налево и наоборот. Например: «Горох у дорог к городу Хорог». Или такая: «Рвала Алла лавр».

Писал Трейлиб и загадки, скороговорки, прибаутки, чистоговорки — веселую словесную игру, которую так любят дети, особенно маленькие, для кого даже букварь — книжка завтрашнего дня. Вот, например, его необычные загадки: «Рад кот лету. (А что он любит? Котлету)». Или: «Подплывает колесом (К кому, кто? К Оле сом)».

Повесть «Артист оригинального жанра» рассказывает о мальчике по имени Сандро, родившемся без рук и благодаря сильной воле научившемся ногами делать все, что мы делаем руками. Он хорошо учился в школе, умел работать на токарном станке, скакать на лошади. Он даже работал матросом на спасательной станции. Безрукий спасатель, он спас жизнь семи утопающим. А потом он стал актером цирка. И с полным правом написал однажды твердым и уверенным почерком в записную книжку Георгия Трейлиба: «Человек может все!».

Трейлиб очень любил ребят. Он не только писал для них. Каждое лето он отправлялся вместе с ребятами в лагерь, вел там кружок «Умелые руки» — учил мастерству. У него самого руки были просто золотые — за долгую и трудную жизнь научился многим полезным профессиям.

А жизнь его была действительно тяжелой. В годы юности он по ложному обвинению был репрессирован и попал сначала в тюрьму, а потом — в лагерь, где провел много лет. Там он встречал детей. «В каждом лагере, где мне довелось сидеть, обязательно были ребятишки. Хотя бы один-два... Ума не приложу, как они туда попадали», — рассказывал писатель. Георгий Вилисович мечтал написать книгу об этих детях... К сожалению, его мечте так и не суждено было сбыться.

Очень многое у Трейлиба так и осталось неизданным. После его смерти, в 1992 году, в Челябинске Ассоциация детских авторов выпустила рассказы и сказки Георгия Трейлиба о чудесной и светлой поре детства — его третью книгу.

ХОВИВ Ефим Григорьевич (1928-2003)

Родился 15 сентября 1928 года в Белоруссии, в Витебске. Детство будущего писателя прошло в городе Орша, там он поступил в первый класс. Пробовал писать стихи. Война застала мальчика в детском санатории «Барвиха» под Москвой. Начались бомбежки, детей эвакуировали на Урал, в Чебаркуль, где мальчика вскоре отыскала мать. Позже они узнали, что отец, сестра и другие родственники погибли в оккупации.

В 13 лет Ефим стал внештатным сотрудником в Чебаркульской газете «Южноуралец». Там же напечатал свои первые стихи. Пошел работать на оборонный завод. Был монтером измерительных приборов, успевая еще и учиться. После седьмого класса, минуя восьмой, закончил девятый класс. В десятом классе учился уже в Челябинске, куда они переехали с матерью в 1943 году.

Закончил школу в 15 лет. Сделал несколько попыток поступить в разные институты. В конечном итоге поступил в Ленинградский университет на исторический факультет. Учился хорошо, много работал в университетской газете.

В 1951 году вернулся в Челябинск, поступил на работу в редакцию газеты «За трудовую доблесть». Так он на всю жизнь связал себя с ЧТЗ.

В 1955 году возглавил литературное объединение ЧТЗ. ЛИТО стало настоящей школой для молодых (и немолодых) писателей и поэтов. Из него выросла целая плеяда настоящих писателей: Ю.Подкорытов, И.Лимонова, Н.Пикулева, М.Голубицкая, В.Андреев, Н.Рябинина, В.Киселева, Н.Ваторопина, Е.Романенко и многие другие.

Ефим Григорьевич отличался широтой интересов: с 1966 года он занимался историей ЧТЗ, выпустил несколько книг об истории завода. Стал основателем киностудии «ЧТЗ-фильм». Его фильм «Встретимся в Берлине» (о судьбе немецкого коммуниста А.Хесслера) получил первую премию на Всесоюзном молодежном слете в Ереване (1981).

Ховив — редактор и составитель интереснейших сборников «Городской романс» (книга о Челябинске и челябинцах, написанная самими челябинцами, 1996), «День воспоминаний» М.Львова (1997), «Будьте добры» Л.Татьяничевой (сборник лучших стихотворений и впервые публикуемых воспоминаний, 2000).

Ефим Григорьевич много занимался с детьми, работал для детей: он — инициатор и составитель специальных детских страничек в газетах «Светлячок» в «Челябинском рабочем», «Газетка» — в «Хронике».

Несколько лет назад Ховив организовал детскую литературно-творческую студию «Пегасик». «Пегасик» выпускает свою библиотечку и газету «Стреляный воробей» (приложение к газете ЧТЗ «Всем») — единственную в стране детскую литературную газету, где авторы — сами дети.

Ховив — автор нескольких стихотворных сборников для детей: «Верный друг», «Веселые горошинки», «Какого цвета лето». Много его стихотворений опубликовано в детском литературно-познавательном журнале «Тропинка» и других периодических изданиях.

Ефим Григорьевич — заслуженный работник культуры, родоначальник первого в стране первоапрельского фестиваля юмора и сатиры («ФЛЮС»), который проходил в Челябинске больше 20 лет.

ЦУПРИК Нина Васильевна (1914-?)

Родилась в Сибири в селе Перово Красноярского края, но с трехлетнего возраста ее жизнь связана с Уралом. Отсюда родом ее отец — крестьянин-бедняк и мать — дворянка из семьи заводчика Гусь-Хрустального завода. Здесь складывалась ее судьба, формировалось творчество.

Биография Нины Васильевны Цуприк наполнена драматическими событиями, тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю поколений 20-30-х годов. В гражданскую войну ее отец уходит с отрядом партизан, а мать арестовывают колчаковцы. Нину и ее грудную сестру приютили родственники.

После учебы Цуприк пять лет работала учительницей в начальных сельских школах Челябинской области.

В 1936 году райком комсомола послал Нину Цуприк учиться в партийно-газетную школу. За чтение своих стихов на первой сельской олимпиаде художественной самодеятельности она получила направление-командировку на учебу в Литературный институт имени Горького. Но в 1937 арестовали ее отца, и она стала дочерью «врага народа». В 1942 году погиб на фронте под Москвой муж Нины Васильевны, кадровый офицер.

В 1949 году Цуприк переехала в Челябинск. Работала в многотиражных газетах, а с 1958 года на студии телевидения

старшим редактором детских передач. В это время выходят ее первые книги: сборники рассказов для детей «Айка» (1958), «Счастливый билет» (1960) и документальная повесть «Геройское имя» (1962).

Эти и появившиеся позднее книги отличает большое жизнелюбие. Чувствуется, что автор не просто знает жизнь — сердце его наполнено любовью к людям и природе. О чем бы ни писала Нина Цуприк — об истории или современности, о людях или животных — она умеет передать эту любовь своему маленькому читателю.

Особенно хорошо это видно по ее произведениям, где главные герои — животные. Вот как отзывался об одной из таких книг критик и литературовед Е.Беленький: «Животные у Нины Васильевны имеют свои “характеры”, каждый звереныш со своим нравом, ей дороги эти зверята — доверчивые и озорные, добрые и свирепые, бесстрашные и ранимые, простодушные и хитрые. Она заражает читателя своей любовью к животным, что особенно важно в наше время».

Нина Васильевна активно сотрудничала с областным обществом любителей книги. Ее встречи с учащимися школ всегда несли большой положительный заряд, воспитывали любовь к природе, животному миру, щедрость и доброту.

Нина Васильевна — член Союза писателей СССР.

ЧЕРЕПАНОВ Сергей Иванович (1908-1993)

Сергей Иванович Черепанов — коренной уралец. Он родился в 1908 году в селе Сугояк Челябинской области. В 1928 году он переезжает в Челябинск. В этом же году публикует свой первый рассказ «Иванов сурок» в газете «Челябинский рабочий». Впоследствии рассказы Черепанова публиковались в различных местных и центральных периодических изданиях.

Сергей Черепанов — один из первостроителей ЧТЗ. В годы строительства, пуска и освоения завода он был редактором газеты «Наш трактор», организатором и первым руководителем литературного объединения «Тракторостроитель». В 30-е годы работал ответственным секретарем газеты «Челябинский рабочий».

В 1937 году был репрессирован и до своей реабилитации в 1956 году практически не писал. Наиболее активно и плодотворно Сергей Черепанов стал заниматься творческим трудом как литератор лишь с 1959 года. Литературным трудом

занимался наряду с журналистикой.

Сергей Иванович — член Союза писателей СССР.

Черепанову принадлежат произведения разных жанров. Он автор романов «Богатство», «Утро нового года», «Помоги себе сам», автор и составитель сборников повестей и рассказов «Алая радуга», «Родительский дом», сборников уральских сказов. Особенный интерес представляют сказы писателя. Они опубликованы в сборниках «Лебедь-камень», «Снежный колос», «Озеро синих гагар». Продолжая традиции П.Бажова и С.Власовой, Сергей Черепанов тем не менее ищет и находит свои темы, образы, художественные приемы.

Известный советский писатель Е.Пермяк высоко оценивал сказы Черепанова. Он писал: «Среди последователей П.Бажова С.Черепанов может быть поставлен на одно из первых мест по выразительности своей стилистики и по тонкости чувства сказочного, то есть по умению слить картины быта определенной исторической эпохи и фантастику».

ЧУЧЕЛОВ Михаил Георгиевич (1898-1919)

Михаил Чучелов родился 30 октября 1898 года в Челябинске в семье переселенцев. С детства сочинял стихи, в 17 лет стал писать рецензии и статьи. Родители противились желанию сына стать писателем, и он после окончания Челябинского классного городского училища в 1914 году поступил в Красноярское землемерное училище. Никто в семье не придавал значения увлечению Михаила, и лишь сестра Клавдия поддерживала его и знакомила брата с книгами.

Михаил Чучелов работал на Алексеевском руднике, публиковался в газетах «Голос Приуралья», «Власть народа», «Известия Челябинского совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов», часто подписываясь псевдонимом «Меч».

Несмотря на молодость поэта, его творчество разноплановое; он пробовал себя в разных жанрах: стихи, сонеты, незаконченная поэма, трагедия, критические заметки.

При жизни, в 1918 году, был издан только один сборник стихов — «Утренник» (который стал первым послереволюционым поэтическим сборником, выпущенным в Челябинске). Перед стихами помещена статья крупного челябинского беллетриста А.Г.Туркина «Свежие зерна». Она является первым признанием несомненного таланта начинающего поэта Михаила Чучелова. Туркин был «искренно рад, что в тетради юного самоучки ему

удалось подслушать трепетный звон души», потому что «в этой толстой тетради иногда, как робкие зарницы, вспыхивали свои образы, свои мысли — оригинальные и свежие».

Поэзии Чучелова присущи темы родины, Бога, свободы, истории, поэта и поэзии, природы. Это стихотворения «Поэт», «Я живу...», «Сон», «Лебедь», «Дорога», «Родине», «Завет Христа», «В эту ночь», «Бури», «Сибирский дух», «Весна», «Лето», «Три этюда осени», «Зима», «Запах снега».

Некоторые из его стихотворений могут быть включены в круг детского чтения.

Название «Утренник» неоднозначно: это и ростки новой жизни, и его стихи, выстраданные, выношенные в течение пяти мучительных лет, тянущиеся навстречу жизни.

Поэт хотел, чтобы его заметили. Он так и остался «утренником» и в поэзии, и в жизни, не дожив до 22 лет...

ШАГАЛЕЕВ Рамазан Нургалеевич (1935)

Рамазан Нургалеевич Шагалеев родился 1 февраля 1935 года в деревне Муслюмово Кунашакского района Челябинской области. После окончания семи классов поступил в школу фабрично-заводского обучения в Челябинске.

В 1954 году начал работать крановщиком на Челябинском металлургическом заводе. Одновременно занимался в вечерней школе рабочей молодежи.

После службы в рядах Советской Армии с 1959 года Шагалеев руководит башкирским и татарским ансамблем песни и пляски «Айгуль» Челябинского металлургического завода.

Рамазан Шагалеев вместе с другими любителями поэзии и прозы организовал литературное объединение и руководил им до 1982 года.

Первые стихи Шагалеева были опубликованы в 1959 году на страницах районных газет. В дальнейшем они публиковались в журналах и газетах Башкирии, Татарии. В 1973 году вышла в свет поэтическая книга «Откровенно говоря». Произведения Шагалеева публиковались в коллективных сборниках «Солнце на ладони», «Урал улыбается», «Молодые голоса Башкирии», «Веселая сцена», в альманахе «Поэзия», газетах и журналах.

Рамазан Шагалеев — автор десяти поэтических сборников. На его стихи композиторы сочинили много прекрасных песен.

Писал Шагалеев и для детей. В 1991 году в Челябинске вышел сборник стихов для детей «Веселая горка», а в 1993 году в

Уфе — «Колыбельные животных».

Рамазан Нургалеевич — заслуженный работник культуры России и Башкортостана. Член Союза писателей СССР и Башкортостана.

ШИЛОВ Николай Петрович (1947)

Родился Николай Петрович 12 апреля 1947 года в городе Щучье Курганской области в рабочей семье. Еще в школе начал писать стихи, некоторые из которых печатались в местной газете. Окончив восемь классов, поехал в Челябинск и поступил в культпросветучилище, диплом которого получил в 1966 году; был направлен в Ленинградский институт культуры на театральный факультет.

Шилов окончил институт, вернулся в Челябинск, стал преподавать в том же училище, в котором учился сам. Правда, сначала один год он прослужил в армии. Кроме преподавания, он со своими студентами писал сценарии, ставил спектакли и концерты.

С 1970 года Шилов стал заниматься в литературном объединении «Экспресс», что при ДК ЖД. Подружился с руководителем литературного объединения и детским поэтом Л.Рахлисом.

В 1982 году он перешел на работу в Институт культуры, стал работать вместе с Рахлисом. А в Челябинском университете Николай Петрович создал очень интересный студенческий театр «Софит». За десять лет существования «Софит» не раз был победителем на разных конкурсах. Сейчас Николай Петрович — заведующий кафедрой режиссуры театрализованных представлений и праздников.

Николай Петрович вместе с Л.Рахлисом в 1992 году написали первую книжку для воспитателей детских садов и учителей начальных классов «Цветик-семицветик», потом появились «Здравствуй, бабушкин сундук», «Школа Винни-Пуха» и другие. Все, кто работает с маленькими детьми, сразу оценили достоинства сценариев игр, конкурсов, шоу, придуманных авторами — выдумщиками, фантазерами, знатоками характеров мальчишек и девчонок.

Первые публикации Шилова для детей появились в газете «Хроника», где была специальная детская «Газетка». С первых же стихов стало понятно, что появился в Челябинске настоящий оригинальный детский поэт со знанием детей, со своим словом:

веселым, ироничным, образным, озорным. Эти стихи интересны и маленьким детсадовцам, и ученикам начальной школы, и их родителям, и бабушкам и дедушкам. Они заставляют ребят думать нестандартно, фантазировать, радоваться неожиданным поворотам, богатству языка, юмору.

В 1996 году в Челябинске появился журнал «Тропинка», где главным редактором была С.Школьникова, а заместителем ее и ведущим рубрики для самых маленьких «Детский сад» стал Николай Петрович.

Стихотворения Шилова печатались в минском журнале «Кважды-Ква», в американской газете «Русский дом», которую теперь в Атланте выпускает Л.Рахлис.

Первый сборник стихов Шилова, «Доктор МУХА-ГОРЛО-НОС», вышел в 1997 году. В 2000 году выходит «Страшный зверь», а в 2001 — «Посвящение в лягушки»; в 2002 году — еще одна книга «Безусый Самсусам». «Безусый Самсусам» дает понять читателям, большим и маленьким, как много может поэт, как интересны его стихи-загадки, стихи-игры, считалки, страшилки, мечталки.

Но было бы неверно отмечать в его стихах только юмор, озорство. Есть такие стихи, которые заставляют думать и ребенка, и взрослого о серьезных вещах: «Думы», «Лето», «Заботы».

Если речку
Не беречь,
Перестанет
Речка течь,
Зарастет высокою
Острою осокою...

Много стихотворений Николая Петровича посвящено природе: ветру, цветам, деревьям, букашкам. Может быть, потому, что он сам хороший садовод, в его стихах такие тонкие и точные наблюдения за всем, что растет и живет на земле: «Старички», «Божья коровка», «Букашки». Очень типичное стихотворение — «Одуванчик»:

У него
На темечке
Воинственные
Семечки
Встали
С парашютами,
Только ветра

Ждут они —
Это лучшая погода
Для захвата
Огорода.

Яркие, веселые стихи Николая Шилова «просятся» на музыку. Композитор Е.Поплянова сочинила целое музыкально-поэтическое веселое представление на стихи поэта — «Веселый праздник Пам-Парам». Н.Пикулева в стихотворении «Встречайте» написала о Шилове:

...Всем-смеяться-разрешилов
И-задать-любой-вопрос,
Николай Петрович Шилов,
Доктор муха-горло-нос.
Строен, как Карандашилов,
Бодр и свеж, как эскимос,
Николай Петрович Шилов,
Осушитель детских слез...
...Для него живое слово —
И работа, и игра.
Не встречали вы такого?
Так встречайте же, пора!

В 2000 году он принят в Союз писателей России.
У Николая Шилова два сына, подрастают внуки.

ШКОЛЬНИКОВА Северина Борисовна (1932)

Северина Борисовна Школьникова родилась в селе Агинском Саянского района Красноярского края.

В Сибири закончила среднюю школу. Училась в плодоовощном техникуме в Башкирии. За ее плечами два института: Костромской сельскохозяйственный и Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (ныне Челябинский государственный агроинженерный университет).

Инженер-механик, кандидат технических наук, работала в НАТИ. Но в Челябинске, где она живет с 1965 года, стала

известной благодаря своей литературной деятельности.

В детстве Северина много читала, в семье выписывали детские журналы, была домашняя библиотека. Стихи начала писать лет в пять-шесть. В Челябинске стала заниматься в литобъединении ЧТЗ и 20 лет была с ним связана. Печаталась в заводской газете, городской и областной периодике. Писала лирические стихи. Написала цикл стихов о тракторах, за что ее друзья тогда называли «Тракторина Борисовна». Детские стихи появились, когда стала подрастать дочь. Школьникова выпустила сборник стихов «На зеленой даче», который отличает знание дошкольников, их интересов, уменье с ними разговаривать языком стиха о летней природе: «Послушаем полянку», «Ежевика и ежи», «Слепой дождик». Стихи Северины Борисовны проникнуты добрым чувством, юмором.

У Школьниковой выпущено несколько книжек-раскрасок для детей с хорошими стихами: «Детский сад для зверят», «С Новым годом». Детские стихи Школьниковой печатались в сборниках («Читайка» и другие), на детских страницах челябинских газет.

На особом месте — книга «Операция “Аптека” для больших и маленьких» (в соавторстве с Н.Меньшиковой и Н.Строковой). Это большая книга о лекарственных растениях Урала и Зауралья. В ней есть научно-художественная часть для детей, советы взрослым.

Северина Борисовна написала для этой книги стихи и загадки, связанные с лекарственными растениями, жизнью леса. Поэт хорошо знает природу, умеет в стихотворной форме очень точно и образно объяснить детям, что есть что. Школьникова не только поэт, но и автор научно-популярных текстов для детей. Первой ее книгой была «Аполлон, меч и сколопендра» в соавторстве с художником А.Микулиным — небольшие очерки-загадки для детей о животных, рыбах, насекомых. Книга написана Школьниковой еще в 1975 году, но нисколько не устарела ни по содержанию, ни по форме.

В 1990 году Северина Борисовна организовала и возглавила ассоциацию детских писателей Челябинска. Была инициатором и главным редактором сначала детской газеты «Тропинка» (1991-1992), а затем детского литературно-познавательного журнала с тем же названием (с 1996). Журнал был адресован дошкольникам и школьникам, рассчитан на возрождение семейного чтения. Северина Борисовна объединила в работе над журналом коллектив авторов — взрослых и детей. Челябинские детские писатели получили возможность публиковать свои произведения, а дети — свои первые литературные опыты.

Северина Борисовна была не только организатором, но и

автором стихов, сказок, загадок в «Тропинке». Она писала для детей об истории нашего края, его населении, истории челябинских улиц...

В 1998 году «Тропинка» стала частью программы «Дети Челябинска».

В 2000 году Северина Борисовна Школьникова уехала в Израиль. В Хайфе она пишет стихи для русскоязычных детей, для детских садов, помогает родителям приобщать детей к чтению.

ЮЛДАШЕВ Олег Валиджанович (1957-1992)

Родился 4 июля 1952 года в городе Фрунзе. После окончания школы был призван в ряды Советской Армии; служил на Урале, в Перми.

Уже тогда Олег Юлдашев начал писать для детей, которых очень любил. Темы для поэтического творчества Юлдашеву подсказывала уральская природа, ее красота и загадочность. Даже во время службы Олег Юлдашев был внештатным корреспондентом нескольких республиканских газет, которые публиковали его детские стихи и сказки.

Позже — учеба во Фрунзенском государственном университете на факультете филологии. Одновременно он посещает Челябинск со своими лекциями; сотрудничает с детскими садами и школами.

После окончания университета Олег Валиджанович увлекся социологией и на одном из крупнейших предприятий Фрунзе создал первую в республике лабораторию социологии.

В 1990 году во Фрунзе вышла первая книга Олега Юлдашева «Сладкоежки-гномики».

Уже в 1991 году его талант заметили и оценили. Юлдашев был приглашен на должность редактора детской литературы в Южно-Уральское книжное издательство.

Однако 27 июля 1992 года Олег Юлдашев трагически погиб. Его вдова сейчас живет в Челябинске.

ИСТОЧНИКИ:

1. Андреев В.Ф. Белый лес (рассказ) // Челябинский рабочий, №259, 11 ноября 1984.

2. Бажов П.П. Сочинения в 3 томах. Том 1. — М.: «Правда», 1986.

3. Большакова Т.Д. Разноцветная ракушка. Сказки. — Челябинск: ТОО «Форум-издат», ТОО «Лад», 1994.

4. Борченко А.Г. Разбежались буквы // Уральская новь, сентябрь, 1989.

Борченко А.Г. Во саду ли, в огороде // Уральская новь, октябрь, 1978.

Борченко А.Г. Обновка. Стихи для детей. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1974.

5. Ваторопина Н.М. Неотправленная фотография. Сборник рассказов. — Челябинск, 2000.

6. Власова С.К. Голубая жемчужина. Легенды, предания, сказы дореволюционного Урала. — Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1958.

7. Гершуни С.М. Чудесный ящик. Стихи для детей. — Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1958.

Гершуни С.М. Мы мальцы-удальцы. Стихи для детей. — Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1962.

8. Глебов Н.А. Колокольчик в тайге. Сборник рассказов. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1973.

9. Гольдберг А.Я. Ковыль горит. Стихи. — Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1959.

Гольдберг А.Я. Роза ветров. Стихи. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1967.

10. Горская А.Б. Читайка. Сборник стихов и рассказов. — Челябинск, 1991.

Горская А.Б. Аквариум детства. Песни для детей и взрослых: музык. альбом. — Челябинск: ТОО «Версия», 1997.

11. Гроссман М.С. Вокруг тебя. Стихи для детей. — Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1959.

Гроссман М.С. Птица-радость. Рассказы о голубиной охоте. — Свердловск: Средне-уральское книжное издательство, 1971.

12. Дементьев А.И. Зеленый шум. Рассказы о природе. — Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1963.

13. Киньябулатова К.К. Поэты Башкирии. Антология в 2 томах. Том 2. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980.

Киньябулатова К.К. Дыхание матери. Стихи. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1985.

14. Комаров Г.А. В день рождения кота. Стихи для детей. — Челябинск: Челябинский дом печати, 1997.

15. Кондратковская Н.Г. Синий камень. Легенды, сказки, поэмы по мотивам преданий Южного Урала. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1979.

16. Конторович Л.И. Колька и Наташа (повесть). — Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1957.

17. Кузнецов В.Н. Базар. Сказка. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1972.

18. Львов М.Д. День воспоминаний. Стихи. Проза. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1997.

Львов М.Д. Двухэтажный человек // Детский литературнопознавательный журнал «Тропинка», №2, декабрь, 1996.

19. Мустафин К.А. Ключ. Стихи. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1971.

20. Пикулева Н.В. Слово на ладошке. Игры, считалки, загадки и скороговорки. — М.: «Новая школа», 1997.

21. Подкорытов Ю.Г. Сказки весенних капель (рассказы для детей). — Челябинск: Челябинское книжное издательство, 1960.

Подкорытов Ю.Г. Дед Куделька и Огонь Великан (сказка). — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1967.

Подкорытов Ю.Г. Сказки из старинной шкатулки. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1980.

22. Преображенская Л.А. Пусть заблудится ветрище. Стихи для детей. — М.: «Малыш», 1977.

Преображенская Л.А. Голубая синица. Новеллы, стихи, сказки, загадки. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1983.

23. Рафиков Б.Ш. Жду солнца. Сборник стихов. — Набережные Челны, 1999.

24. Рахлис Л.Я. Чтобы все росло вокруг. Стихи. — М.: «Детская литература», 1989.

Рахлис Л.Я. «Тук-тук». Стихи для детей. — Атланта, 2001.

25. Савин В.А. Юванко из большого стойбища. Повести и рассказы. — М.: «Детская литература», 1975.

26. Татьяничева Л.К. Веселый улей. Стихи для детей. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1965.

Татьяничева Л.К. Звонкое дерево. Стихи для детей. — М.: «Советская Россия», 1973.

Татьяничева Л.К. Про Олю. Стихи для детей. — М.: Малыш», 1983.

Татьяничева Л.К. Я другой не искала судьбы. Избранные стихи. — Оренбург: «Димур», 1997.

27. Трейлиб Г.В. Крашеное коромысло. Рассказы из русских народных загадок. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1976.

Трейлиб Г.В. Рассказы и сказки. Челябинск: Ассоциация детских авторов, 1992.

28. Ховив Е.Г. Веселые горошинки. Стихи для детей. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1968.

Ховив Е.Г. Какого цвета лето? Стихи для детей. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1969.

29. Цуприк Н.В. Айка. Рассказы. — Челябинское книжное издательство, 1958.

30. Черепанов С.И. Кружево. Сказы и сказки. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1983.

31. Чучелов М.Г. Утренник. Сборник стихов. — Челябинск: «Деятель», 1918.

32. Шагалеев Р.Н. Веселая горка. Стихи для детей. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1991.

Шагалеев Р.Н. Колыбельные животных. Стихи для детей. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1993.

33. Шилов Н.П. Страшный зверь. Стихи для детей. — Челябинск: Издательство Т.Лурье, 2000.

Шилов Н.П. Безусый самсусам. Стихи для детей. — Челябинск: Издательство Т.Лурье, 2002.

34. Школьникова С.Б. Стихи //Детский литературно-познавательный журнал «Тропинка», №2, декабрь, 1996; Школьникова С.Б. Стихи //Детский литературно-познавательный журнал «Тропинка», №1, март, 1997.

35. Юлдашев О.В. Сладкоежки-гномики. — Фрунзе: «Адабият», 1990.

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА РОДНОГО КРАЯ

Хрестоматия для учащихся 1—4 классов

Составители: Горская Ася Борисовна, Капитонова Надежда Анатольевна, Крохалева Татьяна Николаевна, Чипышева Людмила Николаевна

Редактор *Ю.А. Калинина*

Художник *О. В. Данилова*

Корректор *Н.О. Абрахина*

Компьютерная верстка — *Т. В. Чигинцева*

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 74.22.05.953.П.000208.03.05 от 18.03.2005

ИД № 01459. Формат 60х84/16. Бумага Гознак для ВХИ. Гарнитура «Text Book». Подписано в печать 16.08.2010. Усл. печ. л. 20,46. Тираж 2 000 экз. Цена свободная. Заказ № 1241

ООО «Издательский центр "Взгляд”»
454048, г. Челябинск, ул. Худякова, 10
тел.: (351) 271-97-07, 269-46-60
e-mail: vzglyad@inbox.ru
www.icv-kniga.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Полиграфический комбинат “Зауралье”» 640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106

notes

Примечания

1

Жерлица — специальная удочка, на которую ловили щук.

2

Голбчик (голбец) — перегородка между печью и полатями в крестьянской избе.

З

Ложок — долина, широкий овраг, ущелье, заросшее травой.

4

Елань — открытое место.

5

Согра — болотистая низменность.

6

Еман — домашний козёл.

7

Каёлка — инструмент рудобоев.

8

Бленда — ископаемое, похожее на руду, на рудный блеск.

9

Исподка — оборотная сторона, изнанка.

10

Намашок — быстро.

11

Мухортая — гнедая с жёлтыми подпалинами.

12

Монах — порода голубей.

13

Изложница — форма для отливки металла.

14

Сабан — плуг.

15

Вешна — весна.

16

Блазнит — мерещится.

17

Куржак — иней, изморозь.

18

Кадило — металлический сосуд, используемый во время богослужения.

19

Шиханы — холмы на берегу реки.

20

Распадки — узкие долины в горах, ложбины.

21

Уремный — плохой, криворослый.

22

Кричный мастер — человек, который получает из чугуна железо.

23

Освенцим, Равенсбрук — фашистские концлагеря.

24

Сутунок — расколотое пополам бревно.

25

Осёлок — камень, на котором точат режущие предметы.

26

Запончик — рабочий фартук.

27

Зарукавье — браслет.

28

На отличку — отличается, не походит на что-то.

29

Глядельце — зеркальце.

30

Умуется — много думает, мучается.

31

Крутик — утёс, обрыв.

32

Сурьмяная — чёрная.